

М. ТАНИН

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА СССР

(1917 — 1924)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА — 1925

1524381

70к 12/ху-262

017. 1680

720K1.

4/11/68
2002

327471
T-18
57680

lp

~~773570~~

1-1518

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

СОУНЬ им. В. Г. Белинского

М. ТАНИН

327 (47)
Т-182 ✓

327 (47)
176+2 Т-182

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА СССР

(1917 — 1924)

030872

Инд. 1936 г. № 1-6375

030872

Инд. 1936 г. № 1-6375

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИМЕНИ

В. Г. БЕЛИНСКОГО
Свердловск.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА — 1925.

СОУНЬ ИМ. В. Г. Белинского

1524384

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Главлит № 27047.

Тираж 10.000

„Мосполиграф“, 13-я тип. „Мысль Печатника“, Петровка, 17.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. Октябрь — Генуя	5
II. Основные политические моменты последнего времени.	
Выход на мировой рынок	9
Лозаннская конференция	11
Ультиматум Керзона	14
Германские события	17
Признания де юре	—
СССР и Лига Наций	19
III. Обзор по странам.	
Англия	24
Франция	33
Италия	40
Америка	43
Япония	48
Германия	52
Польша	58
Румыния	62
Чехословакия	66
Югославия	68
Прибалтийские страны (Эстония, Латвия, Литва, Финляндия)	69—73
Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания)	73—75
Австрия	75
Болгария	76
Греция	77
Швейцария	—
Турция	78
Персия	84
Афганистан	89
Китай	91
Монголия	96
IV. Почему мы побеждали и почему мы победим	98
V. Дополнение:	
Англо-советский договор 8 августа 1924 г.	102

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

I. Октябрь — Генуя.

Союз Советских Социалистических Республик и капиталистический мир, — достаточно формулировать вопрос, чтобы сразу бросилась в глаза его сложность; с одной стороны, советский строй, диктатура пролетариата — переход к социализму; а с другой — капиталистический строй, диктатура буржуазии, до последнего издыхания защищающей каждую пядь капитализма.

И неудивительно, что как только российский пролетариат в союзе с крестьянством сбросил иго капиталистов, весь капиталистический мир бросился на страну бунтарей — большевиков, чтобы кровью залить пожар революции, угрожающий охватить весь мир. Нет той подлости, нет того чудовищного преступления, на которые не решилась мировая буржуазия в борьбе не на живот, а на смерть с Республикой Советов. Интервенция, взрывы изнутри, открытая война, голодная мертвящая блокада, всемирная кампания гнуснейшей лжи и клеветы — все было испытано. Но российский пролетариат, терзаемый голодом, холодом, болезнями и разрухой, с истинно нечеловеческим героизмом успешно отбивался от целого мира врагов. Он разбил на голову ставленников внутренней и внешней контр-революции — Корнилова, Каледина, Краснова, Дутова, Деникина, Мамонтова, Врангеля, Коллака, Юденича, Миллера, Семенова, Меркулова, Унгерна и др. генералов и баронов, разбил чехословацких легионеров, отбил от французских наймитов — белополяков, прорвал блокаду и заставил беснующийся в бессильной злобе капиталистический строй признать силу ненавистной рабоче-крестьянской страны. Именно за этим признанием силы пролетарского государства последовали признания де факто и де юре ¹⁾, и между Советским Союзом и капиталистическим окружением как будто установилось некое равновесие. Но по существу борьба продолжается. Основное противоречие остается. Гнилое капиталистическое окружение стремится разложить здоровое коммунистическое ядро. А коммунистическое ядро силится в своем росте сбросить гнилую оболочку и заполнить собою все окружение — весь земной шар. Итак, борьба продолжается. Она только приняла новые экономически-дипломатические формы вместо военных. И то — до поры, до времени...

¹⁾ Разница между двумя этими видами „признаний“ по старому международному праву состоит в следующем: признанием „де факто“ (de facto) констатируется просто факт наличия данной власти в данной стране; признанием же де юре (de jure) за этой властью утверждается ее правомерность.

Вспомним основные этапы этой по значению своему величайшей в человеческой истории борьбы, борьбы двух миров — старого капиталистического и рождающегося нового коммунистического. Восстановим хоть в самых общих штрихах основные моменты первого пятилетия существования Советского Союза, хронологически приблизительно укладываемые в определенную политическую формулу Октябрь — Генуя, а потом, прежде чем перейти к обзору наших внешних взаимоотношений по странам, остановимся подробнее на событиях более близкого нам периода — 1923 г. и первой половины 1924 года ¹⁾.

Октябрь — Генуя — это первый этап по великому историческому пути мировой социальной революции, этап, имеющий исходным пунктом возникновение первой социалистической республики в дни великого Октября 1917 года, а конечным пунктом — тот момент, когда капиталистический мир, подавленный блестящими победами первого пролетарского государства, оказывается вынужденным протянуть ему ветку мира. Правда, протягивая одной рукой пальмовую ветку, мировая буржуазия держит за спиной в другой руке остро отточенный кинжал, но факт позорного банкротства пятилетней осады социалистической крепости налицо.

Этот этап Октябрь — Генуя можно подразделить на следующие участки, из которых каждый новый календарный год, начиная с 1918 г. да, приблизительно совпадает с новой годовщиной существования советской республики.

1918 год — Брестский мир (3 марта). Вынужденное неумолимым ходом событий, „опозданием“ революции в Германии и других странах стратегическое отступление российской революции перед германским империализмом. Продолжающееся наступление германского империализма после заключения мира (провозглашение белой диктатуры Маннергейма в Финляндии, оккупация Украины и т. д.).

Анулирование Брестского мира советским правительством (13 ноября) в момент взрыва германской ноябрьской революции без возражений со стороны Германии.

Постепенный разрыв с союзниками, которые в первые месяцы революции еще колебались в выборе политической линии по отношению к революционной России.

Начало интервенции союзников. Японский десант во Владивостоке (6 апреля), к которому впоследствии присоединяются и войска союзников. Англичане захватывают Архангельск (5 августа).

Чехословацкий фронт. 10 августа чехо-словаки ²⁾ зани-

¹⁾ Эта книжка заканчивается в июле 1924 года.

²⁾ Чехословацкие полки (легионы) были образованы в России из военнопленных и перебежчиков чехов и словаков, не желавших сражаться за Австро-Венгрию. После заключения Брестского мира советское правительство, по настоянию Антанты, разрешило им переехать во Владивосток с целью отправки во Францию. По приказу союзников чехо-словаки начали войну против советской власти.

мают Казань. Внутри страны — серия восстаний и заговоров. Покушение эс-эрки Каплан на т. Ленина (30 августа), убийство Урицкого и Володарского — опаснейший момент в жизни советской республики. Победы над чехо-словаками. Занятие Казани красными (10 сентября). Очищение от белых всей линии Волги (октябрь). Переменный успех на других фронтах.

1919 год. Разгар интервенции и начало ее конца. Адмирал Колчак, действующий по непосредственным приказам его фактического начальника, французского генерала Жанена, подходит к Самаре и Казани (апрель). Красные отбрасывают его за Урал (июль). Другой союзнический наймит, генерал Деникин, захватывает Орел, на расстоянии одного дня железнодорожного продвижения до Москвы (14 октября). Одновременно третий ставленник интервентов, генерал Юденич, подходит к самым подступам другой красной столицы — Петрограда.

Мировая буржуазия уже празднует падение советской власти. Но в героическом напряжении всех сил революция опрокидывает белые армии. Огромное впечатление в буржуазном мире. Первые переговоры с союзниками через т. Литвинова в Копенгагене (в конце года).

1920 год. Война с Польшей, как рецидив (возврат) интервенции; параллельно с этим успехи в деле мира с союзниками и их вассалами — окраинными государствами — и снятие блокады по постановлению верховного совета (январь).

6 мая поляки берут Киев. В середине августа Красная армия появляется у ворот Варшавы. Мировая буржуазия в панике.

Революционный прилив во всех странах. „Советы действия“ в Англии. Подъем в Германии. Отступление Красной армии. Прелиминарный (предварительный) Рижский мирный договор с Польшей (12 октября). Польский территориальный клин между Советской Россией и Германией.

Ликвидация врангельщины (октябрь — ноябрь). Барон Врангель через несколько недель после признания Францией его шайки „настоящим“ правительством России сбрасывается в Черное море. Пад $\frac{1}{6}$ земного шара от Читы до Петрограда и от Мурманска до Севастополя развевается красный флаг.

Мирные договоры с окраинными республиками. 2 февраля — подписание мирного договора с Эстонией в Юрьеве; 12 июля — в Москве с Литвой; 11 августа — в Риге с Латвией; 14 октября — в Юрьеве с Финляндией.

1921 год. Крупные дипломатические успехи. Договоры с державами, и параллельно с этим попытка мировой буржуазии использовать голодную катастрофу в Поволжье.

16 марта — договор с Англией. (Подписан как раз в тот момент, когда Кронштадт был в руках повстанцев и вся буржуазная печать в тысячу первый раз предсказывала неминуемое,

немедленное падение советской власти.) В тот же день в Москве подписывается договор с молодой Турцией, поднявшей меч против империализма Антанты. Несколько раньше в Москве заключаются договоры с другими восточными странами, вступающими на путь борьбы с империализмом — с Персией (26 февраля) и с Афганистаном (28 февраля). 18 марта подписывается Рижский договор с Польшей; 6 мая в Берлине — договор с Германией, фактически равносильный восстановлению дипломатических сношений; 2 сентября в Христиании — договор с Норвегией; 5 ноября в Москве — договор с Монголией; 6 декабря в Риме — предварительный торговый договор с Италией.

Однако параллельно с этим процессом установления мирных отношений с капиталистическими странами происходят два серьезных конфликта, указывающих на неустойчивость положения — с Польшей и Финляндией. Польские милитаристы в конце года пытаются спровоцировать войну с Советской Россией, направляя на Украину петлюровские банды, а финские белогвардейцы организуют набеги финско-карельских банд в Карелию. Осторожной и вместе с тем решительной тактикой советской дипломатии удастся избежать войны.

Срывается также спекуляция мировой буржуазии на голодной катастрофе, и Советская Россия вступает в пятый год своего существования еще более окрепшей.

1922 год. Генуя — Гаага (апрель — июль). Приглашение в „семью цивилизованных народов“. Империалистические державы перед всем миром признают позорное банкротство проводившейся с таким упорством и стоившей столько жертв политики вооруженной интервенции и блокады, равно как и попытки игнорирования Советской России. Но вместе с тем они пытаются за зеленым столом дипломатических переговоров, свести на нет все завоевания российской революции путем обещания помощи в деле восстановления Советской России на условиях полного признания долгов, возвращения национализированной собственности, введения „независимого“ суда и т. д. Советское правительство дает решительный отпор мировому капиталу. „Генуя“ и „Гаага“ не дают никаких конкретных результатов. Но они как нельзя лучше оттеняют победу Советской России над буржуазным миром, обнаруживают невозможность соглашения при едином фронте капиталистических держав, компрометируют такой метод для будущего и готовят почву для сепаратных соглашений и признания СССР де юре.

Таким образом пятилетний этап Октябрь — Генуя является этапом не только блестящих, но в исторической перспективе весьма быстрых побед российской революции, подготовивших успехи 1923 года и период „признаний“ 1924 года.

II. Основные политические моменты последнего времени.

Выход на мировой рынок.

1923 год прошел под знаком наступления мирового капитала. (Накануне 1923 г.—фашистский переворот в Италии, затем белогвардейские перевороты в Болгарии и Испании, вторжение Пуанкаре¹⁾, этого „жандарма Европы“, в Рур, поражение пролетариата в Саксонии, неудача восстания в Болгарии и т. д.)

Но, несмотря на все эти неблагоприятные условия, 1923 год был годом крупных успехов на наших дипломатических фронтах. Правда, эти успехи лишь в немногих случаях вылились в форму конкретных дипломатических актов: они не принесли ни одного признания де юре. Но они подготовили почву для этого. Ведь в сущности решающим является факт признания СССР огромной международной силой. Дипломатическое признание — только формальный вывод из этого факта. А в смысле завоевания международного престижа СССР в 1923 году сделал огромный успех. Решающим фактором, помимо общего внутреннего упрочения, явился дебют на мировой арене нашего хлеба. Когда представители советского правительства в начале года заявили, что СССР будет в состоянии уже осенью приступить к вывозу значительного количества хлеба, буржуазная печать об'явила это „большевистским блефом“. Но наш хлеб „пришел, увидел и победил“. Попробовали на вкус. Хоть и большевистский, но—ничего. Качеством не хуже, а даже лучше и почище американского. И наш хлеб „признали“. И уже в конце года печать систематически сообщала из Лондона, Парижа, Рима, Нью-Йорка, Константинополя, Стокгольма, Гельсингфорса и т. д. об огромном впечатлении, произведенном нашим зерном на деловые и общественные круги. Когда в Лондоне было образовано смешанное русско-английское общество с солидным капиталом для финансирования хлебного экспорта

¹⁾ Рэймон Пуанкаре — президент Французской республики с 1913 по 1920 г. и министр-президент с 1921 по 1924 г. Один из виновников войны 1914—18 гг. и одна из крупнейших фигур мирового империализма. Заклятый враг СССР.

из Советской России, это комментировалось, как крупное событие всей мировой печатью.

Не даром влиятельный английский орган „Обсервер“ в то время писал: „Быть может, советское правительство вовсе не увлекается, когда оно считает, что разбукшие закрома сделают то, чего не сделали дипломатические переговоры“.

Наш хлебный экспорт стал огромным революционным фактором. (Вывезено было в 1923—24 году около 170.000.000 пудов против 40 миллионов пудов в 1922—23 году.) Об этом говорят демонстрации, устроенные германскими рабочими в честь прибытия хлеба, пожертвованного нашими профсоюзами. Если наш голод запугивал отсталые элементы рабочего движения на Западе и действовал на руку соглашателям, то экспортируемый нами хлеб рассеивает эту боязнь и вселяет бодрость и энтузиазм в сердца мало-сознательных рабочих.

Другим нашим успешным дипломатом была нефть. В 1923 г. мы прорвали нефтяную блокаду. Ведь долгое время наша нефть „не признавалась“ на мировом рынке. Она была объявлена „краденой“. (Эта возмутительная национализация, попирающая все божеские и человеческие законы!) По изживании иллюзорных надежд на крах коммунистического строительства в результате нэпа, наше растущее общее экономическое и политическое упрочение, а в частности рост производства нашей национализированной нефтяной промышленности (322 мил. пуд. в 1922—23 операционном году против 275 мил. пуд. в 1921—22 г.),— все это, вместе взятое, очистило смертный грех нашей нефти. Ее тоже „признали“. В отчетном году мы заключили важные сделки с „самой“ английской „Роял-Дэтч“ и с другими крупнейшими компаниями. За последние месяцы 1923 года Азнефть стала получать заказы на нефть из целого ряда стран (всего в 1923—24 г. вывезено нефтепродуктов около 50 миллионов пудов). К нам приезжал Гарри Синклер — президент известной компании того же имени. Додж — представитель „Стандард-Ойл“, Медисон Дэй — президент Байронсдальской Компании, и др. „послы“ нефтяных королей.

Третьим чрезвычайно важным фактором, благоприятно влиявшим на наше международное положение в 1923 году, был червонец.

Наш червонец, который вначале тоже был объявлен „большевистским блефом“, вырвал „признание“ у капиталистического мира. Даже сама репарационная комиссия соглашалась заинтересоваться „чудом червонца“. А когда мы в начале 1924 года преподнесли капиталистическому миру новое „чудо“ — твердую, „осознательную“ монету и устойчивые казначейские знаки, впечатление от наших финансовых реформ еще более усилилось.

Чтобы закончить с факторами нашего экономического оздоровления, расчищавшими нам путь на мировую политическую

арену, прибавим еще, что за октябрь 1922 — 23 г. наш вывоз составлял по довоенным ценам 133,2 миллиона руб. зол. против 63,9 мил. руб. годом раньше. А за 6 только месяцев 1923 — 24 г. вывоз уже составлял 179,2 мил. руб. золотом. Ввоз сократился за октябрь 1922 — 23 г. с 282,3 мил. рублей до 152,1 мил. руб. Это сокращение главным образом падает на продовольствие и таким образом тоже составляет положительный факт; ввоз за 6 месяцев 1923 — 24 г. составлял 83,5 мил. рублей.

Вот в самых беглых чертах экономические моменты нашего систематического продвижения вперед, к первым рядам международной аренды. Мы окрепли, мы заставили капиталистический мир включить нас в цепь мирового экономического обмена, из которой нас исключили блокадой и интервенцией.

В этой победе огромную роль сыграла столь неприятная нашим капиталистическим контрагентам государственная монополия внешней торговли. Комбинированная с политической дипломатией, наша „торговая дипломатия“ не дает нашим врагам брать от нас экономические выгоды, не давая нам взамен политических.

Таким образом наша социалистическая хозяйственная политика дает нам в руки сильный козырь в борьбе за полное признание.

Лозаннская конференция.

Три силы встретились на Лозаннской конференции: империалистический Запад, Восток и Советский Союз.

Западные капиталистические державы, несмотря на раздиравшие их противоречия, в основном выступали на конференции единым фронтом против Советского Союза. Это один поучительный урок „Лозанны“. Второй важный урок заключается в новых осложняющих моментах в восточной проблеме, что сказалось в позиции Турции. Турция вышла победительницей из тяжелой борьбы с западным империализмом. Но, как только долгая изнурительная борьба пришла к концу, Турция решила ценой уступок добиться компромисса с крупными державами и открыть доступ их капиталу для ускорения экономического развития страны.

В результате указанного сдвига в политике Турции советская делегация в Лозанне осталась изолированной, и ей не удалось помешать подписанию конвенции о проливах, открывающей военным судам западных держав доступ к нашему побережью Черного моря.

Лозаннская конференция открылась (20 ноября 1922 года) без участия советской делегации. Последняя, под председательством тов. Чичерина, была допущена к участию в работах этой конференции, задевающей коренные интересы СССР, только впослед-

ствии (в первых числах декабря), и то участие было ограничено некоторыми вопросами о проливах. Такое решение со стороны держав объясняется следующим: с одной стороны, они имели все основания опасаться, что, участвуя в полной мере во всех работах конференции, советская делегация будет систематически разоблачать их хищнические планы, а с другой стороны, они, считаясь с общественным мнением либеральных кругов (в частности английских) и, быть может, отчасти соглашаясь с ними, рассуждали, что без подписи Советского Союза договор о проливах сразу потеряет в своем значении. Отсюда и средний путь допущения „постольку-поскольку“, избранный председателем конференции английским министром иностранных дел лордом Керзоном. Что касается Турции, то она требовала нашего участия во всех работах конференции, но пойти из-за этого на конфликт с союзниками она не хотела.

Вопрос о проливах сразу стал во всей его остроте, но в совершенно новой исторической перспективе. Во времена царизма Англия, опасаясь проникновения военно-морского влияния России в Средиземное море (путь в Индию!), добивалась закрытия проливов для русского военного флота. Теперь, когда черноморский флот Советской России чрезвычайно ослаблен, английские империалисты уже добиваются свободного прохода военных судов через проливы и их демилитаризации. Прикрываясь красивым лозунгом „свободы морей“, английские империалисты, чьей действительной целью искони была монополия морей, добиваются для своего флота свободного доступа к черноморскому побережью, чтобы держать Советский Союз под постоянной угрозой с юга.

На заседании комиссии о проливах от 4 декабря тов. Чичерин огласил декларацию, в которой он противопоставляет мирную позицию советской дипломатии империалистической позиции Англии. Приводим наиболее существенные выдержки из этого исторического документа.

„Постоянная свобода торгового мореплавания и мирных морских сообщений в Босфоре, в Мраморном море и в Дарданеллах должна быть обеспечена абсолютно и без какого-либо ограничения. Сохранение мира на Черном море и безопасность его берегов, равно как и сохранение мира на Ближнем Востоке и безопасность Константинополя должны быть прочно гарантированы, а это означает, что Дарданеллы и Босфор как в мирное время, так и в военное должны быть постоянно закрыты для военных и вооруженных судов, а также для военных летательных аппаратов всех стран.

„Принцип свободы плавания в проливах и принцип закрытия их для военного плавания взаимно друг друга дополняют, так как лишь совершенное закрытие проливов для всех военных или вооруженных судов, а также для всех военных летательных аппаратов

других наций, может действительным образом гарантировать свободу мирного плаванья в этих водах. Основываясь на том факте, что Дарданеллы и Босфор принадлежат Турции, российское правительство и его союзники, уважая суверенитет каждого народа, настаивают на восстановлении и на сохранении во всей их полноте прав турецкого народа на свою территорию и на свои воды. Российское правительство и его союзники настаивают главным образом на том факте, что турецкое правительство будет в состоянии защищать действительным образом проливы и Мраморное море от какого бы то ни было нападения лишь в том случае, если за ним определенно будет признано право укреплять и вооружать его берега, иметь военный флот и применять в деле защиты проливов и Мраморного моря все средства современной военной техники.

„Заккрытие проливов для военных судов соответствует также принципу равенства между всеми государствами, тогда как открытие их для военных судов создаст преимущество для наиболее сильной морской державы.

„Советская Россия, аннулируя без какой бы то ни было компенсации все соглашения, касающиеся передачи Константинополя России, давая тем самым возможность Турции победоносно защищать свое существование и освобождая все государства бассейна Средиземного моря от старой угрозы вековых вождедений царизма, никоим образом не имела намерения позволить, чтобы вопросу о проливах было дано разрешение, непосредственно направленное против ее собственной безопасности.

„Российское правительство и его союзники считают долгом еще раз настаивать на исключительном значении проливов для экономической жизни Советской Федерации. Достаточно указать, что из всего экспорта хлеба из России, согласно статистическим данным 1910 г., более 70% было вывезено через порты Черного и Азовского морей.

„Равным образом с точки зрения обороны предлагаемое нами разрешение представляет собою единственную возможную гарантию элементарнейших жизненных интересов России и ее союзников... Достаточно напомнить об оккупации союзниками Одессы, Николаева, Херсона, Севастополя, Батума и других приморских городов Черного моря. Единственно лишь благодаря возможности для морских союзнических сил проходить через проливы державы Антанты оказали в состоянии созвать в наших южных пределах армии Деникина и Врангеля и поддерживать их борьбу против правительства России и ее союзников“.

Но маркиз Керзон, конечно, не из таких, чтобы смутиться обоснованной и справедливой аргументацией. Ему удалось достигнуть соглашения с председателем турецкой делегации Исметом-пашой, который шел на уступки в вопросах о проливах, чтобы

выгадать на других. 7 февраля, в виду наступившего перерыва, наша делегация оставила Лозанну, предупредив секретариат, что уведомление о возобновлении работ должно быть адресовано тов. Воровскому в Рим. Тов. Воровский, однако, такого уведомления не получил, но все же он выехал в Лозанну, чтобы выяснить положение на месте. На конференцию он не был допущен и 10 мая после открытых угроз со стороны местных фашистов, которым потворствовали швейцарские власти и секретариат конференции, он пал на своем посту от руки русского белогвардейца Конради.

7 июля генеральный секретарь Лозаннской конференции запросил советское правительство, готово ли оно присоединиться к конвенции о проливах. Несмотря на то, что конвенция, в основу которой легли планы Керзона, идет в разрез с интересами СССР, советское правительство решило с оговоркой ее подписать, чтобы таким путем обеспечить себе возможность участия в конкретном проведении мероприятий, связанных с конвенцией, и в ее улучшении, пока она не будет аннулирована ходом событий. Наши оговорки были формулированы в ноте тов. Чичерина от 21 июля в ясной и решительной форме:

„Советские правительства, — говорилось в ноте, — оговаривают свое право поднять в будущем вопрос о внесении изменений в конвенцию о проливах. Они заранее заявляют, что если практика применения конвенции обнаружит, что ею недостаточно гарантированы интересы торговли и безопасности советских республик и всеобщего мира, они принуждены будут поднять вопрос о прекращении ее действия“.

14 августа 1923 г. в Риме конвенция о проливах, таящая в себе опасности для нашего Союза, опасности, вытекающие из нашей слабости на море, была подписана нашим полпредом в Италии. Доби́ясь прекращения действия этой конвенции — согласно нашей оговорке — она из основных задач нашей красной дипломатии. Путь к ее осуществлению лежит через усиление нашего Красного флота.

Ультиматум Керзона.

Тесно связан с наступлением английского империализма против СССР на Лозаннской конференции другой весьма важный момент в истории борьбы Советского Союза, вошедший в историю как „ультиматум Керзона“.

8 мая 1923 г., после целого ряда дипломатических выпадов против нас со стороны лорда Керзона, английский представитель в Москве вручил нам длинный меморандум с целым рядом обвинений, претензий и домогательств, в котором, под страхом разрыва торгового договора в случае неудовлетворения в десятидневный срок, нам предъявлялись следующие требования: 1) отозвать „с мест

их зловредной работы“ наших представителей т. Шумяцкого (Персия) и т. Раскольников (Афганистан) и извиниться за их деятельность. 2) Компенсация семье расстрелянного в 1920 г. — т.е. еще до подписания договора с Англией — английского шпиона Дэвисона и арестованной в свое время по подозрению в шпионаже журналистке Стэн Гардинг. 3) Допущение рыбной ловли за пределами трехмильной, а не двенадцатимильной прибрежной зоны. Компенсация командам тралеров, задержанных за рыбную ловлю в пределах двенадцатимильной зоны¹⁾. 4) „Недвусмысленное взятие обратно“ оскорбительной ноты Наркоминдела в ответ на ноту английского представителя в Москве от 30 марта по поводу смертного приговора над польским ксендзом Буткевичем.

Уже с первого взгляда на эти требования видно, что ставить их в форме 10-дневного ультиматума может только такое правительство, которое явно стремится к разрыву. Этого и хотел ярый враг Советской России лорд Керзон. Что же касается вопроса по существу, то дело обстоит так:

I. „Зловредная деятельность“ гг. Шумяцкого и Раскольникова состояла в том, что они всю свою дипломатическую деятельность строили, исходя из того, что Персия и Афганистан — не английские колонии, а независимые государства.

II. Дэвисон был расстрелян, а Гардинг арестована по заслугам — за шпионаж.

III. Международная практика давно уже отказалась от нормы в три мили для территориальных вод, имевшей свое оправдание в старые времена, когда дальноточность выстрела была значительно меньше, чем теперь. Сама Англия в 1890 году установила норму для территориальных вод вокруг острова Цейлона в 6 миль. Как бы то ни было, усмотреть в установлении 12-мильной зоны, как запретной для рыбной ловли, нарушение жизненных интересов Англии, требующих предъявления ультиматума, может только тот, кому нужен разрыв, а не рыба.

IV. История с оскорбительными нотами за подписью заведующего по отделом стран согласия П. К. И. Д. тов. Вайнштейна такова: в упомянутой ноте английского представителя от 30 марта английское правительство обращалось к советскому правительству „с серьезным и окончательным призывом“ приостановить исполнение смертного приговора над Буткевичем, который „не может не вызвать во всем цивилизованном мире чувства ужаса и негодования“. Вместо т. Чичерина, считавшего ниже своего достоинства, как главы П. К. И. Д., отвечать на такое дерзкое вмешательство во внутренние дела СССР и наглое оправдание шпионов, ответил т. Вайнштейн. Он напомнил почтенному лорду Керзону англий-

¹⁾ За некоторое время до того нашим военным судном в Белом море было задержано несколько английских рыболовных судов (тралеров), производивших ловлю ближе, чем в 12 милях от берега.

скую поговорку, что „с добродетели следует начинать у себя дома“: т. Вайнштейн указал в своей ноте, что Н.К.И.Д. получена телеграмма от представителя революционной Ирландской республики в Париже о том, что в английских тюрьмах содержатся в самом варварском режиме 14.000 ирландцев. Этот факт был в то время злободневным, но, вообще говоря, в практике английского империализма он был не особенно ярким. Ибо если бы не дипломатические условия, которые т. Вайнштейном все же в известной степени были соблюдены, можно было бы указать на бойню в Амритсаре (Индия), на забрасывание бомбами с аэропланов мирных арабских и египетских селений и т. д.

Так обстоит дело по существу всех затронутых в ультиматуме Керзона вопросов. Но советское правительство, не желая обострять положения, в своих ответных нотах от 11 и 13 мая не ставило точки над „и“ во всех пунктах. (Впрочем, в первой ноте Керзону напоминалось о 26 бакинских комиссарах, расстрелянных во время интервенции, об интригах английских агентов на Кавказе, в Туркестане и Восточной Бухаре, о целом ряде враждебных актов со стороны Англии и т. д.)

Окончательные предложения советского правительства, формулированные в этих нотах, а также тов. Красиным, спешно выехавшим в Лондон, сводились к следующему:

1) Обе стороны на началах полной взаимности подтверждают свои обязательства, вытекающие еще из торгового договора о воздержании от всякой враждебной пропаганды на Востоке. 2) Согласие на компенсирование семьи Дэвисона, а также Гардинг (Керзон требовал 13 тысяч фунтов стерлингов). 3) Предоставление английским гражданам права рыбной ловли в пределах 3-мильной зоны впредь до созыва международной конференции по этому вопросу. 4) Ноты Вайнштейна объявляются „несуществующими“.

Заключительным аккордом всей этой музыки по „нотам“ лорда Керзона была наша нота от 18 июля, которая, не вызывая ответа от Керзона, резюмировала конец переписки на вполне почетных для нас условиях. Вообще можно констатировать, что по мере того, как нам удавалось осторожной и уступчивой политикой привлекать на свою сторону английское общественное мнение, мы в каждой последующей ноте улучшали редакцию предыдущей...

Наша дипломатия прекрасно маневрировала в этот решительный момент. И в конце-концов планы Керзона, надеявшегося заставить нас капитулировать по всей линии нашей восточной политики и сорвать англо-советский договор (если не больше), потерпели крах. Тот факт, что после всей бури в связи с ультиматумом Англия все-таки не порвала торгового договора с нами, благоприятно повлиял на отношения других стран к СССР. Советская дипломатия прекрасно выдержала испытание.

Германские события.

(Осень 1923 г.)

Другим экзаменом были германские события.

В сентябре 1923 года казалось, что со дня на день можно ждать решительного выступления германского пролетариата под руководством компартии. А в таком случае были все основания опасаться выступления Польши против революционной Германии. Бесчисленными собраниями, демонстрациями и резолюциями пролетариат СССР доказал, что он ясно разбирается в создавшемся положении, что он всеми силами готов отстоять русско-германскую революцию.

И в этот решительный момент наша дипломатия оказалась на высоте своего положения. Она не дала повода польской буржуазии играть на несознательности масс. Наш особополномоченный по переговорам с Польшей и окраинными государствами, тов. Копп, требовал только одного — соблюдения взаимного нейтралитета на случай решительных событий в Германии и транзита через Польшу для нашего хлеба, „независимо от внутренних политических условий в странах назначения экспорта“. Последние слова, взятые из нашего правительственного сообщения, означают, что, на ряду с ограждением германской революции от вооруженной интервенции извне, мы хотели помочь ей продовольствием. Это право огромной земледельческой страны на выход на мировой рынок настолько элементарно и неоспоримо, что польское правительство не решилось открыто отклонить наше законное требование. Но свои истинные намерения оно обнаружило отказом закрепить свое словесное согласие на бумаге в ясных, не допускающих кривотолков, выражениях.

В развитии революционных событий в Германии наступил неблагоприятный перелом и вопрос потерял свою остроту. Тем в большей мере оправдывается осторожная тактика нашей дипломатии.

Признания де юре.

Великие победы Советского Союза в борьбе с капиталистическим миром нашли свое формальное международно-правовое выражение в признании советского правительства де юре лишь в начале 1924 г., после шести лет существования советской власти. В это время признания быстро следуют одно за другим. 1-го февраля нас признала де юре Англия, 7-го февраля — Италия, 13-го февраля — Норвегия, 20-го февраля — Австрия, 8-го марта — Греция и 15-го марта — Швеция. В тот же день Н.К.И.Д. получает сообщение из Пекина от т. Карахана о том, что достигнуто соглашение с китайским правительством на основе признания нас де юре. Но в последнюю минуту это соглашение срывается под давлением дипломатического квартала в Пекине, этого „госу-

дарства в государстве“, на слабовольное полузависимое китайское правительство. Не проходит, однако, и трех месяцев, как то же китайское правительство под давлением общественного мнения Китая, возмущенного наглым вмешательством империалистов, и в сознании все растущей силы СССР признает советское правительство де юре и подписывает соглашение об управлении Китайско-Восточной ж.-д. (31 мая). (Подробнее см. Китай.)

18 июня вслед за другими Скандинавскими государствами и Дания признает СССР де юре.

Хотя признания де юре являются, как указывалось выше, лишь международно-правовым оформлением целого ряда побед Советского Союза на военном, экономическом и политическом фронтах, тем не менее эти дипломатические акты имеют сами по себе большое значение. До признаний де юре наш Советский Союз был, можно сказать, в положении жильца-рабочего, захватным революционным правом вселившегося в „благородный дом“ и живущего без прописки. Мы с успехом отстаивали свои революционные права на свое место под крышей мирового „концерта держав“ и без признания де юре, но наше „нелегальное“ положение причиняло нам большой ущерб, большие неудобства и неприятности. Заставив буржуазную дипломатию „прописать“ нас и выдать нам дипломатический паспорт, мы одержали большую победу не только в показательном смысле, но и в конкретном. Присутствие наших полномочных представительств в столицах капиталистических стран, конечно, поднимает наш международный престиж. И если в отношении капиталистического государства престиж—это признание его физической силы и только, то рост престижа нашего пролетарского государства это рост влияния революционного центра, т.-е. само по себе большое революционное завоевание. Признания де юре вводят нас в гущу международной дипломатии, существенно облегчают нашу дипломатическую работу и открывают ей широкие возможности; уменьшают опасности интервенции, в частности парализуют или по крайней мере затрудняют подрывную работу белогвардейской эмиграции за границей; создают для нас более спокойную и благоприятную международную обстановку. Наконец, в силу международного соперничества каждое признание де юре влечет с собой новые „признания“ и ускоряет процесс нашего полного включения в круг международных связей.

Но дипломатическое признание нас капиталистическим миром, конечно, не есть прекращение борьбы. Борьба продолжается. Она лишь принимает новые формы. Уже на второй день после признания в наших взаимоотношениях с крупными капиталистическими странами ставится вопрос о признании завоеваний нашей революции: национализации крупной промышленности и аннулирования иностранных долгов. Капиталистические державы предъявляют нам требования возмещения убытков их граждан, бывших собственников в России, и уплаты царских долгов. В наших взаимоотношениях с Италией этот вопрос крупной

роли не играет. Иначе дело обстоит с Англией, а главным образом с Францией. Так наз. „рабочее“ правительство Макдональда представило нашей делегации на англо-советской конференции в Лондоне счет, превышающий 10 миллиардов рублей золотом. Наша делегация стала на точку зрения признания довоенных долгов и компенсации мелких собственников и сепаратных соглашений с крупными собственниками при условии предоставления нам кредита и признания наших контр-претензий. Не приходится скрывать, что мы здесь идем на уступки. Но во всяком случае на меньшие уступки, чем в Генуе и Гааге. Когда пишутся эти строки, переговоры, протекающие медленно и с большими затруднениями, еще не закончены и результат их трудно предвидеть ¹⁾.

Еще больше трудностей этот вопрос представляет в наших отношениях с Францией, более других заинтересованной в смысле долгов и претензий частных лиц. Но мы должны быть благодарны Пуанкаре, который постарался, чтобы к моменту наших переговоров с Францией мы уже были признаны рядом крупных и мелких держав, что дает нам возможность добиться наиболее выгодного компромисса, опять-таки на значительно лучших условиях, чем в Генуе и Гааге. Эти соглашения должны открыть путь для привлечения иностранного капитала в СССР. На этом пути для нас много опасностей, но мы можем с уверенностью сказать, что после того, как мы основательно укрепились на наших экономических командных высотах в крупной национализированной промышленности, транспорте и монополии внешней торговли, после того, как мы так окрепли в политическом и военном отношении, мы справимся с (нами же регулируемым) проникновением иностранного капитала, и в конечном счете он будет лить воду на нашу мельницу.

СССР и Лига Наций.

Общий курс на „признание“, естественно, поставил и перед так называемой Лигой Наций ²⁾ вопрос об урегулировании отношений с СССР. Этот вопрос стал еще более актуальным в связи с попыт-

¹⁾ См. дополнение в конце книжки.

²⁾ Лига Наций („Союз народов“) была создана после империалистической войны державами-победительницами по инициативе американского президента Вильсона, пытавшегося играть роль „пророка мира“. Согласно уставу цель Лиги определяется, как „содействие сотрудничеству народов и достижение мирового мира“. Эта цель должна была отвечать естественному стремлению всех народов отодвинуть после ужасов мировой бойни и дать им иллюзию, что вслед за войной „за демократию и малые народы“ будет проведено разоружение, и мир будет переустроен на новых, лучших началах. Но истинная цель Лиги Наций как нельзя лучше выявляется тем фактом, что устав ее являлся существенной составной частью грабительского Версальского договора. Истинная цель Лиги — под прикрытием миротворчества закрепить господствующее положение победоносной империалистической Антанты над побежденными и „покровительствуемыми“ народами. Естественно поэтому, что за все время своего существования Лига абсолютно ничего не сделала для сокращения вооружений и стала центром интриг против слабых народов и СССР и грызни между „великими державами“.

кой Макдональда реорганизовать Лигу привлечением СССР и Германии, что должно, по его замыслу, ослабить влияние зарвавшейся Франции.

В течение 1923 г. и начала 1924 г. Лига Наций, не признавая нас официально, приглашала советское правительство участвовать в ее разных комиссиях и совещаниях. Так, например, конвенция о проливах предусматривает наше участие в соответствующей комиссии при Лиге Наций; далее, мы были приглашены к участию в работах санитарной комиссии, железнодорожной и на конференцию Лиги Наций в Риме по вопросу о сокращении вооружения. Не связывая себя в вопросе о принципиальном отношении к Лиге, наше правительство в большинстве случаев принимало эти приглашения. Но в то же время наше вступление в „концерт великих держав“ ставит нас лицом к лицу с вопросом о нашем конкретном отношении к Лиге Наций. Можем ли мы, живя в капиталистическом окружении, ограничиться голым отрицанием всяких инструментов урегулирования международных отношений, как бы они ни были малодействительны в условиях капитализма? Не ослабим ли мы своей международной позиции, оставаясь в гордом, блестящем одиночестве? Не дадим ли мы этим оружие в руки врагов, которые будут обвинять нас в саботаже дела мира? (Именно в таком духе и был представлен запрос правительству в английском парламенте одним консерватором.) А с другой стороны, как устранить опасности, вытекающие из единого фронта капиталистических держав против нас в международном органе?

Ответ на эти вопросы мы находим в обращении нашего Наркоминдела (от 12 марта 1924 г.) к генеральному секретариату так называемой Лиги Наций. Приводим из официального сообщения Н.К.И.Д. наиболее существенные выдержки из этого чрезвычайно важного документа:

„Советское правительство отвергает нынешнее устройство так называемой „Лиги Наций“, являющейся фактически политическим орудием определенной коалиции держав. Советское правительство во всей своей политике стремится содействовать улажению мировых антагонизмов, предотвращению новых войн и защите слабых народов от сильных; оно изъявляет полную готовность обсуждать какие бы то ни было планы, имеющие целью выполнение этих задач, но оно решительно отказывается при этом оказывать поддержку проведению таких планов, которые при своем практическом осуществлении могли бы послужить орудием в руках одних государств или одной группировки государств для удовлетворения их сепаратных интересов или их воинственных намерений по отношению к другим государствам и которые могли бы в этом отношении даже ухудшить современное положение дел. Оно отвергает поэтому всякие планы всемирной организации, заключающие в себе постановления о принудительных мерах со стороны какого-либо международного учреждения по отношению к отдельным государствам. Такая система неизбежно сделается орудием в руках наи-

более влиятельной группы держав. Советское правительство считает в настоящее время всемирную международную организацию желательной лишь на основе добровольных соглашений, без применения принудительных мер по отношению к каким-либо государствам, в форме хотя бы конгрессов всех правительств, добровольно стоваривающихся об интересующих их вопросах.

„Что же касается вопроса о сокращении вооружений, то П.К.И.Д. в своем ответе указывает, что с целью скорейшего и наиболее успешного осуществления всеобщего сокращения вооружений следует совершенно отделить этот вопрос от более общего вопроса о всемирной международной организации...“

„Комиссия и общее собрание Лиги Наций действовали как раз наоборот: сначала подчиняли сокращение вооружений принятию всеобщего политического договора о гарантиях против войны и, наконец, в проектах комиссии и общего собрания взаимно соподчиняли сокращение вооружений и всеобщий договор против войны. Практически это означает фактическую отсрочку и того, и другого.“

„Советское правительство настаивает на немедленном международном обсуждении вопроса о параллельном пропорциональном сокращении вооружений всех стран с точной фиксацией максимума постоянных армий, морских и воздушных флотов каждого государства. Должна произойти фиксация военного бюджета каждой страны, и должен быть постановлен роспуск всех нерегулярных военных организаций; в то же время советское правительство рекомендует также организацию подконтрольных пограничных зон“.

Советское правительство указывает в заключение, что разоружение и устранение опасности войны не будут даже в малейшей мере достигнуты без участия СССР.

Последнее обстоятельство, очевидно, учитывается даже так называемой Лигой Наций. Вот чем объясняется тот факт, что формально непризнающая нас Лига Наций пригласила Советское правительство на конференцию по сокращению вооружений в Риме. Ввиду нашего отказа послать представителей в Швейцарию, которой нами был объявлен бойкот в связи с убийством Воровского, Лига Наций перенесла место конференции из Женевы в Рим. Правда, официально перенос конференции мотивировался другими причинами, но истинная причина для всех, и прежде всего для швейцарской буржуазии, была ясна¹⁾.

Римская конференция была созвана с целью распространения на другие страны решений Вашингтонской конференции по „разоружению“ (12 ноября 1921 г.— 6 февраля 1922 г.).

Хотя наше правительство относится отрицательно к Лиге Наций, а решения Вашингтонской конференции уже обнаружили

¹⁾ Еще о Лиге Наций см. дополнение в конце книжки (ответ т. Раковского Понсонби).

на практике свою полную несостоятельность, оно все же не отказалось от участия в конференции. Советское правительство всегда поддерживало всякую попытку в деле сокращения вооружений, если даже оно не имело особых шансов на успех.

На Римской конференции мы очутились перед единым фронтом „союзников“, которые пытались за собой закрепить высокий тоннаж¹⁾, установленный в Вашингтоне, а за нами — наш нынешний тоннаж, чрезвычайно низкий в количественном и качественном отношениях. Державы „миротворцы“ хотели оставить нам всего лишь 142 тысячи тонн против установленной в Вашингтоне нормы — Англия и Соединенные Штаты по 525 тысяч тонн, Япония — 315 тысяч тонн, Франция и Италия — по 175 тысяч тонн. Чтобы уяснить себе смысл этих цифр, нужно иметь в виду, что наш флот должен быть распределен в 5-ти несообщающихся между собой морях.

Что, в отличие от целей других морских держав, наши цели чисто-оборонительные, явствует из всей политической линии нашей дипломатии. В Лозанне наши представители требовали закрытия проливов для военных судов; в Риме наши эксперты требовали закрытия для военных судов небалтийских государств — Бельтов и Зунда. Но этих гарантий безопасности нам упорно не дают.

Этот частный случай ставит перед нами во весь рост вопрос о нашей безопасности в новой международной обстановке.

Полоса „признаний“ может вызвать чрезмерные иллюзии насчет нашего мирного сожительства с капиталистическими странами. Это — опасный самообман. Правда, „признания“, как уже указывалось, значительно разряжают атмосферу, но борьба капиталистического мира с носителем коммунизма, Советским Союзом, продолжается. И если нормальные дипломатические отношения между капиталистическими странами, — скажем для примера Англией и Францией, — вполне совместимы с глухой борьбой между ними, постоянно угрожающей вылиться в форму вооруженного конфликта, то тем менее может наше пролетарское государство спокойно почивать на лаврах „признания“ и возобновления „нормальных“ дипломатических отношений. Ничто, кроме нашей собственной силы и обороноспособности, не может гарантировать нам, что мы не подвергнемся неожиданному нападению с той или иной стороны в той или иной форме. Пусть продувные лицемерные буржуазные политики и обманываемые обманщики пацифисты расхваливают Лигу Наций, как „инструмент мира“. Мы же, независимо от нашего участия или неучастия в том или ином междугосударственном органе, знаем, что вооружения и войны могут исчезнуть только с исчезновением капитализма и что все меры по „смягчению“ войны не только

¹⁾ Тоннажем называется водоизмещение отдельного корабля или флота, исчисляемое в тоннах.

не являются паллиативом, но рассеиваются вместе с дымом от первого выстрела. Мы знаем также, что, несмотря на все обостряющиеся противоречия между капиталистическими державами, последние часто будут выступать против нас единым фронтом. А потому, продолжая нашу политику мира, мы в то же время ни на одну секунду не можем упустить из виду самую жизненную, решающую задачу — усиление обороноспособности нашего Советского Союза — все еще единственного пролетарского государства в империалистическом окружении.

Вот почему мы должны быть на чеку. Положение серьезное. Всюду идут лихорадочные вооружения — на суше, на воде, под водой и в воздухе. А мы пока все еще одни во враждебном окружении. И мы еще далеко не достаточно сильны. Не будем себя обманывать: наш морской флот слаб; воздушный флот только начинает развиваться по-настоящему; в военной химии и других областях военного дела нам теперь не под силу спорить с техникой врагов. Всего этого не скроешь. Враг знает это. Пужно, наоборот, подчеркивать перед массами эти слабые стороны, чтобы вовлечь их в дело обороны нашего социалистического отечества, чтобы налечь посильнее и принести побольше жертв для наших красных военных сил.

Конечно, слабость наша относительная. У нас есть большое преимущество — пространство, огромные людские резервы и героическая готовность масс к жертвам в защиту завоеваний революции. Но нужно думать о том, чтобы борьба не стоила нам слишком больших жертв. А для этого нужно поднять обороноспособность страны во всех отраслях военного дела.

III. Обзор по странам.

Англия.

Если проследить всю политику Англии по отношению к СССР после провала интервенции, то мы увидим, что она все время колебалась между боязнью большевистского СССР и сознанием необходимости сближения с ней, как с огромным рынком и как с силой, борющейся с врагом английского империализма — империализмом французским. Эта боязнь СССР, можно сказать, двойная — боязнь большевизма и боязнь России вообще, той России, которая соприкасается с Афганистаном, с Индией через него, с Персией, Турцией, Китаем — всеми теми странами, которые английский империализм уже поработил или надеется поработить. Этого соперничества на Востоке боятся не только обе буржуазные партии — консервативная и либеральная, но и соглашательская рабочая партия, насквозь проникнутая духом империализма.

„С другой стороны, в Англии после войны свирепствует хроническая безработица, и установление мирных отношений с СССР открыло бы широкие возможности для английской промышленности и, следовательно, для борьбы с безработицей.

Но влияние этого важнейшего экономического фактора стало сказываться в политике Англии лишь впоследствии. Первой задачей английского капитализма в связи с революцией в России естественно было нанести удар восторжествовавшему большевизму. Начинаясь период английской интервенции. Но и в этой политике нет последовательности. Английские империалисты, конечно, всеми фибрами души ненавидят Советскую Россию, но, с другой стороны, они боятся возвращения старой России, той России, которая в своих империалистических замыслах зарилась не только на Турцию, Персию и Афганистан, но даже на Индию, этот краеугольный камень британской великодержавности. Выгоднее всего считали английские империалисты или по крайней мере одно течение английского империализма — это иметь дело с Россией, раздираемой внутренней борьбой революции и контр-революции, или же с обескровленной большевистской Россией, от которой можно было бы оторвать важные в политико-стратегическом отношении части. (Отсюда „внимание“ к Кавказу.)

К тому же воевать с Советской Россией было бы удобнее всего, пользуясь пушечным мясом окраинных государств, а в частности Польши. По помогать им—значило косвенно помогать Франции, которая уже в момент победы над Германией становилась опасной соперницей Англии.

Таким образом недостаточная (соразмерно с бешеной ненавистью к большевистской России) поддержка Англией российской контр-революции в период интервенции диктуется не только противодействием со стороны рабочего класса и либеральной мелкой буржуазии, но и внутренним противоречием интересов английского империализма. Это противоречие вызывало разногласия среди империалистов, делало английскую политику еще более зигзагообразной и нерешительной и ускорило ликвидацию интервенции. Вот почему Англия первой из союзнических держав открывает в конце 1919 г. в Копенгагене переговоры с советским правительством якобы исключительно по обмену военнопленными, а на деле для зондирования почвы относительно общего соглашения. (Переговоры между заместителем Наркомавдела тов. Литвиновым и О'Греди открылись 25 ноября 1919 года и кончились благополучно 12 февраля 1920 года) Таким образом, открывая переговоры, Англия фактически прервала блокаду еще до решения Верховного Совета Антанты, которое последовало 16 января 1920 г. Вслед за этим Англия уже соглашается вести торговые переговоры, но не с советским правительством, а с Центросоюзом. Но правление Центросоюза ставит политическую точку над „и“, назначая руководителями делегации членов советского правительства тт. Литвинова и Красина. По приезде тов. Красина в Лондон — т. Литвинов допущен не был — переговоры, минуя „военнопленческую“ и торговую стадию, уже переходят в стадию политическую, несмотря на все формальные отводы Ллойд-Джорджа. Более того, сам Ллойд-Джордж вводит в игру „политику“, развивая, в ответ на выступление Красина на совещании с английскими министрами 31 марта, целую программу „предпосылок торговых отношений“, включающих и „пропаганду“, и восточный вопрос, и Грузию, и прибалтийские государства и т. д.

В это время подспевает война с Польшей и наступление Красной армии на Варшаву. Забыты счеты с Францией относительно Польши. Нужно спастись от революции. Ллойд-Джордж в ноте от 31 июля из Булони, где он совещался с Мильераном ¹⁾, с одной стороны, сулит нам золотые горы — полный мир с Англией, а с другой — угрожает наступлением английского флота, лишь бы

¹⁾ Президент Франции (1920—1924) Александр Мильеран, когда-то социалист, впоследствии ренегат, перешедший на сторону буржуазии и являющийся в настоящее время ярким империалистом. В 1924 г. после выборов в парламент, давших большинство радикалам (Эррио), был принужден оставить президентский пост. На его место избран умеренный радикал Гастон Думерг.

заставить нас приостановить победоносное шествие Красной армии. Но под влиянием наших побед настроение английского пролетариата становится боевым. Рабочий конгресс 12 августа в Лондоне, представляющий 6¹/₂ миллионов рабочих, угрожает забастовкой в случае войны с Советской Россией. Ллойд-Джордж умеряет тон. Но вот на фронте происходит перелом. Красная армия начинает отступать, и Ллойд-Джордж сбрасывает маску. Он вызывает к себе тов. Каменева, которому он только что сулил мир и любовь в случае приостановки наступления на Варшаву, и, взваливая на него ряд обвинений, предлагает уехать из Англии.

Однако торговая делегация остается. „Чисто-торговые“ переговоры продолжаются. Они тянутся очень медленно при злостном саботаже консерваторов, с одной стороны, и поддержке рабочей партии и либералов, с другой. Но экономический кризис в Англии в это время уже достигает угрожающих размеров. Безработица растет. Жизненный нерв Англии — внешняя торговля — падает. Интерес к русскому рынку увеличивается, и сторонники соглашения берут верх: 16 марта 1921 г., как раз в разгар кронштадтских событий, в Лондоне подписывается советско-английский торговый договор. Согласно этому договору советское правительство признается Англией де факто. (Это не указывается прямо в договоре, но вытекает из всего его содержания и подтверждено заявлением Ллойд-Джорджа в палате общин 23 марта 1921 г.) С другой стороны, советское правительство принципиально признает обязательство в будущем уплатить возмещение частным лицам, „поставившим товары или оказавшим услуги России“; вообще же взаимные претензии должны быть разрешены в будущем общем договоре, заключение которого предусматривается в настоящем торговом договоре. Далее, каждая из договаривающихся сторон обязуется не вести враждебной пропаганды против другой стороны; обе стороны обмениваются торговыми представительствами.

Но в самый момент подписания договора происходит „маленький инцидент“, который как нельзя лучше характеризует внутреннее противоречия английской политики по отношению к Советской России: сэр Роберт Хорн, подписывающий договор со стороны Англии, вручает тов. Красину длинный меморандум с целым рядом обвинений против советского правительства в „пропаганде“ на Востоке.

Но этот „случай“ не умаляет самого факта англо-советского замирения. Подписание договора между Сов. Россией и такой „первоклассной“ капиталистической страной, как Англия, произвело огромное впечатление во всем капиталистическом мире. Оно является поворотным пунктом в истории наших взаимоотношений с буржуазными странами — одной из наиболее блестящих побед СССР.

Проведение в жизнь советско-английского договора и развитие наших взаимоотношений с Англией после этого шло неравномерно.

„Медовым месяцем“ этих отношений следует считать период, связанный с конференцией в Генуе, творцом которой был Ллойд-Джордж. Следует признать, что в то время Ллойд-Джордж, как трезвый политик, под влиянием экономического и политического хаоса в Европе, подрывавшего корни благосостояния Англии, искренне стремился к примирению с Советской Россией. Он понимал, что пока советская $\frac{1}{6}$ мира не будет включена в мировой экономический круговорот, остальные $\frac{5}{6}$, в частности Англия, не выйдут из кризиса. Но попытки Ллойд-Джорджа оказались безрезультатными вследствие саботажа Америки и реакционных кругов во Франции и в самой Англии. Усиление консерваторов после ухода Ллойд-Джорджа ведет к свободе действий ярого непримиримого врага Советской России Керзона и к ухудшению англо-советских отношений, наиболее ярким проявлением которого являются линия Англии на Лозаннской конференции и майский ультиматум Керзона (см. выше).

Момент предъявления ультиматума Керзона был моментом пробы сил противников и сторонников соглашения СССР в Англии. „Твердокаменные“ консерваторы (die hards) потерпели поражение: англо-советский договор остался в силе. Но они не успокоились и опять повели кампанию. На сей раз мишенью для их атак был назначенный представителем в Англию т. Раковский. После извещения заместителя британского официального агента в Москве от 10 до 27 июля 1923 г. о согласии английского правительства принять тов. Раковского, как официального агента СССР, и получении последним визы английские консервативные органы повели против тов. Раковского бешеную кампанию. Они писали, что Раковский яко бы заявил на сессии ВУЦИК'а, что использует свое положение в Англии для революционной пропаганды; они писали, что он вообще является ярым врагом Англии и к тому же несет ответственность за массовые убийства белых на Украине. После внесения в парламент запроса в таком же духе британский агент в Москве 2-го августа известил советское правительство, что великобританское правительство временно отказывается принять тов. Раковского.

В ноте от 9-го августа т. Чичерин протестует против недружелюбного акта великобританского правительства, категорически опровергает приписываемое тов. Раковскому заявление о революционной пропаганде и разоблачает извращение фактов в связи с другими обвинениями консерваторов. Около месяца английское правительство занималось „изучением“ вопроса. В это время консервативная печать изо дня в день изобретала новые обвинения против тов. Раковского, в то время как орган рабочей партии „Дэйли Геральд“ и либеральная печать защищали т. Раковского и требовали ликвидации конфликта. И в данном случае победили прогрессивные элементы, и 31 августа английское правительство известило Н.К.И.Д., что к в'езду т. Раковского препятствий не встречается. Но и после этого саботаж не прекращался. Ссылаясь на

то, что т. Раковский не является дипломатическим представителем признанного де юре правительства, лорд Керзон упорно отказывал ему в личном приеме.

Другим инцидентом, характерным для наших отношений с Англией при Болдуине и Керзоне, был конфликт из-за о. Врангеля (у северо-восточного берега Сибири). Этот остров был впервые открыт русским офицером Ф. Врангелем во время экспедиции в Восточную Сибирь в 1821—24 г.г. С того времени принадлежность острова, который был формально закреплен за Россией извещением по адресу всех держав в 1916 г., никаких сомнений не вызывала. Но в связи с экспедициями канадского гражданина д-ра Стефенсона в 1921 и 23 г. английское правительство вдруг стало предъявлять претензии на этот остров, имеющий стратегическое значение, как морская и воздушная база, и, по предположениям, содержащий залежи золота. После длинной переписки английское правительство 3 сентября заявило, что экспедиция Стефенсона носит частный характер, но вместе с тем оставило лазейку для дальнейших толкований. Т. Чичерин в ноте от 5 сентября еще раз зафиксировал неопровержимые права СССР на о. Врангеля.

На ряду со всеми этими враждебными силами в Англии проявляют себя и те силы, которые стремятся к сближению с СССР. В августе 1923 г. в Москву прибывают представители промышленного объединения Бекос, охватывающего около 80 крупнейших предприятий, во главе с Болдуином (двоюродный брат быв. премьера) и Маршаллом. Убедившись на месте, что серьезные экономические сношения с советским правительством вполне возможны, эта весьма авторитетная в глазах делового мира делегация по возвращении в Англию развивает широкую агитацию в пользу сближения с СССР. 15 октября 1923 г., в связи с выходом СССР на мировой хлебный рынок, в Лондоне создается советско-английское общество для финансирования хлебного экспорта. Этот факт производит большое впечатление не только в торговых кругах Англии, но и далеко за ее пределами. Далее следует отметить прибытие советской торговой делегации в Канаду во главе с тов. Языковым.

Но значительный сдвиг в сторону улучшения англо-советских отношений наступил лишь в начале 1924 г. в связи с приходом к власти рабочей партии после поражения консерваторов и политики Керзона на выборах.

Рабочая партия, несмотря на то, что во главе ее стоят вожди II Интернационала, еще со времени интервенции требовала установления нормальных отношений с советским правительством. Правда, вследствие соглашательской тактики вождей эти требования не защищались достаточно энергично. Но как бы то ни было, рабочая партия в общем и целом много сделала в деле помощи Советской России. Во время избирательной кампании установле-

ние мирных отношений с Советской Россией, кредитование торговли с нею и признание советского правительства стали важнейшими лозунгами предвыборной кампании рабочей партии, причем в мотивировке вождей это не были революционные лозунги, диктуемые стремлением помочь борьбе Советского Союза с капиталистическим миром, в том числе и с капиталистической Англией, а чисто-практические лозунги, выдвигаемые в борьбе с безработицей. Но, как бы то ни было, Макдональд пришел к власти с обещанием немедленного признания советского правительства. В первые дни он как будто обнаруживал колебания. Ведь он заявил, что будет соблюдать „преемственность“ внешней политики своего отечества, следовательно, преемственность политики Керзона. Так как же сделать такой резкий поворот в „русском вопросе“?

Но целый ряд рабочих организаций и лидеров левого крыла независимой рабочей партии (партии самого Макдональда) стал оказывать давление на премьера. Макдональд стал решительнее и 1 февраля 1924 г. известил советское правительство о признании советского правительства де юре и возобновлении дипломатических сношений между Великобританией и СССР. Все же, очевидно, воздавая дань „преемственности“, Макдональд отложил обмен послами на некоторое время, ограничившись присвоением английскому дипломатическому агенту в Москве Ходжсону и т. Раковскому в Лондоне званий „поверенных в делах“.

Таким образом Макдональд сдвинул англо-советские политические отношения с мертвой точки, на которой они стояли после подписания торгового соглашения 16 марта 1921 г.

Признание советского правительства де юре такой великой державой, как Англия, естественно произвело огромное впечатление во всем мире и ускорило процесс признания другими странами. Муссолини, который еще раньше прихода к власти Макдональда изъявил готовность признать СССР, но откладывал свое решение, чтобы выторговать себе лучшие условия торгового договора, увидав, что Макдональд уже опередил его, поспешил исполнить свое обещание. В то же время наиболее благоразумные из дипломатов малых стран стали соображать, что именно им, как малым странам, невыгодно откладывать признание СССР, и Норвегия, Австрия, Греция, Швеция и Дания поспешили последовать примеру Англии и Италии.

Но признание СССР де юре было лишь предпосылкой для окончательного урегулирования целого ряда сложных вопросов между капиталистической Англией и СССР,— вопросов о долгах, претензиях английских граждан б. собственников в России, наших контр-претензиях в связи с интервенцией, о политических разногласиях и т. д. Разрешением этих вопросов занялась англо-советская конференция в Лондоне, которая должна достигнуть того, чего не удалось достигнуть в Генуе и Гааге. Но за два года, истекшие после Генуи, положение изменилось в нашу пользу. Мы за

это время значительно окрепли и выросли; мы теперь ведем переговоры после признания нас де юре, в то время как раньше от нас требовали тяжелых экономических обязательств, как предпосылки признания. Наконец, в Генуе и Гааге перед нами стояла Англия, как составная часть единого фронта капиталистических держав, наседавших на нас все вместе. Здесь, в Лондоне, мы имеем одну только Англию. Произошла, наконец, смена тех, которые выступают от имени контр-агентов. Ибо, какого бы мнения мы ни были о правительстве Макдональда, нельзя отрицать, что с ним нам легче договориться, чем с Керзоном, что он в большей степени, чем Керзон, поддается давлению снизу, со стороны рабочих масс.

Из этого, конечно, еще не следует, что Макдональд выступает в переговорах, как представитель английского рабочего класса. Наоборот, он сам подчеркивает, что он не защищает интересов какого-либо класса, а всей нации, всей Англии, другими словами — капиталистической Англии. Вот почему правительство Макдональда как раз накануне открытия переговоров опубликовало еще раньше полученный им меморандум банкиров, в котором они пытаются диктовать свои условия соглашения с СССР. Банкиры требуют безоговорочного признания всех старых долгов, компенсации б. собственникам и ожесточенно нападают на государственную монополию внешней торговли. Эти шейлоковские требования вызвали энергичный отпор не только со стороны главы советской делегации тов. Раковского, но и со стороны рабочих и либеральных кругов. „Дейли-Геральд“ назвал меморандум „безрассудным документом“ и заявил, что соглашение с СССР возможно и без его авторов-банкиров, так как имеются влиятельные группы финансистов, которые готовы пойти на соглашение с советским правительством на благоразумных обоюднo-выгодных условиях. Что же касается самого Макдональда, то он вряд ли солидаризовался по всем пунктам с банкирами, но решил воспользоваться им, как средством давления на советскую делегацию. „Вот, дескать, чего требуют наши непримиримые. Я же требую меньше. Пользуйтесь случаем, что власть в руках рабочего правительства. Идите на уступки, пока не поздно“.

Меморандум банкиров был лишь частным эпизодом в широко задуманной кампании реакционных сил для срыва налаживающегося англо-советского соглашения. Еще до открытия конференции пошла травля отдельных членов делегации, в частности т. Ротштейна, который был назначен генеральным секретарем делегации. Затем после открытия конференции не проходило почти ни одного заседания палаты лордов или палаты общин, чтобы не был сделан провокационный запрос или вообще враждебный выпад против конференции. Так, например, на заседании палаты лордов от 26 марта Керзон выступил с демагогической речью против соглашения с СССР, рассчитанной на то, чтобы напугать не только буржуазию, но и рабочих.

„Российское правительство,— сказал он,— потребует долгосрочных кредитов... не для того, чтобы давать заказы британским заводам, а для того, чтобы восстановить свою собственную промышленность и конкурировать с промышленностью нашей страны“ (возгласы лордов: „Внимание!“ „Внимание!“). И с типично керзовским цинизмом бывший руководитель английской внешней политики, нападая на Макдональда, возмущенно прибавил: „признанием советского правительства мы отказались от наиболее действительного средства давления“ („Таймс“ 27/III 24 г.).

Еще дальше пошли враги СССР на заседании палаты лордов от 28 мая. На этом заседании лорд Мейо внес резолюцию о прекращении переговоров в виду выступлений в СССР против британского правительства и заявления советской делегации, что СССР не намерен платить полностью по довоенным займам. Лорд Керзон поспешил подкрепить выступление лорда Мейо, чтобы подчеркнуть, что своим запросом последний „оказал большую услугу нации“. Представитель правительства лорд Пармур заявил, что „соглашение с СССР будет достигнуто, если противники такового воздержатся от вмешательства“, и что, по мнению правительства, „соглашение в высшей степени важно с точки зрения британской торговли и уменьшения безработицы, а также для процветания всей Европы“. Консерваторы вынуждены были ограничиться вынесением резолюции, что конференция должна окончиться возможно скорее.

Не унимались реакционеры и в Канаде. Приезд советской делегации во главе с тов. Языковым в начале 1924 г. послужил поводом для самой бесстыдной клеветнической антисоветской пропаганды. Канадское правительство также ставило всякие препятствия деятельности делегации (задержка книг делегации на таможне, как „подозрительных“ по содержанию, и т. д.). Одно время правительство даже продолжало считаться с „консулами“, представляющими... Петлюру. И только после энергичного протеста тов. Языкова канадский премьер Кинг заявил в парламенте, что с 23 июня 1924 г. признание СССР де юре Англией распространяется также на Канаду, что этим самым уже признается Украинская Советская Социалистическая Республика, а не (несуществующая петлюровская) Украинская народная республика:

Как на исключительно важный фактор, способный парализовать эти враждебные нам влияния в Англии, следует указать на намечающийся в начале 1924 г. благоприятный перелом в английском рабочем движении. В связи с приходом к власти правительства Макдональда, которое рассматривается отсталой массой английского пролетариата, как свое правительство, значительно усилилась активность рабочего класса. В профсоюзах сложилось довольно сильное „движение меньшинства“, и даже их официальные представители на конгрессе Амстердамского Интернационала в Вене в июне 1924 г. высказывались за соглашение с русскими профсоюзами и вообще за сближение между

Англией и СССР. (Следует также отметить, что во время лондонских переговоров генеральный совет английских профсоюзов устроил банкет в честь советской делегации, который носил весьма дружелюбный характер.) Будущее покажет, в какой мере этот рост симпатий английского рабочего класса к СССР сможет парировать выпады реакционеров в самой Англии и в частности подголосков Керзона из „Форейн Оффис“ (английское министерство иностранных дел) на Востоке, которые в силу „преимущества“ все остались на местах и изо всех сил стараются сорвать налаживающиеся англо-советские отношения.

Мы подчеркиваем восточный вопрос, который был, есть и будет сложнейшим вопросом в наших отношениях с Англией. Различные инциденты на Востоке косвенно уже давали себя чувствовать в наших отношениях с правительством Макдональда. Так, например, в мае 1924 г. в Афганистане вспыхнуло восстание фанатических реакционных элементов против эмира Амманулы-хана, сторонника энергичных прогрессивных реформ и сближения с СССР. По сведениям из достоверных афганских источников, восстанием руководили английские агенты. В то же время в Персии происходит ожесточенная борьба между прогрессивными элементами, ориентирующимися на СССР, и реакционерами англо-филами, в которой тоже чувствуется английская рука... Вообще во всей восточной политике Англии при кабинете Макдональда очень сильно дает себя чувствовать пресловутая „преимущество“, а это не может, конечно, способствовать улучшению англо-советских отношений. Заканчивая краткий обзор наших взаимоотношений с Англией, следует в связи с этими событиями на Востоке подчеркнуть следующий основной факт.

Несмотря на наше миролюбие, трения и конфликты между нами и капиталистической Англией на почве восточных вопросов неизбежны. И будут ли руководить внешней политикой Англии Керзон или Макдональд, положение в основных чертах остается таким же. Ибо один факт нашего существования, как пролетарского государства, борющегося с западным империализмом, как пролетарского государства, соприкасающегося с Востоком и провозглашающего лозунг самостоятельного свободного развития восточных народов,—один этот основной факт всегда будет возбуждать ненависть к нам со стороны английских империалистов. Они всегда будут видеть перед собой красный призрак восстания против империализма, шагающий из красной Москвы в сторону Востока.

Такова новая историческая действительность, созданная появлением между империалистическим Западом и угнетаемым Востоком новой мировой силы — СССР. И когда английские реакционеры распространяют алармистские слухи про большевистскую пропаганду и „агентов Москвы“ на Востоке, то они сами прекрасно сознают, что дело не в прокламациях и зловредных агитаторах, слухи о которых нужно муссировать для запугивания

обывателя, а дело в новой непобедимой силе на восточных рубежах. Дело в том, что английский империализм, подобно царскому, в силу самой „природы“ своей не может отказаться от порабощения Востока, равно как Советский Союз в силу своей особенной природы не может отказаться от идеи свободы и самостоятельности того же Востока.

Перед нами еще одна грань многогранной проблемы сожительства СССР с капиталистическим окружением. Перед нами, если можно так выразиться, задача „смычки“ огня и воды в тот переходный исторический период, когда вода не может потушить огня очага социальной революции, а огонь революции еще недостаточно разросся, чтобы высушить лужи и болота капитализма.

Франция.

Трудно найти пример более бессмысленной политики, чем политика Франции по отношению к Советской России. Франция провозгласила политику „проволочных заграждений“; Франция активно поддерживала все интервенционистские авантюры; Франция признала шайку Врангеля накануне ее распада, который всякий мог предвидеть, как „настоящее русское правительство, которому обеспечены поддержка и сочувствие населения“ (из речи Мильерана в палате депутатов 21 июля 1920 г.); Франция бросила Польшу в бессмысленную войну с Сов. Россией; Франция дольше всех упорствовала в абсурдном игнорировании Сов. России, долго после того, как полный крах интервенции и блокады стал совершившимся фактом; Франция играла на руку своему врагу — Англии, отчуждая от себя Сов. Россию.

Но и действия сумасшедшего имеют свою, конечно, ненормальную сумасшедшую „логику“. Есть „логика“ и в политике Франции.

Кроме общей, присущей всем капиталистическим государствам, ненависти в Советскому Союзу, Франция имеет особые причины ненавидеть Советский Союз и бояться его. Надеждой и опорой демократическо-республиканской Франции в ее борьбе с Германией до войны была царская Россия. Октябрьская революция лишила Францию этого союзника. Правда, Германия была разбита в войне, но империалистическую Францию неотступно преследует призрак будущего германского реванша. СССР же не намерен стать орудием в руках французских империалистов для порабощения Германии, пусть даже буржуазной Германии — это прекрасно знают в Париже. Это подтвердила советская дипломатия подписанием Рапалльского договора¹⁾, в котором она отказалась от права на репарации, согласно Версальскому договору, предусмотренные добрыми союзниками для России в будущем.

¹⁾ Этот договор был заключен между Сов. Россией и Германией во время Генуэзской конференции в маленьком городке Рапалло близ Генуи. (См. ниже главу „Германия“).

Таким орудием охотно согласилась стать панская Польша. И вот Франция, которая накануне февральской революции в России в обмен за поддержку французских планов на Рейне согласилась на присоединение германской и австрийской частей Польши к царской России, тюремщику польского народа¹⁾, та же Франция стала покровительницей и „бескорыстной“ защитницей Польши. Польша стала краеугольным камнем новой послевоенной дипломатической системы Франции. Польша стала часовым, охраняющим румынско-польско-прибалтийский барьер, отделяющий СССР от Германии буржуазной или советской, отражающий Францию от „большевистско-германской опасности“.

Вот основной момент враждебной политики Франции по отношению к СССР, момент, как мы увидим ниже, не исчезающий с приходом к власти левого блока во Франции.

Второй важный момент — с необычайным усилением французского империализма после победоносной войны, в частности с получением „мандата“ на Сирию и различных концессий в новой Турции, Франция стала вести экспансивную политику (политику расширения) на Востоке и здесь она так же, как и Англия, встречается с СССР, отстаивающим независимость восточных народов, с которыми он связан общими жизненными интересами. Вот почему мы видим, что на Лозаннской конференции Франция, несмотря на противоречие французских и английских интересов вообще и на Востоке в частности, все же шла единым фронтом против СССР. (Это, конечно, не исключает таких моментов, когда Франция на почве соперничества с Англией на Востоке попытается перетянуть на свою сторону СССР или по крайней мере нейтрализовать его.)

Далее враждебность Франции питалась тем, что она больше других держав заинтересована в вопросе об аннулировании долгов и национализации иностранных предприятий в России. (По французским подсчетам, Сов. Россия должна Франции 25 миллиардов франков.) А с другой стороны, Франция меньше Англии заинтересована в торговле с СССР, так как благосостояние Франции вообще меньше зависит от внешней торговли, и притом положение промышленности во Франции за последние годы удовлетворительное, и там, в отличие от Англии, не только нет безработицы, но чувствуется недостаток рабочей силы, вследствие чего искусственно поощряется иммиграция (въезд) из Польши, Италии и др. стран.

Наконец, во враждебной политике Франции по отношению к СССР огромную роль играл внутренний политический фактор — безраздельное господство реакционного национального блока около 5-ти лет — с момента победы

¹⁾ Заявление Керенского, в руки которого попало соответствующее извещение Извольского. М. Павлович. „Советская Россия и капиталистическая Франция“. Госиздат. 1922 г.

на выборах 16 ноября 1919 г. до его поражения на новых выборах 11 мая 1924 г. При другой политической ситуации все упомянутые отрицательные факторы не находили бы столь яркого выражения, а, с другой стороны, сказались бы сильнее положительные факторы: заинтересованность многих групп капитала в экономическом сближении с СССР и необходимость мирных отношений с СССР в виду все обостряющейся борьбы с Англией.

Вспомним основные моменты французской политики в первые годы существования Советской России, а затем остановимся подробнее на фактах последнего времени.

Как мы уже указали, Франция была самой активной, самой упорной в деле интервенции. В первые месяцы своего существования советское правительство сделало попытку заручиться поддержкой союзников для отпора наступавшим немцам. Англия и Америка в то время сочувственно относились к такому плану. Попытка эта, однако, потерпела неудачу главным образом вследствие саботажа французского посла Нуланса. Последний вскоре собрал вокруг себя белогвардейские элементы и стал организовывать контр-революционные выступления. Затем Клемансо в декабре 1918 г. выдвигает формулу „проволочных заграждений“, интервенции и блокады. Франция активнее других союзников поддерживает всех белых генералов, стараясь в то же время через них закабалить Россию в будущем. Так, например, Колчак и Врангель по договору с французским командованием обязались обеспечить „интересы“ Франции при будущем устройстве России. Даже после разгрома Врангеля, последнего из ставленников интервенции, Франция провоцирует новую польско-советскую войну. Французские агенты стоят за спиной петлюровских банд, вторгающихся в Сов. Украину, несмотря на то, что авантюры Петлюры клонят к расчленению России, в то время как Франция придерживалась политики возрождения „великой“ России.

Правда, иногда в этой политике тупой, слепой ненависти как будто наступают просветы. Так, например, 25 ноября 1920 г. после краха врангельщины французский министр иностранных дел Лейг заявляет в парламенте, что правительство разрешает французским капиталистам торговать с Россией, а 7 января 1921 г. в ответ на запрос депутата-коммуниста тов. Кашена представитель правительства даже утверждает, что Франция относится враждебно ко всякой агрессивной политике против Советской России, поскольку последняя сама не нападает на другие государства.

При Бриане французская дипломатия тоже постепенно как будто смягчает свою политику непримиримой вражды к Советской России. В начале 1922 г. Бриан поддается влиянию Ллойд-Джорджа и дает свою подпись под „каниской резолюцией“ насчет условий признания советского правительства и созыва будущей Генуэзской конференции.

Но этот шаг вызывает приступ бешенства национального блока, и Бриан уходит. Место его занимает Пуанкаре, который

сначала пытается помешать участию Сов. России в конференции, а потом всячески саботирует работы как Генуэзской, так и Гаагской конференций. Та же линия непримиримой вражды проводится в вопросе о помощи голодающим Поволжья. Даже такой вопрос, как допущение советской миссии для репатриации русских солдат экспедиционного корпуса, оставшихся во Франции, наталкивается на чрезвычайные трудности. Только после целого года переговоров Пуанкаре, наконец (12 октября 1922 г.), сообщает Наркоминделу о своем согласии допустить в Марсель миссию советского Красного Креста, во главе которой был поставлен тов. Устинов. Однако от этого принципиального согласия до фактического разрешения на въезд проходит еще полгода.

Но в то время как Пуанкаре ведет такую враждебную политику по отношению к СССР, даже буржуазное общественное мнение Франции все более проникается сознанием всей ее абсурдности. Такие настроения были органически связаны с растущим недовольством всей политикой реакционного национального блока и сдвига в сторону левого блока. Наиболее авторитетный представитель последнего—Эррио, без сомнения, тогда еще, в 1922 г., считавший себя наследником Пуанкаре, предпринимает поездку в Москву с целью лучше ознакомиться с положением на месте и на основании своих личных впечатлений продолжать во Франции кампанию за сближение с СССР. И, действительно, кампания Эррио по возвращении на родину произвела большое впечатление не только во Франции, но и за границей, где также считались с лидером левого блока, как с возможным главой будущего правительства Франции.

Сдвиг в сторону сближения с СССР стал особенно заметен в торгово-промышленных кругах, которые в отличие от профессиональных политиков национального блока, терявших общую перспективу под влиянием слепой безрассудной ненависти к большевистской России, смотрели на вещи с трезвой, деловой точки зрения.

В 1923 г. ряд торговых палат и советов департаментов, органы деловых кругов „Энфармацион“ и „Журнэ Эндюстриель“ и пресса радикалов-социалистов высказывались за возобновление сношений с Россией. В июне в Москву приезжает солидная делегация торговых кругов во главе с государственным представителем при парижской бирже Дюверже и представителем нефтяных интересов Нибо. В августе приезжает виднейший политический деятель левого фланга французской буржуазии — сенатор де-Монзи, который по возвращении на родину открывает кампанию за сближение с СССР, оказывающую большое влияние не только во Франции, но и за ее пределами (как и предшествовавшая ей кампания Эррио в 1922 г.).

В то же время довольно успешно развивалась наша торговля с Францией. С 1-го января по 1-е октября 1923 г. закупки нашего торгпредства в Париже составляли 9 миллионов франков, а продажи—7,8 миллионов франков.

Следует также особо отметить наше участие в Лионской ярмарке, усилившее во Франции интерес к России.

Другое дело в области официальной. В затяжной переписке по вопросу о наших судах, уведённых Врангелем, в своих выступлениях в парламенте и сенате и в деле Буннаттан — „Опторг“ (в котором приговор суда делает возможным конфискацию советского имущества во Франции), — во всех этих случаях Пуанкаре занимал резко-враждебную позицию по отношению к СССР.

Весьма любопытно маневрирование Пуанкаре в вопросе о въезде во Францию упомянутой миссии тов. Устинова. Французское правительство, как уже указывалось, даже после принципиального согласия упорно саботировало приезд этой миссии. Но совершенно неожиданно 10 мая, в дни пресловутого ультиматума Керзона, Пуанкаре обратился к т. Чичерину с телеграммой, что миссия может приступить к работе. 17 июня тов. Устинов прибыл в Марсель, где был встречен очень радушно местной общественностью и даже властями. Но после отправки первого парохода с ренатриантами задача миссии была объявлена французским правительством оконченной, несмотря на то, что во Франции и в колониях осталось несколько тысяч советских граждан, желавших вернуться на родину. Оказалось таким образом, что Пуанкаре в пику Керзону хотел выступить в роли „друза России“ как раз в дни острого кризиса англо-советских отношений. 22 декабря в официозе „Тан“ появляется статья редактора Эрбетта, в которой указывается, что интересы Франции и России нигде не сталкиваются, и советскому правительству предлагается взять на себя инициативу переговоров.

Создалось неестественное, полное противоречий, положение: с одной стороны, как будто предложение мира, а с другой — постоянные враждебные выпады.

В беседе с представителями печати, опубликованной в „Известиях“ от 1 января 1924 г., тов. Чичерин, подводя итоги последним недружелюбным актам со стороны Франции и подчеркивая приговор суда по делу Буннаттан, даёт понять, что если положение не изменится, советское правительство вынуждено будет „рекомендовать нашим хозяйственным органам величайшую осторожность и предусмотрительность при рассмотрении предложений французских фирм“. Другими словами, наша дипломатия, для того, чтобы достигнуть нужного эффекта, нажимает на хозяйственный рычаг. Н.К.И.Д. вводит в поле действия Н.К.В.Т. „жесткую“, как жалуются иностранцы, государственную монополию внешней торговли.

Нажим подействовал.

Когда наше торговое представительство в Париже прекратило свою деятельность, это произвело такое сильное впечатление на французское общественное мнение, что правительство с целью смешать карты пустило в печать инспирированное сообщение, что с его стороны яко бы нет препятствий к открытию переговоров

с советским правительством, но последнее, мол, от этого уклоняется. 26 февраля 1924 г. Н.К.И.Д. опубликовал сообщение, в котором он категорически опровергает заявления французской печати. Касаясь услуг со стороны „посредников“, сообщение говорит: „Наше правительство продолжает настаивать на том, что только при непосредственных переговорах возможно достигнуть соглашения“.

7 марта Пуанкаре произносит речь в палате депутатов, в которой он милостиво заявляет, что „даже“ русский народ может избрать себе такое правительство, какое он желает. В то же время правительственный официоз „Тан“ чуть ли не изо дня в день повторяет, что „интересы Франции и России не сталкиваются ни в одной точке земного шара“. Но вслед за этим идут дела, наглядно показывающие, какова цена этим словам. 12 марта французский посол в Пекине передает китайскому правительству ноту о „правах“ Франции на Восточно-Китайскую ж. д. с целью срыва китайско-советских переговоров. 13 марта Пуанкаре проводит через парламент ратификацию акта о захвате Бессарабии Румынией. В ответ на этот возмутительный вызов т. Чичерин в ноте от 15 марта на имя Пуанкаре констатирует, что французское правительство „солидаризуется с нарушением прав Бессарабии и Советского Союза... и ответственно поэтому за убытки, причиняемые Советскому Союзу оккупацией (Бессарабии)“. Одновременно т. Чичерину приходится направлять Франции в числе других держав протест против решений по вопросу о судьбе Мемеля, принимаемых за спиной СССР (нота от 12 марта).

В апреле Пуанкаре делает новый враждебный выпад против СССР. В связи с процессом контр-революционной организации „Центра действия“ в Киеве Пуанкаре, преисполнившись чувствами гуманности, направляет ноту т. Чичерину, в которой он заступает за подсудимых белогвардейцев и шпионов. Это наглое вмешательство вызывает энергичную отповедь т. Чичерина, после чего Пуанкаре во второй ноте пытается ослабить впечатление первой.

Это „гуманное заступничество“ и было лебединой песнью Пуанкаре. 11 мая на выборах французский народ провалил национальный блок и вместе с ним Пуанкаре, того человека, который в течение последних двух лет сделал все возможное для ухудшения отношений между Францией и Советской Россией. Впрочем, в интересах исторической справедливости следует отметить, что Пуанкаре в душе, очевидно, понимал, что в русской политике Франции не все благополучно. Ведь еще в 1920 г. он выступал против признания Врангеля. Но ставленник махрово-реакционного национального блока должен был целиком делать политику национального блока и его биржевиков, ненавидящих Советскую Россию каждым атомом своих аннулированных русских ценных бумаг. Пуанкаре свалил Бриана главным образом на русском вопросе — за его согласие с каннской резолюцией насчет приглашения советского правительства в Геную. Прошло два года, и Пуанкаре

вынужден сойти со сцены не в малой степени именно за свою абсурдную политику по отношению к СССР. История не любит, когда ей идут наперекор...

Что же означает уход Пуанкаре и приход Эррио для будущего развития советско-французских отношений? Это, конечно, знаменует значительный благоприятный сдвиг. Но было бы ошибочно переоценивать эту смену декораций во Франции. Левый блок стоит на почве „защиты отечества“, т.-е. защиты капиталистической Франции от всяких „внешних врагов“ и от „большевистской опасности“, на почве удержания империалистических позиций Франции в Германии и всюду вообще. (Будучи у власти, он, конечно, не откажется и от завоевания новых.) Поэтому правящий левый блок вряд ли откажется от вышеупомянутой идеи румынско-польско-прибалтийского кордона против СССР. А между тем, как уже указывалось, она является решающим моментом в русской политике Франции. В связи с предполагаемым признанием СССР новым французским правительством будут открыты переговоры о долгах и о возмещениях, в которых левый блок так же, как и национальный блок, будет защищать „священную“ частную собственность. Конечно, пацифистский уклон левого блока, хоть и нерешительный и половинчатый, как всякий мелко-буржуазный пацифизм, здесь и там внесет некоторые смягчения и округлит резкие углы. Это и даст тот сдвиг, о котором мы говорим и предчувствие которого в момент об'явления результата выборов создало такое нервное настроение в Варшаве, Бухаресте, Праге и столицах других малых стран, которые боятся, как бы старая покровительница не отвернулась от них.

Впрочем, эти страхи значительно преувеличены. Эррио, очутившись у власти, сразу показал себя „благоразумным“ политиком, как писали реакционные органы. В „русском вопросе“ он начал с совещаний с кредиторами, не проявляя особой поспешности в деле признания советского правительства. В своей вступительной декларации он подчеркнул, что, прежде чем возобновить нормальные сношения с СССР, должны быть приняты „известные меры предосторожности“ и собраны различные сведения. Словом, Эррио у власти, как это всегда бывает с буржуазными радикальными политиками, оказывается значительно правее, чем в оппозиции.

Вторым официальным шагом Эррио по отношению к СССР является нота от 15 июля, в которой он жалуется, что советское правительство не визирует паспортов французских граждан, желающих отправиться в СССР. „Между тем,— пишет Эррио,— в моей правительственной декларации я заявил о своем намерении подготовить в короткий срок восстановление нормальных отношений между Францией и Россией; в ожидании этого я предписал предоставлять, в возможно широкой мере, русским гражданам, желающим приехать во Францию, необходимые разрешения“.

В своем ответе от 18 июля т. Чичерин, обещая пойти навстречу в деле виз, подчеркивает: „замедление и затруднение в де-

лах подобного рода по отношению к Франции являются лишь неизбежным результатом отсутствия сношений между нашими правительствами, за что советское правительство ни в какой мере не ответственно“.

Сколько еще потребуется нот подобного рода до восстановления нормальных дипломатических отношений между нами и Францией, сказать трудно. Но месяцем раньше или месяцем позже СССР будет признан Францией,—Францией, провозгласившей политику интервенции и „проволочных заграждений“, Францией, в течение почти семи лет фактически воевавшей с советским государством. Момент признания будет блестящей победой СССР, которая в свою очередь подготовит дальнейшие победы на дипломатическом фронте.

Италия.

Политика Италии по отношению к Советскому Союзу аналогична с политикой Англии, а не ее другого бывшего союзника по Антанте — Франции.

Это объясняется, во-первых, тем, что на почве недовольства купленной столь дорогой ценой, но бесплодной победой, в Италии в первые два года после войны высоко поднялась революционная волна, которая толкала буржуазию на мир с Советской Россией. Но даже после падения этой волны Италия, нуждавшаяся в мирной обстановке для восстановления своего хозяйства, некоторое время держалась политики „умиротворения и восстановления Европы“ — политики Ллойд-Джорджа. Вот почему итальянский парламент еще 16 декабря 1919 г. принял резолюцию, требующую, чтобы итальянское правительство добилось от союзного совета снятия блокады с Советской России. В октябре 1920 г. по всей Италии состоялись рабочие демонстрации с требованием мира с Советской Россией. В связи с этими выступлениями министр иностранных дел Сфорца заявил о своем согласии принять советскую торговую делегацию. Однако потребовался окончательный разгром Врангеля, чтобы это обещание было проведено в жизнь. 14 марта 1921 г. т. Воровский с персоналом в восемь только человек — ограниченным по требованию итальянского правительства — прибывает в Рим. Багаж его, вопреки международным обычаям, вскрывается, а к делегации впоследствии устанавливается такое отношение, что фашисты, будучи уверенными в полной безнаказанности, систематически позволяют себе по отношению к ней возмутительные выходки. В виду безрезультатности протестов перед итальянским правительством т. Воровский видит себя вынужденным потребовать паспорта для отъезда. Только тогда итальянское правительство признает иммунитет (неприкосновенность) делегации и, между прочим, через генерального прокурора опротестовывает оправдательный приговор суда, вынесенный фашисту Сервенту, оскорбившему т. Воровского.

6 декабря 1921 г. в Риме подписывается предварительный итало-советский торговый договор (договор получает санкцию итальянского парламента только в начале 1923 г.). Во время Генуэзской конференции, на которой Италия держалась по отношению к Советской России примирительной линии Ллойд-Джорджа, между советской делегацией и итальянским правительством заключается торговая конвенция, расширяющая предварительный договор. Но в виду того, что конвенция не содержит в себе политического признания советского правительства, как в одновременно заключенном Рапальском договоре с Германией, Совнарком отклоняет ее.

30 октября 1922 г. в политической жизни Италии наступает резкий перелом — власть переходит к фашистам. Трудно было сказать в этот момент, как отразится такой перелом на итало-советских отношениях: победит ли в Муссолини фашист — большевикоед, или трезвый реальный политик, учитывающий реальные интересы буржуазной Италии. Оказалось второе. В связи с нападением группы фашистов на наше торгпредство в Риме в дни переворота (1 ноября) и протестом Воровского, новое итальянское правительство сразу обнаружило желание ликвидировать этот инцидент и приняло меры для охраны нашего представительства и его сотрудников. Вслед за этим Муссолини принял т. Воровского и высказался за участие СССР в Лозаннской конференции без всяких ограничений. Дальнейшее развитие событий показало, что, несмотря на различные инциденты, Муссолини взял курс на сближение с СССР.

Чтобы уяснить себе причины такой политики со стороны Муссолини, которая на первый взгляд идет в разрез с фашизмом, нужно иметь в виду общее направление внешней политики Италии после фашистского переворота. Муссолини сразу взял курс на великодержавную политику. Но под такую политику нужно подвести более прочную экономическую базу. Нужны железо, уголь, нефть и др. виды сырья, которого в Италии очень значительное количество. Если же получать все это из Англии, Франции и Америки, то Италия окажется в известной политической зависимости от них, что не вяжется с политикой великодержавной самостоятельности. Муссолини предпочел удовлетворить экономические потребности Италии путем установления нормальных торговых и политических отношений с СССР, с его огромными сырьевыми ресурсами, с его рынком, где могут найти себе сбыт продукты итальянской автомобильной, машиностроительной, химической и др. индустрий. (СССР также важен для Италии, как центр, куда может быть направлена часть итальянской эмиграции.)

На ряду с этими экономическими соображениями, конечно, играют большую роль и политические — учетывание итальянскими правящими кругами все возрастающего политического веса СССР в международных отношениях.

Вот чем объясняется, что как раз в период керзоновского ультиматума итальянское правительство подчеркнуло свое намерение установить дружественные отношения с СССР. Это было сделано в связи с поведением во время кризиса англо-советских отношений итальянского представителя в Москве Амадори. Последний посылал своему правительству грубо-тенденциозную информацию о положении в СССР и рекомендовал установить единый фронт с Керзоном и подготовить разрыв. Телеграммы Амадори в Рим были опубликованы в „Манчестер Гардиен“, и скандал сделался гласным. Тогда Муссолини поспешил убрать Амадори, назначив на его место итальянского посланника в Латвии. Последний в беседе с представителями советской печати подчеркивал, что он приехал с целью ликвидировать политику, проводившуюся Амадори, и установить дружественные отношения с советским правительством.

Однако и после этого не обошлось без инцидентов. Так, например, т. Иорданский, сменивший в качестве полпреда в Италии т. Воровского, вынужден был выступить с решительным протестом против того, что итальянское правительство еще допускает функционирование в Риме старого царского посольства и консульства и что при переезде итальянской границы советские граждане подвергаются обыскам и допросам. Нашим полпредом был также заявлен протест против оскорбительного замечания по адресу Ленина со стороны председателя итальянского сената Титтони.

Но все эти инциденты были благополучно ликвидированы в той или иной форме. 30 ноября Муссолини выступает в парламенте с заявлением, что он готов признать советское правительство де юре, если оно согласится на выгодный для Италии торговый договор. После этого заявления в Риме начались переговоры о торговом договоре на основе полного возобновления дипломатических отношений между обеими странами. Но Муссолини, очевидно, предполагал, что обещание признания де юре послужит для советской делегации такой приманкой, что она при разработке торгового договора пойдет на весьма значительные уступки. В этом его постигло разочарование. Советской делегации тем более не приходилось слишком торопиться, что в то время ожидалось со дня на день признание со стороны Англии. Муссолини, конечно, тоже понимал нашу тактику: он торопил нашу делегацию и обвинял ее в „медлительности“ и „педантичности“, но в то же время он с своей стороны не соглашался делать те уступки, которые ускорили бы переговоры. В результате дело затянулось. Тем временем подоспело английское признание де юре, что, конечно, поставило нас в более выгодные условия для завершения переговоров. Наконец, было достигнуто соглашение, и 7 февраля 1924 г., через 6 дней после Англии, признала нас де юре и Италия. Характерно, что некоторые итальянские буржуазные газеты обвиняли итальянскую дипломатию в неуклюжести за то, что она упустила более благоприятный момент для признания

и дала Англии себя опередить. Правительственные органы оправдывались тем, что Муссолини запросил Лондон о намерениях английской дипломатии, но не получил ответа. Все это весьма характерно, как любопытное проявление соревнования капиталистических держав в смысле сближения с СССР. Между тем, как недалеко то время, когда соревнование шло по линии проявления наиболее непримиримой вражды к СССР...

23 марта 1924 г. вступили в силу торговый договор и таможенная конвенция с Италией. Этот договор на ряду с признанием СССР де юре содержит безоговорочное признание нашей монополии внешней торговли и регулирует правовое положение нашего торгпредства в Италии, предоставляя ему ряд льгот; таможенная конвенция предусматривает взаимные пошлинные льготы. Как результат договора, в Венеции создается общество для торговли с СССР с капиталом в 100 миллионов лир. Все это открывает широкие перспективы для торговли и политического сближения между обеими странами.

Америка.

Политика Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу, — если не считать короткого периода в самом начале существования советской власти, — отличалась такой же непримиримостью, как политика Франции.

Накануне ратификации Брестского мира с'ездом советов американский посол в Петрограде Френсис в телеграмме своему правительству писал: „советское правительство есть сила, способная противостоять преступным немцам“. А к с'езду Вильсон послал свою „историческую“ телеграмму, которая между прочим гласила:

„Пользуясь с'ездом советов, я хотел бы от имени народа Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия двинула свои вооруженные силы в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу, уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замысел Германии“. Приглашение советского правительства на конференцию на Принцевы острова¹⁾ (несостоявшуюся) в январе 1919 г. и вслед затем поездка в Москву члена американской мирной делегации в Париже Булитта, — все это как будто давало основание предполагать, что мирные намерения американского правительства в этот период диктовались не только соображениями борьбы с германским империализмом.

Но лицемерный пацифизм Вильсона скоро обанкротился, и Америка присоединяется к союзникам в интервенции и блокаде

¹⁾ На этой конференции, по мысли Антанты, должны были встретиться представители РСФСР с белогвардейскими генералами на предмет какого-то соглашения.

против Советской России, принимает участие в оккупации Сибири и Архангельска и в декабре 1920 г. высылает советского представителя Мартенса. Когда демократа Вильсона сменил на посту президент Гардинг, ставленник республиканской партии, более типичной выразительницы интересов крупного капитала, были основания надеяться, что новый президент из чисто-деловых соображений возьмет курс на сближение с Советской Россией. В связи с этим ВЦИК 20 марта 1921 года обратился к Гардингу с предложением о возобновлении сношений. Но ответ Америки дышал резкой нетерпимостью. Та же тупая враждебность к Советской России — в числе прочих причин — определяла отказ Америки от участия в работах Генуэзской и Гаагской конференций. Только широкая помощь полуправительственной американской администрации помощи (АРА) голодающим Поволжья и друг. районов в 1921—22 г. свидетельствует о благоприятном сдвиге скорее в общественных, чем в правительственных кругах Америки.

В августе 1922 г. как будто намечается сдвиг: американские правительственные круги неофициально запрашивают советское правительство, как оно отнесется к посылке американской анкетной комиссии в Советскую Россию для выяснения возможностей переговоров. В неофициальном ответе путем интервью для „Нью-Йорк Таймс“ тов. Карахан от имени Наркоминдела заявляет, что через АРА американское правительство достаточно хорошо осведомлено о положении в Советской России, но если оно желает послать комиссию, то это возможно только на основе взаимности, т.-е. допущения советской комиссии в Америку. Но впоследствии в Вашингтоне, очевидно, отказались даже от этого скромного шага, и американско-советские отношения опять застыли на мертвой точке, если не считать того показательного факта, что в связи с выступлением сторонника сближения с Советской Россией, сенатора Бора, американское правительство в середине 1922 года, наконец, отказалось в дальнейшем признавать посла старого режима Бахметьева.

1923 год также не дал улучшения. В своем ответе дружественной Советской России Женской Международной Лиге Мира и Свободы в марте статс-секретарь (министр иностранных дел) Юз повторяет, что советское правительство попрежнему не признает частной собственности и занимается пропагандой, а потому Америка остается на прежней точке зрения непризнания. Несколько позднее Юз отменяет разрешение на въезд в Америку, выданное тов. Калининой¹⁾ по просьбе американского комитета помощи русским детям, в виду „глубокого возмущения“ Америки смертным приговором над ксендзом Буткевичем (казненным за шпионаж).

Но в еще более резкой форме саботаж Юза проявился в связи

¹⁾ А. Д. Калинина — известная деятельница в борьбе с детской беспризорностью. По комическому недоразумению ее в Америке считали женой М. И. Калинина, председателя ЦИК СССР.

с посланием президента Кулиджа конгрессу от 7 декабря 1923 г. В этом послании Кулидж заявил, что он „готов пойти на самые широкие уступки в целях спасения русского народа“. Нашей дипломатии, а также сочувствующим нам политическим кругам в Америке казалось, что этот момент был уместен для встречного шага со стороны советского правительства. 16-го декабря тов. Чичерин отправил Кулиджу телеграмму, в которой он, ссылаясь на президентское послание, извещал о „нашей полной готовности обсудить совместно с вашим правительством все вопросы затронутые в послании“ (долги, претензии американских граждан, невмешательство во внутренние дела). Но за короткий период от дня составления послания до получения ноты Чичерина в Белом Доме¹⁾, очевидно, усилилось влияние ярых врагов СССР во главе с Юзом. Отвечая 18 декабря в сенате тов. Чичерину, Юз потребовал ни больше ни меньше, как капитуляции советского правительства до переговоров.

„Если советское правительство из‘являет готовность вернуть американским гражданам конфискованное имущество или дать соответствующую компенсацию за него, то пусть оно это совершит. Если советское правительство готово отменить декреты о непризнании русских долгов и признать их, то пусть оно это сделает. Для этого не нужны ни конференции, ни переговоры“.

И далее: „Американское правительство не может входить ни в какие переговоры до тех пор, пока Москва не перестанет быть центром пропаганды... ниспровержения существующего у нас строя“.

За этим последовали „разоблачения“ государственного департамента о фантастической „инструкции“ Зиновьева американским коммунистам насчет подготовки переворота в Америке и статьи тов. Стеклова в „Известиях“, в которой яко бы доказывалось, что советское правительство и Коминтерн — одно и то же. Тов. Чичерин ответил на эти „разоблачения“ телеграммой, в которой он бросил вызов Юзу передать вопрос о подлинности „инструкции“ на рассмотрение третейского суда. Юз этого вызова не принял и передал дело сенатской комиссии, где оно и заглохло. Таким образом на рубеже 1924 г. отношения между СССР и официальной Америкой еще более обостряются. В начале 1924 г. американское правительство делает новый враждебный выпад против СССР. Оно вдруг открывает свои „права“ на Китайско-Восточную железную дорогу и через своего посла в Пекине Шермана выступает во главе держав, срывающих первоначальное китайско-советское соглашение, заключенное в середине марта.

Такова вкратце невеселая история взаимоотношений между СССР и официальной Америкой.

¹⁾ Президентский дом в Вашингтоне.

Что же касается отношения американской общественности к СССР, то оно заметно улучшается. Не говоря уже о передовых американских рабочих и радикальной интеллигенции, значительная часть прогрессивных политиков обеих буржуазных партий — республиканской и демократической — все более склоняется к мысли о необходимости установления нормальных отношений с СССР. На такой платформе стоит значительно усилившийся за последнее время прогрессивный блок конгресса (парламента). В то же время растет заинтересованность крупного американского капитала в сближении с СССР. Так, например, в конце 1922 г. крупное американское нефтяное предприятие Бойрнседал К^о заключило с Азнефтью договор о буровых работах. А следующий, 1923, год отмечается своеобразным „паломничеством“ американских деловых людей и политических деятелей в Москву. Побывали у нас „нефтяные короли“ во главе с Синклером, получившим концессию на добычу нефти на северном Сахалине, находящемся временно под японской оккупацией, группа американских капиталистов во главе со Смитом, „интересовавшихся“ концессией на разработку золотоносных россыпей на Амуре, председатель Нью-Йоркской торговой палаты Буш и друг. Побывал у нас и весь „цвет“ американского конгресса, в частности прогрессивного блока (Лафоллет, Кинг, Лэдд, Брукхардт, Уиллер, Фрир и друг.).

Все эти американцы у нас „открыли новую Америку“, о чем они по возвращении поведали старой Америке.

„Большевистское правительство есть правительство огромнейшей страны с огромнейшими возможностями. Оно прочно, прочнее всех европейских правительств. В стране господствует порядок, правда, не демократический, как в нашей Америке, а своеобразный, советский. Нужно стовориться с этим правительством, а то нас опередят другие“. Вот, примерно, единодушный отзыв наших посетителей, за исключением упомянутого Буша.

В этом же направлении влияла по возвращении в Америку успевшая основательно изучить Советскую Россию АРА, во главе с полковником Хаскелем. Когда АРА в 1923 г. закончила свою благотворную работу, ей был поднесен от имени советского правительства благодарственный адрес и устроен торжественный банкет, на котором присутствовали гг. Каменев, Чичерин и др.

Но при всем этом ошибочно было бы объяснять враждебное отношение американского правительства к Советской России исключительно его реакционностью. Фашистское правительство Италии не менее, если не более, реакционно, однако оно было одним из первых, признавших советское правительство де юре. Причины нужно искать глубже. Каковы же они?

Раньше всего — фактор экономический. Америка до войны была очень мало заинтересована в торговле с Россией, а потому почти отсутствуют заинтересованные капиталистические группы, которые, как в других странах, требовали бы восстановления прерванных старых связей. Далее, промышленность в Америке за

последние два года (до середины 1924 г.) развивалась под знаком под'ема, что усиливало позицию сторонников старой политики „блестящей изоляции“, невмешательства в дела Европы и игнорирования СССР. Поскольку же разбухший американский капитал стремится к экспансии (распространению), он направляется в те страны, где ожидает более значительных выгод — в Юж. Америку, Китай, Турцию, Персию и т. д. Далее известную роль, по всей вероятности, играет тот факт, что на СССР еще до восстановления нашего хлебного экспорта смотрели в Америке, как на будущего конкурента на мировом хлебном рынке. Теперь, когда мы действительно стали вывозить хлеб, эта конкуренция уже становится реальным фактом.

Огромную роль играет и тот факт, что в своем стремлении к мировой гегемонии (господству) Америка наталкивается на непреодолимое противодействие СССР, как самостоятельной силы и как организатора сопротивления колониальных и полуколониальных народов.

Другой причиной непримиримости американских правящих кругов является отсутствие давления со стороны пролетариата в виду его крайней отсталости. Более того, здесь мы имеем исключительно нелепое положение. Лидер американского профсоюзного движения, пресловутый Гомперс, стоит во главе движения против признания совправительства. Такого положения нет ни в одной стране. Ведь Гомперс даже не социал-соглашатель. Называть его так было бы слишком большой честью для него. Он даже не считает нужным прикрываться социалистической фразеологией, а открыто выступает против социализма за увековечение капиталистического строя. Неудивительно поэтому, что он развивает бешеную энергию в борьбе против советского правительства, проводит антисоветские резолюции на с'ездах Американской Федерации Труда, пишет послания конгрессу, борется против прогрессивных политиков, возвращающихся из СССР сторонниками возобновления сношений с советским правительством и т. д. В мае 1924 г. мы даже являемся свидетелями такой чудовищной картины, когда Гомперс от имени Американской Федерации Труда вместе с другими 62 реакционными организациями созывает особый с'езд для борьбы против признания советского правительства.

Правда, целый ряд отделов Федерации в различных штатах (Чикаго, Иллинойс и т. д.) ведут борьбу с антисоветской деятельностью Гомперса. Но не нужно закрывать глаза на то обстоятельство, что этот старый „джобголдер“, т.-е. любитель теплого местечка, как-никак все еще представляет собой значительную политическую силу в Америке.

Каковы же, однако, дальнейшие перспективы наших взаимоотношений с наиболее могущественной из капиталистических держав?

Здесь много зависит от результата предстоящих в ноябре этого года (1924) выборов. Если усилится прогрессивный блок, процесс американско-советского сближения пойдет ускоренным

темпом. В противном случае — значительно медленнее. Много зависит также от хозяйственного положения Америки. Когда пишется эти строки, в Америке как раз намечается перелом экономической конъюнктуры (положения) в сторону промышленного кризиса. Если кризис действительно разразится, тяга к советскому рынку и к вложению капитала в СССР, без сомнения, усилится. В то же время сельскохозяйственный кризис будет толкать Америку в сторону поднятия покупательной способности Европы, что тесно связано с вовлечением СССР в экономический круговорот всего мира. А одной из предпосылок последнего является урегулирование американско-советских отношений.

Что же касается нашей дипломатии, то она неоднократно подчеркивала, что она готова пойти на уступки в целях достижения соглашения с заокеанской республикой. Ибо другие капиталистические страны только много говорят о своем добром желании вложить капиталы в дело восстановления СССР, если бы только им были даны „гарантии“ и т. д.; когда же доходит до дела, то оказывается, что у них нет или мало нужных для этого капиталов. Другое дело — Америка. Она имеет эти капиталы в избытке; она задыхается от капиталистического полнокровия. Вот почему привлечение Америки играет для нас огромную роль. Не менее важен этот вопрос с политической стороны. Урегулирование отношений с наиболее могущественной из капиталистических держав, понятно, имело бы большое влияние на все наше международное положение.

Но в установлении нормальных отношений заинтересована и другая сторона — Америка, ибо, как бы там ни складывалась в ближайшее время экономическая и политическая конъюнктура, ясно, что после признания СССР всеми крупными капиталистическими державами — а момент этот близок — Америка долго не сможет остаться в стороне. История работает на нас.

Япония.

Первым актом Японии по отношению к Советской России был захват Владивостока. Это было 5 апреля 1918 года и только через 4½ года, 25 октября 1922 г., японцы очистили этот выход СССР к Тихому океану. Таков этап японской упорной кровавой разорительной интервенции. Эта интервенция может также побить рекорд по наглости ничем неприкрываемого дерзкого грабежа среди бела дня. Ибо другие правительства преследовали планы эксплуатации будущей „освобожденной“ России. Япония же, особенно в первый период интервенции, просто норовила оторвать кусок тела Советской России — Восточную Сибирь до Байкала или по крайней мере — приморскую полосу. Победа над таким врагом на далекой окраине советской земли, плохо связанной с центром, — это огромная победа российской революции. В виду особых условий методы борьбы с врагами здесь были другие, чем

в Европейской России, еще более сложные, еще более гибкие. Здесь в более причудливой и интересной форме, чем в других частях Советской России, безумная отвага сочеталась с самой осторожной, эластичной, уклончивой дипломатией. Безумно-храбрые набеги красных партизан и согласие коммунистов на учредительное собрание — на буферную демократическую республику между Советской Россией и Японией — вот противоположные полюсы этой борьбы. Этот буфер в виде Дальне-Восточной Республики создан в конце 1920 г., как результат некоторого равновесия, наступившего на Дальнем Востоке: с одной стороны, Красная армия разбила Колчака и взяла Иркутск, но дальше двигаться не могла вследствие противодействия японцев, а с другой стороны, японцы укрепились в приморской полосе, но двигаться дальше могли лишь с большой опасностью вследствие набегов красных партизан. Япония имела свои виды на буферную республику; Советская Россия — свои. И здесь история опять работала на нас. Коммунисты оказались самой дальновидной, сплоченной и целеустремленной силой в буферном государстве. Они повели за собой рабочих и крестьян, и в результате буфер, который должен был стать орудием в руках японского империализма против Советской России, стал прекрасно-действующим орудием в руках Красной армии и красной дипломатии против хищнического японского империализма.

Первые переговоры с Японией открылись от имени ДВР в Дайрене 26 августа 1921 г. Вследствие саботажа Японии они затянулись до 2 апреля 1922 г., когда японские войска неожиданно перешли в наступление на войска ДВР и переговоры были формально прерваны японской делегацией. После длительной переписки и шантажа со стороны японской дипломатии переговоры возобновились на станции Чань-Чунь 4 сентября 1922 г., при чем на конференции уже представлена РСФСР, от имени которой тов. Подф. ведет переговоры также и за ДВР, несмотря на протесты японской делегации. Но и эта конференция окончилась ничем вследствие попытки японского правительства взвалить на РСФСР ответственность за японцами же спровоцированные кровопролитные столкновения с отрядами красных партизан Тряпицына в г. Николаевске весной 1920 г. и отказа эвакуировать северный Сахалин. Приморье японцы обещали эвакуировать к 1 октября. К этому они были вынуждены победами красных партизан, недовольством внутри Японии бесплодными военными авантюрами в Сибири и давлением со стороны Америки. Народно-революционная армия ДВР стала теснить приступившие к эвакуации японские войска и заняла Владивосток. Затем последовала советизация ДВР.

Таким образом период интервенции закончен. Только северный Сахалин еще остается под властью японских оккупантов. Японии остается один только путь — формально признать банкротство старой захватнической политики и установить нормальные отношения с СССР. Этого требуют японские рабочие и

крестьяне, с одной стороны, и деловые круги, с другой. Но власть в Японии в этот момент находится в руках чиновничьей клики, которая не хочет и не может отказаться от традиции политики интервенции. В результате—нерешительная зигзагообразная политика.

4 февраля 1923 г. т. Иоффе, по приглашению виконта Гото, прибывает из Пекина в Токио „для лечения“ и одновременно для „выяснения недоразумений“, мешающих урегулированию отношений между Японией и СССР. Эти „частные“ переговоры подготавливают почву для официальных переговоров Иоффе—Каваками (28 июня—31 июля 1923 г.), которые тоже не дают конкретных результатов вследствие неуступчивости Японии. Между тем по вине Японии возникает ряд серьезных инцидентов. Японские военные суда часто заходят без разрешения в советские территориальные воды, японцы отказываются выдать наши пароходы, увиденные белыми; японские рыболовы не соблюдают правил рыбной ловли в советских водах и т. д.

1 сентября 1923 г. на Японию обрушивается небывалая катастрофа в виде страшного землетрясения, разрушившего гор. Иокогаму и ряд других городов. Ее экономическому и военному могуществу нанесен серьезный удар. Катастрофа ставит ребром вопрос, кто, как и за чей счет будет восстанавливать страну. Предчувствуя революционные потрясения, реакция переходит в наступление. Тысячами расстреливаются корейцы („инородцы виноваты“), японские революционные рабочие и их вожди. С другой стороны, в массах усиливается брожение, которое между прочим находит свое выражение в покушении на принца-регента. Все эти новые процессы так сложны и глубоки, что трудно определить, как они отразятся на политике Японии в отношении к Советской России.

В конце 1923 года на почве помощи со стороны Советской России пострадавшим от землетрясения происходят серьезные конфликты. Правительство и трудящиеся массы СССР немедленно горячо откликаются на несчастье, постигшее японский народ. 4 сентября Совнарком выносит постановление об оказании материальной помощи пострадавшим, в частности о немедленной отправке к берегам Японии пароходов с продовольствием. Одновременно т. Чичерин отправляет японскому правительству телеграмму с выражением соболезнования; по всему СССР начинается сбор пожертвований. Но эта отзывчивость встречает со стороны японского правительства весьма своеобразное отношение. Оно боится влияния помощи со стороны пролетариата СССР на японский пролетариат, тем более, что советская власть направляет свою помощь трудящимся Японии, конечно, пострадавшим больше всех. Пароход „Ленин“ с продовольствием не допускается в Иокогаму, а его команда подвергается всяким оскорблениям. Несмотря на это, т. Карахан 5 октября вручает японскому послу в Пекине Иношизаве ноту с целым рядом конкретных предложений о помощи пострадавшим в Японии в виде чрезвычайно льготного предоставления лесных

делянок и рыбных промыслов. Японское правительство отвечает благодарственной нотой, но... обставляет дело помощи такими условиями, что Ц. К. помощи Японии вынужден прекратить свою деятельность.

В начале 1924 г. враждебность Японии еще больше усиливается. Правительство Киуры, опирающееся на самую реакционную из японских буржуазных партий—сеюхонто, начинает оказывать сильное давление на китайское правительство, готовящееся признать СССР. В то же время „Манчестер Гардиен“ сообщает о мобилизации японцами остатков белогвардейщины на Дальнем Востоке и о появлении в Токио атамана Семенова, в свое время действовавшего на Дальнем Востоке параллельно с Колчаком. Очевидно, кое-что готовилось с целью нажима на советское правительство.

Но в мае в Японии происходят парламентские выборы, которые создают новую обстановку. Оппозиция одерживает большую победу; она получает $\frac{2}{3}$ голосов. Киура уходит в отставку, и его место занимает Като, лидер либеральной партии кен-се-кай, отражающей настроения торгово-промышленных кругов. Будучи в оппозиции, Като был сторонником признания СССР, и его приход к власти должен был означать серьезный сдвиг в японско-советских отношениях. Но, очутившись у власти, он начинает подражать своим предшественникам и ведет, по крайней мере на первых порах, крайне неопределенную линию. В это время переговоры упираются в вопрос эвакуации японцами северного Сахалина. После некоторого перерыва японская миссия в Пекине извещает т. Карахана, что Йошизава возвращается в Пекин 3 августа и готов немедленно приступить к окончанию переговоров.

Имея в виду весь опыт наших взаимоотношений с Японией, трудно сказать, дадут ли новые переговоры положительный результат. Но поворот в политике Франции и восстановление советско-китайских дипломатических отношений, не говоря уже о все возрастающем международном значении СССР, не могут не повлиять на политику Японии.

Что касается дальнейших перспектив наших отношений с Японией, то нужно иметь в виду следующие основные моменты.

Положительные. 1. Рост сочувствия к СССР в народных массах и сильное революционное движение в Японии, охватившее не только рабочий класс, но и крестьянство, живущее в самых ужасных условиях. Если даже в ближайшем будущем не произойдет революционного взрыва, то неизбежна по крайней мере демократизация японского государственного строя, ныне напоминающего царский строй при Государственной Думе. Такая демократизация, конечно, окажет благоприятное влияние на развитие японо-советских отношений.

2. Японо-американский антагонизм. Все обостряющаяся борьба с Америкой толкает Японию на соглашение с СССР с целью обеспечить свой тыл.

3. Ослабление японского империализма вследствие землетрясения.

4. Экономическая заинтересованность. Японский капитал весьма заинтересован в различных концессиях в Сибири, в частности в лесных и рыболовных, а также в вывозе продуктов своей промышленности в СССР.

Отрицательные. 1. Помимо присущей всякому капиталистическому государству враждебности по отношению к Советскому союзу, агрессивные виды милитаризма на Восточную Сибирь.

2. Империалистические замыслы в Китае, в частности в Манчжурии, идущие в разрез с политикой СССР, основанной на уважении к независимости Китая.

Вот те отрицательные факторы, на которые не следует закрывать глаза при оценке видов на будущее в наших взаимоотношениях с Японией. Кроме того, следует иметь в виду, что, как показывает опыт, Япония, несмотря на соперничество с Америкой и другими державами на Дальнем Востоке, всегда охотно примыкала к единому фронту против СССР.

Германия.

С Германией — мы говорим о послевоенной Германии — нас связывает общность целого ряда жизненных интересов. Прежде всего трудящиеся массы СССР видят в нынешней буржуазной Германии носительницу будущей Советской Германии, которая подаст братскую руку СССР, приобщит свою высокую технику к нашим природным богатствам и составит вместе с СССР огромную экономическую и политическую мощь, крепкое ядро будущего мирового Союза Советских Республик. Мы сочувствуем германскому народу, угнетаемому той же силой, которая борется против нас — западным империализмом. Мы заинтересованы в тесной экономической связи с нынешней буржуазной Германией, которая, несмотря на разоренность, может много дать нам в смысле ускорения восстановления нашего хозяйства и в свою очередь покупать у нас сырье. Значительно уступая по своей мощности английскому, а тем более американскому капиталу, германский капитал по старым связям, по географической близости и по политическим мотивам лучше их приспособлен и более склонен к работе в СССР.

Германская буржуазия, несмотря на свою классовую ненависть к советской власти и боязнь „большевистской опасности“ с Востока, в то же время сознает, что единственный выход для Германии, даже буржуазной Германии, именно на Востоке. Пбо с других сторон Германия окружена кольцом врагов, которые душат ее политически всей „версальской системой“, включающей, кроме крупных держав Антанты, Бельгию, Польшу, Югославию, Румынию, Чехословакию и другие малые страны, находящиеся под влиянием крупных; душат и экономически — выколачиванием ре-

парадий (проще говоря — военной дани) и систематическими таможенными мероприятиями против германского „домпинг“ (конкуренции). И только в СССР, единственной великой державе, не побежденной Антантой, СССР с его огромной нуждой в предметах высоко-развитой промышленности, Германия может черпать политические и экономические силы для своего восстановления.

Здравомыслящие германские политики давно уже стали на такую точку зрения. Но в первые годы после Версаля правящие круги Германии еще не были уверены в устойчивости Сов. России, еще питали надежды, что добрым повелением — а это предполагало отсутствие нормальных отношений с Сов. Россией — можно будет снискать благоволение отдельных государств бывшей Антанты. Такие надежды особенно лелеяла германская социал-демократия. Заседавшие в правительстве в первый период германской революции социал-демократы в ноябре 1918 г. отказались принять подарок хлебом для голодающих германских рабочих от советского правительства из опасения „скомпрометировать“ себя в глазах Вильсона, на пресловутые 14 пунктов которого они возлагали такие большие надежды. И даже после того, как Версальский мир дал почувствовать германскому народу, что стоит „справедливость“ Вильсона, германские с.-д. не переставали кормить народ обещаниями, что вот вмешается Америка, вмешается Англия, поможет добрый Ллойд-Джордж и т. д. И, будучи в коалиционных правительствах, с.-д. часто в большей степени, чем представители буржуазии, саботировали сближение с СССР.

По мере внутреннего и внешнего упрочения советского соседа с Востока Германия постепенно меняет свою политику, редко решаясь, однако, опередить в этом Англию. 20 февраля 1920 г. т. Копп, до того живший в Берлине в качестве непризнаваемого поверенного советского правительства, признается германским правительством уполномоченным по делам обмена военнопленными. Это был первый официальный акт сближения между Германией и Советской Россией после полного разрыва 28 декабря 1918 г., когда германское социал-демократическое правительство официально заявило, что оно не допустит никакого советского представительства в Берлине, хотя бы и миссии Красного Креста. 19 апреля 1920 г. германское правительство заключает с т. Коппом соглашение о порядке обмена военнопленными, расширяемое дополнительным соглашением от 7 июня.

6 мая 1921 г. в Берлине подписывается временное торговое соглашение, в результате чего обе страны обмениваются представителями (тов. Крестинский — г. Виденфельд), при чем представительство РСФСР в Германии признается единственным представительством России в Германии. Наконец, германское правительство решается на более смелый шаг, который вызывает бурю бессильного негодования во Франции, Польше и др. идущих за Францией странах: 16 апреля 1922 г. в Рапалло под Генуей, что на-

зывается, под самым носом Генуэзской конференции, Германия подписывает с советской делегацией договор о взаимной ликвидации старых счетов и возобновлении дипломатических отношений в полном объеме.

В силу этого договора Германия отказывается от каких бы то ни было претензий от имени германского правительства или частных граждан в связи с национализацией и конфискацией имущества в Сов. России, а с другой стороны, советское правительство отказывается от требований к Германии, предусмотренных Версальским договором.

Договор в Рапалло был встречен с одинаковой радостью как Советской Россией, так и Германией: советско-германские отношения стали на правильные рельсы. В Германии целый ряд политических представителей германского делового мира, как напр., др. Гааз, видный деятель народной партии, усиленно подчеркивали, что с подписанием рапалльского договора дело германско-советского сотрудничества только начинается, что договор, выражаясь словами Гааза,— это только рама, которую нужно заполнить содержанием, деятельностью германского капитала в Сов. России. Конец 1922 г. и 1923 г. проходят под знаком этого заполнения рамок договора. Заключаются концессионные договоры с крупными германскими фирмами (Крупп, Отто Вольф, земельная концессия в области Немцев Поволжья, железнодорожная концессия в районе Красного Холма и др.), создается целый ряд смешанных советско-германских обществ, охватывающих морской и воздушный транспорт — Дерулюфт, Дерутра, Рустранзит и т. д.; заключается договор о доставке советского зерна в Германию (июнь 1923) и вырабатываются различные экономические и юридические конвенции.

Во время под'ема мощной революционной волны в Германии в сентябре 1923 г. германское правительство стало выказывать особую нервозность, опасаясь вмешательства СССР во внутренние дела Германии. Но дело не дошло до каких-либо серьезных инцидентов.

В начале 1924 г. советско-германские отношения продолжали благоприятно развиваться, как это между прочим было отмечено во взаимных приветствиях т. Чичериным и германским посольством в Москве 16 апреля этого года по поводу двулетия со дня подписания Рапалльского договора. Но вдруг совершенно неожиданно по вине германского правительства вышел серьезный конфликт. 3 мая сильный отряд германской полиции, с полицейским комиссаром Вейсом во главе, под предлогом поисков сбежавшего арестованного „коммуниста“, а скорее провокатора Боценгардта, бывшего служащего нашего торгпредства, окружил помещение торгпредства, произвел обыск со взломом шкафов и ящиков, согнал всех сотрудников на двор, где они подвергались различными оскорблениям, и некоторых из них арестовал. Несмотря на немедленный

личный протест т. Крестинского у германского министра иностранных дел Штресемана и на обещания последнего прекратить неслыханную провокацию, обыск продолжался еще несколько часов. В виду отказа германского правительства удовлетворить требование т. Крестинского об извинении и наказании виновников возмутительного правонарушения и компенсации пострадавшим, полпред Крестинский приостановил деятельность торгпредства и вместе с торгпредом выехал за инструкциями в Москву. Наше правительство оказалось вынужденным в целях воздействия на германское правительство прекратить всякие торговые сделки с Германией, т.-е. фактически объявить ей экономический бойкот.

Такова вкратце история первой стадии конфликта. Естественно возникает вопрос, что руководило теми тайными силами, которые так усердно добивались и добились обострения отношений с СССР.

Раньше всего мы здесь сталкиваемся со стремлением известной части реакционных кругов купить себе расположение крупных империалистических держав отказом от дружбы с „большевистским СССР“.

Вспомним, что даже после краха блокады и интервенции генерал Гофман¹⁾ неоднократно высказывался публично за новую совместную интервенцию Германии и союзников против СССР. С подобными же планами носится видный представитель германских промышленников — Рехберг, сторонник соглашения с Францией. Решения экспертов окрылили эти элементы надеждами, что на спинах германских пролетариев можно будет построить мост к бывшим союзникам и совместно с ними бороться против „большевистской заразы“, имеющей своим очагом ненавистную страну диктатуры пролетариата.

К таким политическим настроениям прибавились разочарования тех деловых кругов, которые надеялись не торговать со взаимной выгодой, а колонизовать нашу страну. В этой попытке они наткнулись на железный барьер — нашу монополию внешней торговли. Этот прекрасно действующий инструмент социалистического хозяйства, точнее говоря, хозяйства, переходящего к социализму, регулируя наш ввоз и вывоз как по качеству, так и по количеству, оберегает нас от эксплуатации иностранного капитала и содействует восстановлению нашего хозяйства. При чем это восстановление далеко не похоже на пресловутое капиталистическое „оздоровление“, которое превратило Австрию в колонию американских, английских и прочих банкиров и которое должно проделать то же самое по отношению к Германии. Отсюда и жалобы председателя союза германских

¹⁾ Начальник штаба германской армии, принимавший участие в брестских переговорах.

промышленников г. Зорге в печати во время конфликта, что, дескать, монополия внешней торговли мешает быстрому развитию германо-советской торговли.

Эти неприязненные настроения усилились в связи с советско-английскими переговорами. некоторые германские деловые круги стали опасаться конкуренции со стороны Англии и сближения последней с СССР. Тут захват каких-либо ошеломляющих документов о „большевистской пропаганде“ был бы как нельзя более кстати увы! их, конечно, не оказалось).

Прибавим ко всему этому бешеную травлю СС Р со стороны лакеев капитала — германских социал демократов, и их „информаторов“ — русских меньшевиков, и мы получим картину тех враждебных сил, которые подготовили и сделали возможной провокацию от 3 го мая.

По все эти враждебные настроения по отношению СССР ни в коем случае не являются господствующими в Германии, как это показала вся политическая линия германской политики, начиная с 20 февраля 1920 г.— даты признания г. Коппа уполномоченным советского правительства по обмену военнопленными, этого первого шага по пути к Рапалло. Только особое стечение обстоятельств дало временную победу враждебным СССР элементам. И среди антисоветской кампании, поднятой германской печатью для поддержания „престижа“ своего правительства, скоро стали раздаваться трезвые голоса. Так, напр., орган группы Стайнеса) „Дейтше Альгемейне Цейтунг“ от 11 мая, после резких нападок на зловердных большевистских агитаторов, вынуждена была признать: „Россия — теперь — единственная мировая держава, не побежденная Антантой... Россия стоит на рубеже Европы, как таинственная великая сила“. И, действительно, мог ли этот солидный капиталистический орган долго защищать бессмысленную провокацию от 3 мая, когда как раз за день до нее, 2 мая, он писал: „Значение германско-русского блока в торгово-политическом отношении совершенно очевидно... Будущность Германии — на Востоке“...

Всю бессмысленность полицейского налета 3 мая понимал, очевидно, и германский министр иностранных дел Штресеман; он учитывал необходимость поскорее ликвидировать конфликт, но боялся навлечь на себя гнев немецких фашистов. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на энергичное вмешательство германских деловых кругов, заинтересованных в торговле с СССР, конфликт тянулся почти 3 месяца. Только 29 июня между поверенным в делах СССР в Германии и немецким министром иностранных дел был подписан протокол, ликвидирующий инцидент на вполне почетных для СССР условиях. Приводим наиболее существенные выдержки из этого документа:

¹⁾ Недавно умерший крупнейший промышленник и финансист Германии, составивший себе колоссальное состояние военными поставками

„Оба правительства считают обмен нот по поводу инцидента законченным.

„Германское правительство заявляет, что действия полицейских властей в Берлине, направленные против торгового представительства, 3-го мая явились самовольным выступлением германской полиции. Оно считает, что полученное 3-го мая полицейскими властями извещение о побеге Боценгардта никоим образом не могло служить основанием для выступления, предпринятого по распоряжению полицейских властей. На этом основании, а также имея в виду дружественные отношения между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик, германское правительство порицает это выступление и сожалеет, что из-за него инцидент получил такое расширение. Оно доводит до сведения советского правительства, что руководитель этого выступления отстранен от своей прежней служебной деятельности. Что же касается мер, предпринятых германскими должностными лицами против экстерриториальных¹⁾ должностных лиц Союза Советских Социалистических Республик, то германское правительство уже ранее выразило свое сожаление по этому поводу. Виновные германские должностные лица будут наказаны.

„Германское правительство заявляет о своей готовности возместить произведенный германскими должностными лицами в здании торгового представительства материальный ущерб, выказывая при этом предупредительное отношение“.

Что же касается вопроса об экстерриториальности торгового представительства РСФСР, вызывавшего много споров в связи с инцидентом 3 мая, то он был решен в том смысле, что из помещений торгпредства (несколько больших зданий, в которых помещаются также отделения различных наших трестов) выделяется связанный комплекс, который считается неприкосновенным.

Наша дипломатия с честью отстояла престиж СССР. Мы говорим не о престиже в смысле националистического чванства, как его понимает буржуазная дипломатия, а о престиже в смысле защиты достоинства государства, без которой враги не стали бы церемониться с ним. Именно о таком достоинстве, другими словами, о защите коренных интересов нашего пролетарского государства, шла речь в конфликте с Германией. Из этого испытания наша дипломатия, действуя решительно, но вместе с тем весьма эластично, вышла с честью, германская охранка и вдохновляющие ее реакционные круги — с позором, а германские руководители внешней политики — с предметным уроком, что дружба с Советской Россией налагает обязанности относиться к его представительству, как к представительству великой державы.

¹⁾ Пользующихся дипломатической неприкосновенностью.

П о л ь ш а.

История наших взаимоотношений с Польшей весьма печальна. Это история интервенции, войны, вооруженных столкновений меньшего размера, острых конфликтов и постоянных трений. В 1918 — 19 г. войска только что возрожденной, на основе господства помещиков и капиталистов, Польши, пользуясь нашей борьбой на всех фронтах, все глубже врываются в наши восточные окраины, захватывая не-польские земли и поработая их население — русских, белорусов, литовцев и евреев и вместе с тем, конечно, и трудящихся поляков.

В 1920 г. „начальник польского государства“ Пилсудский, связавшись с авантюристом Петлюрой, продававшим украинский трудовой народ оптом и в розницу во всех столицах Антанты, Польши и Румынии, вторгается в Советскую Украину и устраивает пожар кровавой советско-польской войны. Эта война была по существу рецидивом (возвратом) интервенции мировой буржуазии против Республики Советов. Ибо Польша никогда не бросилась бы в эту авантюру, если бы она не чувствовала за собой Францию, если бы она не надеялась на прямую или косвенную помощь других капиталистических держав. И действительно, когда Пилсудский победоносно продвигался вперед по Украине, ему рукоплескала вся мировая реакция (если со стороны Англии наблюдалось несколько сдержанное отношение, то это объясняется завистью к успехам вассала Франции, следовательно французским успехам). Капиталистические страны, кроме открыто выступившей на стороне Польши Франции, для видимости соблюдали формальный нейтралитет. Когда же Красная армия стала подступать к Варшаве и мировую буржуазию обуял страх перед победоносным шествием коммунизма, то маски нейтралитета сразу были сброшены, и даже Англия угрожала Советской России войной, в случае, если наступление не будет приостановлено. С другой стороны, в пролетарском мире тогда наблюдался огромный подъем: Советы Действия в Англии, нарастание революционной волны в Германии, борьба пролетариата во всех странах против доставки амунции Польше и т. д.

Таким образом война между Польшей и Советской Россией сразу обнаружила свой характер, как война между капитализмом и социализмом, как один из крупнейших боев эпохи мировой социальной революции.

Эта великая схватка, если сравнить ее результаты с исходным положением, в общем итоге кончилась в ничью. По Рижскому миру (18 марта 1921 г.) Польша получила не больше, чем могла получить, когда советское правительство ей предлагало мир, — до преступной авантюры. Правда, Польша отрезала нас от пути в Германию и округлила свои территории за счет Белоруссии, но этим она приобрела себе врагов в лице белорусского и литовского народов,

о чем ей уже приходится и еще больше придется пожалеть в будущем. Исход этой схватки тоже является отражением общего международного положения в то время: с одной стороны, социальная революция оказалась не в состоянии добиться серьезных успехов за красным рубежом хоть бы в такой мере, чтобы помешать буржуазии помочь Польше, а с другой стороны, буржуазия, опасаясь возмущения пролетариата, после отступления Красной армии от Варшавы не решилась гнать Польшу еще глубже в Советскую Россию и оказать ей более активную помощь.

По Рижский договор не внес успокоения в польско-советские взаимоотношения. Уже через полгода после его подписания, вследствие постоянных вторжений банд, организуемых Польшей вместе с русскими белогвардейцами, на территорию Украины и Белоруссии, дело чуть не доходит до новой войны. В 1922 г. — дальнейшее нападение банд, саботирование Польшей московской конференции по разоружению, прекращение переговоров о торговом договоре вследствие неосновательных требований Польши и отъезд нашего посла г. Оболенского, как протест против оскорбления — отказа начальника государства лично принять его для вручения верительных грамот, как это требуется по этикету. В 1923 г. домогательства в связи с признанием преобразования РСФСР в СССР, вооруженный разрыв переговоров о торговом договоре и подозрительная позиция во время подъема революционной волны в Германии в сентябре — октябре. В 1924 г. конфликт на почве усиления гонений против национальных меньшинств, что является явным нарушением Рижского договора, ограждающего их права на национально-культурное и религиозное самоопределение.

Вот основные этапы развития наших отношений с Польшей. Спрашивается: где же тут корень зла? Он в том, что польская буржуазия являет собою классический пример буржуазии, которая, едва только сама освободившись от ига империалистического гнета, развивает собственный империализм и стремится к захвату чужих земель и порабощению слабых народов. Корень зла, далее, в том, что польская буржуазия избрала своей „исторической миссией“ служение в качестве орудия в руках французского империализма, в качестве барьера между Советским Союзом и Германией, в то время как Польша географически и экономически предопределена быть мостом между ними.

Исходя из упомянутой „исторической миссии“, Польша пытается восстановить все окраинные государства против Советского Союза и предпринимает неоднократные попытки создания „оборонительного“ союза этих государств против СССР, который, конечно, и не думает нападать на них. И характерно отметить, что особую роль в проведении такой политики играют польские с глашатели с их наставником Пилсудским во главе. Именно Пилсудский и „пилсудчики“ являются виновниками русско-советской войны 1920 г.,

именно они вызывали зловещие конфликты после Рижского мира, именно они и по сей день носятся с планами отторжения Советской Украины и Советской Белоруссии от Советского Союза и присоединении их вместе с Литвой, а если удастся и балтийскими государствами, к Польше, взамен чего „пилсудчики“ осчастливят их автономией... И как раз польский крупный капитал, представленный партией „народовых демократов“, в отличие от „пилсудчиков“, зачастую при польско-советских конфликтах проявлял относительное миролюбие.

Но для иллюстрации этой политики Польши остановимся несколько подробнее на польско-советских отношениях за последние полтора года.

1923 г. открылся разрешением упомянутого характерного конфликта насчет приема т. Оболенского. 4 января т. Оболенский вручил свои грамоты лично президенту польской республики г. Войцеховскому. Но через короткое время — новый инцидент. Польский премьер Сикорский, грубо вмешиваясь во внутренние дела СССР, делает т. Оболенскому в вызывающем тоне заявление по поводу процесса над архиепископом Цецяком и другими ксендзами за контр-революционную деятельность в РСФСР. В ночь от 31 марта т. Чичерин энергично протестует против этого вмешательства Польши и напоминает о жестоких репрессиях польского правительства против национальных меньшинств. В апреле происходит разрыв переговоров о торговом договоре вследствие неуступчивости Польши в вопросах транзита и наибольшего благоприятствования.

Недружелюбность Польши выступает ещё ярче на примере инцидента по поводу преобразования РСФСР в СССР. В то время, когда почти все державы ограничились принятием к сведению этого факта внутреннего переустройства, Польша вздумала обусловить признание целым рядом требований. Только после дипломатической переписки, длившейся несколько месяцев, инцидент был ликвидирован. Происходили также трения в связи с переброской польскими властями русских граждан через границу, систематическими перелетами польских аэропланов через нашу границу с разведывательными целями, деятельностью польских репатриационных комиссий, имеющей мало общего с репатриацией, контрабандой дипломатических польских курьеров и разных польских должностных лиц и т. д. Эти трения углублялись убийствами лиц нашей пограничной охраны. Особенно возмутительны были зверские убийства комиссара пограничного батальона т. Герценштейна и красноармейца т. Ватлашева, вызвавшие энергичный протест И. К. И. Д. Далее, в сентябре премьер Витос произносит речь о „расширении на Восток“ и официально принимает белогвардейского полковника головореза Булака-Балаховича, который благодарит премьера за „внимательное отношение“ к нему, „батьке“, и его сподвижникам.

Во время сентябрьских событий в Германии пепезсовец ¹⁾ Перл и представитель кулацкой партии „Вызволнение“ Рудзинский требуют в сеймовой комиссии по иностранным делам „активной политики“ по отношению к СССР. Рудзинский открыто требует вооруженного вмешательства в германские дела в случае перехода власти к коммунистам или к националистам.

После германских событий отношения принимают более ровный характер: увеличивается торговый оборот (9 миллионов руб. за первое полугодие 1924 г.), ведутся переговоры с крупными польскими фирмами и подписывается консульская конвенция (8 июля 1924 г. в Москве). Но в то же время происходит такой возмутительный инцидент, как нападение на секретаря полпредства в Варшаве т. Кобецкого (9 июля), инцидент, являющийся результатом травли полпредства. Когда же министр иностранных дел Замоиский по этому поводу выражает свое соболезнование нашему полпреду т. Оболенскому, печать порицает его за „поспешность“ в этом шаге.

Но особенно серьезным предметом трений между нами и Польшей является вопрос об угнетаемых в Польше национальных меньшинствах, имеющий большое политическое и принципиальное значение. Ядро национальных меньшинств Польши, составляющих около половины населения Польши, состоит из русских, белорусов и украинцев, равноправие которых Польша обязалась соблюдать согласно Рижскому договору (ст. 7). Между тем репрессии на „кресах“ (окраинах) стали принимать самый возмутительный характер. Закрывались украинские и белорусские школы, арестовывались культурные деятели этих народностей, крестьянская земля передавалась польским переселенцам, подвергались преследованиям украинские и белорусские депутаты сейма и т. д.

Все эти репрессии вызвали особо горячий отклик в Советской Украине и Советской Белоруссии. Советское правительство не могло остаться равнодушным к таким издевательствам, нарушающим Рижский договор. (Даже бу жуазно-радикальные политики Франции во главе с Эррио и Пенлеве сочли нужным заявить по этому поводу свой протест.) В мае месяце 1924 г. т. Чичерин в подробной ноте приводит длинейший список возмутительных репрессий со стороны польских властей против украинцев и белорусов и, ссылаясь на ст. 7 Рижского договора, заявляет против этого энергичный протест. Ни одна польская буржуазная газета не опубликовала этих фактов полностью, но зато нападкам на советское правительство не было конца.

Ярость польской реакции усиливалась еще вследствие того, что в своих выступлениях в сейме даже буржуазные депутаты, украинцы и белорусы, систематически проводили параллель между положением их народов по ту и другую сторону советско-польской

¹⁾ Член П. П. С. (Польская партия социалистична) — лжесоциалистическая мелко-буржуазная партия Польши.

границы. Так, напр., по поводу укрупнения Советской Белоруссии, в целях более полного удовлетворения ее культурных интересов, белорусские депутаты в польском сейме в горячих речах восхваляли национальную политику советской власти и нападали на польских угнетателей. А во время дискуссий в сейме по вопросу о „реформах“ в национальном вопросе в июле 1924 г. депутат украинской с.-д. па тии Скрипа заявил: „если Польша хочет раз навсегда покончить с национальным вопросом, мы готовы тому содействовать. Мы стремимся к объединению с Украинской Советской Республикой“. Выступивший на том же заседании белорус Роголя назвал правительство Грабского правительством опричников Малюты Скуратова. По поводу этих симпатий к СССР „Курьер Варшавский“ в то время писал: „вдоль нашей восточной границы растет и углубляется русский гипноз; мы видим, что наиболее национально настроенные украинцы (а в другом месте статьи говорилось о белорусах) ориентируются на большевиков“.

Буржуазная Польша бессильна решить национальный вопрос. Напрасно польская реакция взваливает вину за брожение на окраинах, за усиливающиеся выступления крестьян-партизан в Белоруссии и за организованный отпор украинцев в Восточной Галиции на большевистских агитаторов. Своей национальной политикой польская буржуазия сама делает дело большевизма. Национальному моменту еще суждено играть большую, быть может решающую, роль в судьбе агрессивной борьбы польского империализма с СССР.

Немалую роль в ходе этой борьбы сыграет и приход к власти левого блока во Франции, что связано со сдвигом в сторону франко-советского сближения. Правда, нельзя, как уже указывалось, ожидать от нового французского правительства полного отказа от старой установки восточно-европейской политики на Польшу, но во всяком случае авантюры Польши против СССР уже не найдут в Париже такой активной поддержки, как раньше. А без поддержки Парижа и этих авантур станет меньше.

Румыния.

Румыния — одна из наших наиболее беспокойных соседок. Она первая воспользовалась слабостью Советской России в начале революции и захватила Бессарабию (февраль 1918 г.). 5 марта 1918 г. румынское правительство подписывает мирный договор с РСФСР, в силу которого она обязуется в течение двух месяцев эвакуировать захваченную территорию. Но захватчики договора не исполняют и приступают к насаждению своей власти с помощью штыка, кнута и политического шантажа. В начале румынские бояре еще считают нужным заигрывать с „самостоятельной“ „Молдавской республикой“, но 25 ноября 1918 г. без оповещения депутатов, при отсутствии кворума, кучка румынских агентов в „Сфатул Церий“ (делегатское собрание) под охраной

румынских штыков провозглашает присоединение Бессарабии к Румынии.

С этого момента удержание захваченной Бессарабии и международное закрепление этого захвата составляют одну из основных задач боярской Румынии. Этим самым Румыния до сих пор делала невозможным урегулирование отношений с СССР. Впрочем, наша дипломатия, в целях разрядки атмосферы, пыталась и теперь еще пытается хоть кое-как наладить торговые и технико-пограничные отношения с нашей юго-восточной соседкой, не затрагивая вопроса о Бессарабии. Перечисление всех этих попыток заняло бы слишком много места. Ограничимся поэтому важнейшими моментами последнего времени.

19 января 1922 г. румынское правительство согласилось допустить в Румынию украинскую торговую делегацию. В середине этого же года мы приглашаем Румынию на конференцию по разоружению в Москве, но она выдвигает довольно своеобразное условие участия — признание захвата Бессарабии, что наше правительство, конечно, отклоняет. 10 августа 1923 г. в Тирасполе приступает к работе так называемая „военная конференция“, заканчивающаяся подписанием соглашения насчет предупреждения конфликтов на демаркационной линии путем учреждения смешанных комиссий. 10 ноября того же года открылись торговые переговоры, не давшие никаких результатов главным образом вследствие несогласия Румынии на обмен представительствами.

Не дала также никаких результатов и Венская конференция.

Конференция открылась 27 марта, и, не прожив и недели, она 2 апреля была сорвана румынской делегацией на бессарабском вопросе. Румынские дипломаты сразу обострили положение тем, что сделали поистине смешную попытку взять нашу делегацию „нахрапом“. Бессарабский вопрос, заявили они, исключается из дискуссии; для Румынии это решенный вопрос, и факт приезда советской делегации уже является выражением согласия с такой точкой зрения (!).

Но румыны сейчас же почувствовали, что вопрос далеко не решен для другой стороны, для СССР, а потому он и вообще далеко не решен. Тов. Крестинский сразу поставил вопрос так ясно и отчетливо, так принципиально-выдержанно и неопровержимо, как это только может делать красная дипломатия. Напоминая дату за датой, факт за фактом всю историю беспримерного захвата Бессарабии, разоблачив комедию, разыгранную в „Сфатул Церий“, тов. Крестинский заявил:

„Правительство СССР, а до образования Союза ССР правительства РСФСР и УССР никогда не давали своего согласия на присоединение Бессарабии к Румынии и рассматривают оккупацию Бессарабии в 1918 г. румынскими войсками — оккупацию, продолжающуюся донныне, как насильственный захват этой области.

„Румынское правительство само не стояло в начале на той точке зрения, которую оно сейчас выдвигает. Так, румынское командование, вводя в январе 1918 г. свои войска в Бессарабию, объявило населению Бессарабии, что введение войск носит временный характер и что румынские солдаты вернутся на родину“.

„Наконец, сам председатель румынского совета министров Авереску в марте 1918 г. подписал с представителем советского правительства Раковским и военно-революционными организациями румынского фронта и Одесской области соглашение, по которому обязался от имени румынского правительства очистить в двухмесячный срок Бессарабию от румынских войск“. И, касаясь принципиальной стороны вопроса, тов. Крестинский указал, что „союзное советское правительство подчеркивает, что в бессарабском вопросе оно не стоит на точке зрения исторических прав по отношению к Бессарабии, унаследованных им от царского правительства. Советское правительство не стремится во что бы то ни стало удержать Бессарабию в составе СССР“.

За этим последовало то предложение, которое окончательно сбило с позиции румынских империалистов и разоблачило их перед лицом всего мира — последовало предложение об опросе самого населения Бессарабии — о плебисците.

„Если бы румынское правительство, — неопровержимо аргументировала наша декларация, — думало, что подавляющее большинство бессарабского населения искренно считает себя румынами и желает вхождения Бессарабии в состав Румынии, румынскому правительству нечего было бы опасаться результатов плебисцита и уклоняться от него“.

Но румынское правительство, конечно, так не думает, оно имеет все основания опасаться плебисцита, и его дипломаты отклонили наше справедливое требование неуклюжей смешной ссылкой на то, что оно „вызвало бы разногласия среди союзников, признавших присоединение Бессарабии к Румынии“. Так усердно Румыния заботится о мире и благодати в лагере союзников! В ответ на повторное предложение тов. Крестинского о плебисците на заседании от 2 апреля румынской делегации осталось только заявить, что ее вовлекли в невыгодную сделку; из обмена мнений в Лозанне у румынских дипломатов составилось, дескать, впечатление, что советское правительство откажется от Бессарабии, а тут — „плебисцит“. В виду позиции советского правительства, говорилось в румынской декларации, румынская делегация считает необходимым „прервать конференцию до того момента, пока советское правительство откажется от своей точки зрения“, другими словами — решительно сорвать попытку советско-румынского соглашения.

Но каков смысл такого исхода конференции? Для какой стороны он представляет дипломатическую победу и для какой — поражение?

Бессарабский вопрос поставлен. Весь мир теперь знает, что это вопрос нерешенный, что Румыния боится дать населению Бессарабии возможность высказаться о том, желает ли оно жить с его румынскими „культуртрегерами“ („носителями культуры“) или мечтает о том, чтобы как можно скорее избавиться от них. Весь мир теперь знает, что творилось и что творится в Бессарабии под властью оккупантов.

Но главное — выдвигая лозунг плебисцита, советская делегация бросила искру воли к свободе в пороховые погреба недовольства угнетенных народностей Бессарабии, Румынии и других стран балканизированной Европы. Этот факт не меняется от того, что плебисцит, т.-е. опрос всего населения, опрос, в котором участвуют и „своя“ буржуазия, эксплуатирующая массы вместе с чужими поработителями, — что этот плебисцит — только урезанный лозунг самоопределения. Ибо в принципе действительное самоопределение нации, это самоопределение — свободное волеизъявление трудящихся, свергающих иго всяких угнетателей. Это есть советская власть, а на территории, населенной несколькими национальностями, — это свободный союз советских республик. Такое самоопределение в Бессарабии в настоящих условиях невозможно. Но румынская „демократия“ вынуждена решительно отмежеваться даже от лозунга формальной демократии — плебисцита. Ибо эта „демократия“ беспощадно угнетает три миллиона венгерцев, украинцев, молдаван, немцев, болгар и т. д., и если бы эти народности пользовались правом плебисцита, то географическая карта Румынии потерпела бы значительные изменения.

Эта дипломатическая пощечина, полученная на Венской конференции, привела в бешенство румынскую реакцию. Она всей силой обрушилась на несчастную Бессарабию и на коммунистов по всей Румынии. Но беснование румынской „сигуранцы“ (охранка), конечно, еще более углубляет пропасть между трудовым населением и захватчиками и еще более ослабляет положение захватчиков в Бессарабии.

Между тем с укреплением международного положения СССР Румынии все труднее делается найти таких союзников, как Польша, которые „гарантировали“ бы ей Бессарабию. Правда, Франция и Англия ратифицировали акт захвата, но от ратификации до „гарантии“, которой добивается Румыния, т.-е. до военной поддержки захвата, если это потребуется, дистанция большого размера, и даже союзницы Румынии по Малой Антанте — Чехословакия и Югославия — отказываются поставить будущее их взаимоотношений с СССР в зависимость от обеспечения Бессарабии за Румынией. Поистине какой-то злой рок преследует боярскую Румынию за бессарабский грабеж. Но в этом, конечно, нет ничего мистического: этот рок — появление на мировой арене хозяина награбленного — выросшего, окрепшего Советского Союза.

Чехословакия.

Политику Чехословакии по отношению к Советской России, как и всю вообще чешскую внешнюю политику, нельзя рассматривать, как самостоятельный фактор. Сколько бы чешские дипломаты с Бенешем во главе ни отрицали этот факт, Прага не смеет делать серьезного шага без согласия Парижа. Об'ясняется это тем, что Чехословакия — дитя версальской системы, охраняемой Францией. Правда, чешская дипломатия часто обнаруживает стремление отделаться от чересчур обременительной опеки Франции, но до сих пор дальше таких „настроений“ дело не пошло.

Этой зависимостью от Франции и об'ясняется тот факт, что Чехословакия до сих пор (июль 1924 г.) не признала Советскую Россию, несмотря на свою экономическую заинтересованность в советском рынке. Чехословакия, к которой отошли наиболее промышленные провинции бывш. Австро-Венгрии, постоянно страдает кризисом перепроизводства, не находящего себе сбыта, и вынуждена искусственно сжимать производство. При таком положении вещей сближение с СССР, конечно, открывает Чехословакии самые широкие перспективы.

Это понимают и чешские правящие круги, и Бенеш не перестает твердить, что он „принципиально“ готов признать СССР. Но „принципы“ Бенеша — одно, а конкретные шаги — совсем другое, так как для того, чтобы сделать определенный шаг, требуется согласие Парижа.

Еще один момент, влиявший на политику Чехословакии — это тесная связь ее правящих кругов с русской эмиграцией — эс-эрами и другими белогвардейцами. В кругах, представляемых президентом Масариком, ориентировались и отчасти все еще ориентируются на „будущую“ демократическую „славянскую Россию“, „апостолами“ которой являются белогвардейские эмигранты. (Слово „апостол“ взято нами из циркулярного письма Бенеша представителям Чехословакии за границей, опубликованного в английском журнале „Форейн Афферс“.)

Всеми этими причинами и об'ясняется политика Чехословакии по отношению к СССР или, вернее говоря, отсутствие определенной политики.

История советско-чешских отношений начинается собственно с печальной памяти авантюры чехословацких легионеров в СССР, ставших слепым орудием в руках Антанты¹⁾. После подавления выступления легионеров советское правительство неоднократно предлагало чешскому правительству мир, но безрезультатно. Пер-

¹⁾ Интересно отметить, что на с'езде б. легионеров в Праге в середине 1923 г. выступление против советской власти было признано „историческим недоразумением“.

вой попыткой установления контакта был обмен делегациями по обмену военнопленными весной 1920 г. К концу 1920 г. работа по репатриации (возвращение домой) пленных закончилась, и естественно стал вопрос о сохранении связи в другой форме, в форме торговых делегаций. Наше правительство предлагает чехословацкому правительству кандидатуру тов. Аралова в качестве главы торговой делегации в Праге; она принимается, но вслед за тем отклоняется под давлением реакционной чешской печати, поднявшей травлю против тов. Аралова, как одного из активных участников борьбы против чехословацких легионеров в 1918 г. Вместо тов. Аралова назначается тов. Мостовенко, а в Москву в августе 1921 г. приезжает глава чешской торговой делегации Гирса.

Одновременно ведутся переговоры о торговом соглашении. Генуэзская конференция дает толчок чешско-советскому сближению, и 5 июня 1922 г. в Праге подписывается выработанный в Генуе временный договор между РСФСР и Чехословакией. Этот договор заключает в себе статьи о взаимном учреждении полномочных представительств, признании их единственными представительствami соответствующих стран, признание правительства РСФСР в Чехословацкой республике в качестве юридического лица в торговой деятельности.

Но вся двойственность и нерешительность политики Чехословакии как нельзя лучше выражается в том, что этот договор, ратификованный (утвержденный) чешским правительством, не получает санкции парламента в течение всего 1923 г. и первой половины 1924 г. Весь этот период отмечается постоянными шатаниями чешского правительства в деле урегулирования отношений с СССР. С одной стороны, заявления о „принципиальной готовности“, а с другой — открытая поддержка русских белогвардейцев, признание представителя... Врангеля, некоего Рафальского, и т. д.

Приход к власти Эррио во Франции вызывает заметный сдвиг в Чехословакии в пользу признания СССР. Заявления Бенеша как будто становятся более определенными. Но проволочки и нерешительность Эррио в деле признания СССР в первые месяцы его прихода к власти сейчас же отражаются на политике Чехословакии, и она опять начинает качаться, как маятник, между Парижем и Москвой.

В июле в связи с пражской конференцией Малой Антанты, обсуждавшей и „русский вопрос“, Бенеш в беседе с представителями печати заявляет: „Я являюсь сторонником признания СССР, но выжидаю момента, благоприятного с точки зрения Чехословакии и будущих чешско-советских добрых отношений (?). Поэтому я сохраняю в этом вопросе свободу действий и не предрешаю срока, который составит возможно 3 дня, возможно год“.

Что Бенеш не может предрешить срока, это не удивительно. Прага предполагает, а Париж располагает.

Югославия.

Политика Югославии¹⁾ по отношению к СССР, так же как политика Чехословакии, определяется зависимостью от „высокой покровительницы“ — Франции. Влияние русских белогвардейцев в Югославии еще сильнее, чем в Чехословакии. Здесь штаб-квартира „самого“ Врангеля и его военной организации, к которой югославское правительство относится весьма благосклонно, как к контр-революционной силе, которая может пригодиться в борьбе с „внутренним врагом“. Следует иметь в виду, что в Югославии, начиная с 1921 г., когда был проведен кровавый „закон о защите государства“, свирепствует режим белого террора, и это, конечно, также отражается на политике правительства по отношению к СССР.

Хотя мы не особенно заинтересованы в урегулировании отношений с маленькой Югославией, наше правительство, исходя из общей мирной политики, неоднократно делало попытки в этом направлении. Еще 10 декабря 1920 г. Наркоминдел, протестуя против оказания приюта остаткам вооруженных сил Врангеля в Югославии, одновременно предлагает югославскому правительству установить дипломатические отношения. На это предложение югославские дипломаты не сочли нужным ответить. Такая же политика слепого игнорирования продолжалась и в последующие годы. Только в 1923 г., в связи с ростом международного престижа СССР, в югославских правящих кругах возникает течение за признание СССР, во главе которого стоит министр иностранных дел Нинчич. Югославские послы в разных столицах, в частности в Праге, Вене и Берлине, дают понять нашим представителям о готовности к переговорам с СССР. Но, очевидно, вследствие саботажа премьера Пашича благие порывы Нинчича и представителей его министерства за границей не осуществились.

В декабре 1923 г. Наркоминдел обращается к югославскому правительству с нотой протеста против предполагавшейся покупки последним имущества бывшей петроградской ссудной казны, увезенного Врангелем. Нинчич в своем ответе отрицает намерение вступить в такую сделку с Врангелем, заявляя, что он остается „нейтральным“ в споре между Врангелем и советским правительством. Наркоминдел, конечно, отклонил попытку представить правительство СССР и авантюриста Врангеля двумя равноправными сторонами и настаивал на принадлежности украденного Врангелем имущества законному правительству СССР.

12 июля 1924 г. в Праге открывается конференция Малой Антанты, которая в „русском вопросе“ становится на точку зре-

¹⁾ Иначе КСХС (королевство сербов, хорватов, словенцев). Югославия создана „Версальской системой“ из довоенной Сербии и из южно-славянских частей бывшей Австро-Венгрии (Босния и Герцеговина, Хорватия, Далмация).

ния свободы действия отдельных держав Малой Антанты. В связи с этой конференцией Пинчич в беседе с пражским корреспондентом Роста заявляет, что он лично и большинство Югославии являются сторонниками признания советского правительства де юре, но в виду того, что „имеются противники, запуганные террористической деятельностью югославских коммунистов и пропагандой Коминтерна, не следует форсировать событий“.

В связи с этим откровенным признанием, что большинство в Югославии стремится к установлению дружбы с СССР, интересно отметить приезд в Москву в июне виднейшего лидера хорватского крестьянства и оппозиции правительству Пашича, Степана Радича, заявившего себя сторонником российской революции и самой тесной дружбы с СССР.

В июле в Югославии происходит очередной кризис кабинета. Престарелый реакционер Пашич уходит в отставку и формирование нового правительства поручается лидеру демократов Давидовичу, человеку либеральных убеждений. Министром иностранных дел назначается Маринкович, сторонник сближения с СССР. Возможно, что эта смена кабинета ускорит процесс сближения между Югославией и СССР. Но, как уже указывалось выше, решающим для Белграда является решение Кэ д'Орсей¹⁾.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ СТРАНЫ.

Политика СССР по отношению к прибалтийским странам, образовавшимся на территории бывшей Российской империи, руководствуется принципом самоопределения народов, признания и уважения их государственной независимости. Эта линия проводится советским правительством в строго выдержанном духе. Между тем политика этих государств отличается двойственностью. С одной стороны, их буржуазия сознает свою исключительную заинтересованность в тесных экономических отношениях с великим соседом и отдает себе отчет в том, что только революционная Советская Россия является гарантией их самостоятельности, но, с другой стороны, эту буржуазию постоянно преследует призрак большевизма с Востока. Поэтому их политическая линия по отношению к СССР отличается постоянными колебаниями и зигзагами. Это отражается также на их взаимоотношениях с Польшей, которая все время пытается перетянуть их на свою сторону и стать во главе румынско-польско-прибалтийского блока против СССР. И тут мы видим, что прибалтийские государства участвуют в периодических конференциях вместе с Польшей, идут на те или иные соглашения с ней, но все же отказываются от вступления в формальный союз. Они боятся вступлением в такой союз обострить свои отношения с СССР и в то же время усилить позицию далеко не безопасного для них польского империализма.

¹⁾ Набережная в Париже, где помещается министерство иностранных дел.

Эстония.

Эстонской буржуазии удалось удержать свою власть против революционного эстонского пролетариата, боровшегося за советскую власть плечом к плечу с российским пролетариатом, только благодаря германским и финским штыкам и английской амунции. Во время авантюры Юденича маленькая белая Эстония также внесла свою лепту в дело интервенции, но как только Юденич провалился, эстонское правительство нашло в себе достаточно благоразумия и смелости, чтобы первым из всех буржуазных правительств пойти на мир с Советской Россией. Мир был заключен 2 февраля 1920 г. в Юрьеве. После этого советско-эстонские отношения стали постепенно налаживаться, хотя эстонское правительство часто портило их, пытаясь оказывать дипломатическую поддержку Финляндии в связи с карельским вопросом.

В Эстонии был даже организован белогвардейский „Комитет помощи Карелии“, против чего Н.К.И.Д. 31 декабря 1921 г. заявил протест. В мае 1923 г. состоялась советско-эстонская железнодорожная конференция, внесшая улучшение в дело транзита, занимающего особое место в советско-эстонских отношениях. Был также подготовлен проект торгового договора.

От поры до времени возникают инциденты на почве политической. 3 мая 1922 г. был казнен в Ревеле эстонский коммунист, чл. ВЦИК, т. Кингиссеп, что вызвало возмущение среди трудящихся СССР. Советское правительство потребовало выдачи тела пролетарского борца, на что эстонское правительство ответило отказом. А когда т. Зиновьев, как представитель РКП и Коминтерна, выступил в Большом театре с речью, в которой он клеймил эстонских палачей, эстонское правительство заявило по этому поводу протест. Оно также протестовало против переименования пограничного с Эстонией г. Ямбурга в г. Кингиссеп. Очевидно, такого рода символика, когда на одной стороне границы переименованием города чествуют память революционного вождя, казненного на другой стороне, не особенно приходится по духу эстонской буржуазии... (Кстати сказать, польское правительство как-то протестовало против того, что на наших вагонах, переходящих польскую границу, имеются надписи: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“) Эти мелкие инциденты весьма характерны для наших взаимоотношений с буржуазными соседями.

Латвия.

3 января 1919 г. Латвия была провозглашена советской республикой. 22 мая того же года красная Рига пала под ударами эстонских и германских белогвардейцев, и на трупах 10.000 рабочих и крестьян создается „демократическая“ Латвия. 11 августа 1920 г. был заключен советско-латвийский мирный

договор. Но оказывая поддержку Врангелю, кронштадтским мятежникам, эс-эровскому „административному центру“ и др. русским белоохранителям, латвийское правительство препятствовало установлению советско-латвийских добрососедских отношений. Белый террор, свирепствовавший в Латвии, тоже, конечно, не мог содействовать улучшению этих отношений. В августе 1922 г. на этой почве происходит конфликт, напоминающий конфликт с Эстонией по делу Кингиссепы. 7 августа в Латвии был повешен коммунист Пуриш-Упман, подлежащий обмену на латвийских граждан, арестованных в Москве. Следует протест советского правительства, а с другой стороны — требование латвийского правительства закрыть латвийский коммунистический клуб в Москве за митинг протеста против казни тов. Пурина (!). Происходят также трения на почве недопустимых инсинуаций в латвийской печати по адресу нашего представительства, различных злоупотреблений должностных лиц латвийской миссии в Москве, спекуляции латвийского Красного Креста в СССР и т. д.

В 1923 г. отношения несколько улучшаются. Вырабатываются соглашения о транзите, лесной концессии, возвращении железнодорожного состава и т. д. Это улучшение объясняется улучшением отношений между СССР и крупными державами, которым, как и др. малые государства, подражает Латвия.

Литва.

Так же как и в других прибалтийских странах, буржуазия Литвы обязана своей властью над пролетариатом и крестьянством германским оккупантам.

Во взаимоотношениях с СССР Литва находится на особом положении среди окраинных государств. В виду непримиримой тяжбы с Польшей из-за захваченной поляками древней столицы Литвы — Вильно, Литва заинтересована в поддержке со стороны СССР. Независимость Литвы была признана СССР в мирном договоре от 12 июня 1920 года в Москве.

После этого советско-литовские отношения развивались благоприятно. Это между прочим проявилось и в особой позиции Литвы на Московской конференции по сокращению вооружений в декабре 1922 г. В 1923 г. в связи с предварительным соглашением Литвы с державами по вопросу о Мемеле тов. Чичерин в ноте от 3 декабря указывает литовскому правительству, что всякое решение по мемельскому вопросу без участия союзного правительства будет считаться враждебным актом по отношению к СССР, так как не даст гарантий свободного сплава по Неману. То же подтверждается в нотах тов. Чичерина в начале 1924 года. Вопрос о транзите по Неману, пересекающему территорию Литвы, имеет для нас весьма важное значение, и союзное правительство еще в 1922 г. поставило этот вопрос перед литовским правитель-

ством, но принципиальное согласие последнего на свободный сплав нашего леса было получено только летом 1923 года.

В заключение следует отметить, что в Литве имеются политические группировки польской ориентации, отрицательное влияние которых иногда дает себя чувствовать на литовско-советских отношениях.

Финляндия.

Финляндия, которая с 1809 г. составляла часть Российской империи, объявила свою независимость, как буржуазно-демократическая республика, 6 декабря 1917 г. В конце января 1918 г. финский пролетариат берется за оружие с целью провозглашения советской власти. Но с помощью германских войск и шведских белогвардейцев финской буржуазии удается подавить восстание и посредством зверского белого террора укрепиться во власти. 14 октября 1920 г. в Юрьеве после систематических враждебных актов против советской республики со стороны Финляндии был, наконец, заключен советско-финляндский мирный договор.

Но договор этот не установил действительно добрососедских отношений между обеими странами. Это объясняется (помимо общей враждебности финской буржуазии, как и всякой другой, к Советскому Союзу) ее притязаниями на Восточную Карелию. Активная поддержка финскими властями карельских белогвардейских организаций на территории Финляндии и систематические набеги последних на Восточную Карелию и после Юрьевского мира служили постоянным поводом для серьезных конфликтов с СССР. В конце 1921 г. эти набеги приняли такой опасный характер, что потребовалось серьезное вмешательство Красной армии для их ликвидации. Это вмешательство оказалось убедительным дипломатическим аргументом, и финское правительство взяло более мирный курс. (От поры до времени банды со стороны финской границы все же продолжали вторгаться в Восточную Карелию.)

30 октября 1922 г. закончила свои работы Центральная Русско-Финляндская Смешанная Комиссия по проведению мирного договора, выработавшая 12 конвенций (неприкосновенность границ, транзитная, железнодорожная и почтово-телеграфная конвенция, соглашение о рыбной ловле и т. д.), содействовавших восстановлению нормальных сношений между обеими странами. В 1923 г. Финляндия повторно поднимает „карельский вопрос“, пытаясь привлечь на свою сторону Лигу Наций и Гаагский международный трибунал. Но считаясь с позицией советского правительства, эти инстанции благоразумно уклоняются от вмешательства во внутренние дела СССР. Очевидно, эта неудача финского правительства вызывает усиление активности карельских белогвардейцев. 23 сентября 1923 г. вблизи финской границы от их руки падают члены пограничной комиссии гг. Лавров и Лежнев. Смешанная

следственная комиссия, созданная в результате категорических требований советского правительства, закончившая свои работы в начале 1924 г., установила, что убийцы пользовались поддержкой финских пограничных властей.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на все эти постоянные акты враждебности со стороны Финляндии, финский сейм в 1922 году отказался ратифицировать варшавское соглашение с Польшей, по существу направленное против СССР, и на балтийской конференции в Варшаве 16—17 февраля 1924 г. финский министр иностранных дел Энкель также выступил против попыток Польши возобновить это соглашение. Какая из этих двух тенденций в правящих сферах Финляндии окажется сильнее, покажет будущее.

Во всяком случае прошлое наших взаимоотношений с нашей северной соседкой заставляет внимательно следить за этой границей, упирающейся в Ленинград.

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ.

Ш в е ц и я.

Политика скандинавских государств по отношению к СССР, как государств слабых, определяется не столько их интересами, сколько влиянием крупных держав. Если бы не давление со стороны последних, советско-скандинавские отношения развивались бы значительно нормальнее, ибо обе стороны имеют много общих экономических интересов, значение которых усугубляется географической близостью. (Так, напр., Швеция и Норвегия заинтересованы в нашем хлебе, а мы — в продуктах шведской промышленности, в норвежской рыбе и т. д.) Еще летом 1920 г. между СССР и Швецией заключается соглашение „в целях достижения торговых отношений“. В феврале 1921 г. в Швецию прибывает советская делегация во главе с т. Керженцевым, которая признается только делегацией Центросоюза. Целый год тянутся переговоры, и, наконец, 1-го марта 1922 г. подписывается временный договор. Но правые поднимают ожесточенную кампанию против договора, который, мол, даст шведским гражданам меньше прав, чем того добьются для своих граждан другие правительства на Генуэзской конференции.

В начале 1923 г. делается попытка возобновить переговоры, но вследствие смены кабинета с.-д. Брантинга консервативным кабинетом Трюгера попытка не дает никаких результатов. С целью давления на шведское правительство советское правительство принимает решение прекратить помещение заказов в Швеции. Эта мера оказывает должное воздействие. Сдвиг в Швеции выступает особенно рельефно в конце октября, когда министр иностранных дел Хедершерна выступает с заявлением о необходимости швед-

ско-финляндского „оборонительного“ союза против СССР. За этот выпад Хедершерна платится своим портфелем.

После этой отставки в атмосфере все возрастающего внутреннего и внешнего укрепления СССР открываются новые переговоры (т. Осинский — г. Левгрена), которые заканчиваются 15 марта 1924 г. подписанием советско-шведского договора на основе признания СССР де юре.

Норвегия.

Благоприятнее, чем с Швецией, развивались наши отношения с Норвегией. 2-го сентября 1921 г. был подписан договор, на основании которого представительство советского правительства в Норвегии признается единственным представительством России. В первое время у нас происходят трения с Норвегией по вопросу о ширине нашей прибрежной зоны, где иностранным судам воспрещается рыбная ловля. Но договор норвежского консорциума Винге с Главрыбой и соглашение насчет зверобойной концессии лишают вопрос его остроты. Вызывает также разногласия вопрос о Шницбергене, суверенитет над которым был признан за Норвегией Парижской конвенцией 9 февраля 1920 г. В этой конвенции СССР не принимал участия, и в радио от 19 февраля и 7 мая 1920 г. советское правительство отказалось признать это решение. Стремление урегулировать этот вопрос еще более усилило в Норвегии тенденцию к полному соглашению с советским правительством, на которую особенно заметно влияла норвежская компартия. 13 февраля 1924 г., вслед за признанием нас Англией и Италией, Норвегия признает СССР де юре. Одновременно подписывается торговый договор и соглашение насчет признания Шницбергена за Норвегией.

Дания.

Фактическая зависимость маленькой Дании от крупных держав долго препятствовала урегулированию советско-датских отношений. Во время пребывания тов. Литвинова в Копенгагене, в начале 1920 г., датское правительство уклонялось от торговых переговоров. Предварительное соглашение с Данией на основе признания советского правительства де факто было подписано 23 апреля 1923 г. и после внутренней борьбы в датских законодательных органах, наконец, ратификовано королем 8 июня того же года.

Как исторический курьез, интересно отметить, что некоторое отрицательное влияние на установление нормальных отношений между маленькой Данией и ее великим восточным соседом имели родственные связи между датским королевским двором и Романовыми. Во время дебатов о ратификации соглашения с СССР один почтенный консервативный парламентарий с большим пафосом доказывал, что „безразлично“ заключать договор с советским правительством, которое повинно в казни сына и внуков „благочестивой“ импера-

трицы Марии Федоровны, б. датской принцессы Дагмары. Но эти династические соображения не помешали естественному ходу развития советско-датских отношений. Не помогла и бешеная агитация ярого большевикоеда б. датского министра иностранных дел Скавениуса. Заинтересованность Дании в советском хлебе и вывозе сельскохозяйственных машин в СССР преодолела верноподданнические чувства консерваторов к августейшим принцессам. Следуя примеру Англии, Италии и скандинавских соседей, Дания, наконец, 18 июня 1924 г. тоже признала СССР де юре. К тому времени датско-советские торговые отношения уже значительно укрепились. В 1923/4 году в Данию было ввезено из СССР 18 миллионов пудов хлебофуражных продуктов, — для маленькой Дании, до сих пор ввозившей хлеб из Америки, Румынии и др. стран, цифра весьма значительная. В то же время были закуплены для СССР датские промышленные изделия на относительно солидные суммы.

Возобновление дипломатических отношений между обеими странами еще более укрепит эти экономические отношения.

А в с т р и я.

К послевоенной Австрии, отданной на милость версальских миротворцев и фактически превращенной в колонию генерального комиссара Лиги Наций, нельзя подходить, как к государству с самостоятельной внешней политикой. Этим и объясняется тот факт, что, несмотря на свою политическую и экономическую заинтересованность в дружбе с СССР, как с противником Версаля и рынком сбыта для высоко-развитой, но искусственно лишенной базы австрийской промышленности, австро-советские отношения развивались урывками, медленно и с перебоями.

Первый контакт с Австрией происходит в 1920 г. путем взаимного назначения уполномоченных по обмену военнопленными. Переговоры о торговом договоре тянутся долго вследствие давления на Австрию со стороны союзников. Только после заключения нами соглашения с Англией Австрия решилась подписать с нами предварительный договор (18 декабря 1921 г.).

В дальнейшем, однако, развитие отношений подвигалось вперед весьма туго — вследствие давления извне и реакционности „христианско-социалистического“ правительства. Дело, напр., доходило до того, что целыми месяцами тянулись переговоры о передаче нашему полпредству дома старого русского посольства. Предпринятые нашим правительством в 1923 г. попытки побудить Австрию к подписанию с нами договора по типу рапальского (советско-германского) тоже не дали результатов. Но как только две великих державы, Англия и Италия, признала СССР, Австрия не замедлила урегулировать свои отношения с СССР путем признания совправительства де юре (20 февраля 1924 г.) и полного восстановления дипломатических сношений.

Болгария.

Реальные интересы Болгарии, как страны, ставшей жертвой „Версальской системы“, требуют дружеских отношений с СССР, единственной крупной силой в международном масштабе, борющейся против этой грабительской системы. Это понимал премьер Стамболийский, накануне своего падения и смерти делавший шаги, робкие, правда, в сторону сближения с СССР. Но Стамболийский, как представитель кулачества, с одной стороны, боялся проникновения большевизма со стороны СССР, а с другой — опасался навлечь на себя гнев союзников.

Помимо того, упорядочению наших отношений с Болгарией мешали прочно засевшие там белогвардейцы. Но если политика Стамболийского не отличалась особым дружелюбием, то с его свержением болгарскими реакционерами во главе с Цанковым политика Болгарии по отношению к СССР стала просто возмутительной. В дни переворота (июнь 1923 г.), в котором особенно отличились русские белогвардейцы, наша миссия по репатриации во главе с уполномоченным Красного Креста т. Шелепугиным стала мишенью для нападков неистовствовавшей реакции. Сам т. Шелепугин был арестован и после своего освобождения убит из-за угла. (Еще при Стамболийском 3 ноября 1922 г. был убит врангельцами казачий деятель, стоявший на советской платформе — Агеев; убийцы впоследствии были освобождены судом правительства Цанкова.) Одновременно с убийством т. Шелепугина произошел целый ряд массовых арестов советских граждан, членов „Союза возвращения на родину“. Наше правительство немедленно распорядилось об отзыве миссии Красного Креста. При отъезде члены миссии подверглись аресту и обыску в самой возмутительной обстановке. Вместе с членами миссии болгарские власти погрузили на пароход еще 100 человек, не имевших никаких виз от советского правительства. Эта тактика насильственной отправки советских граждан без согласования с советским правительством продолжалась и впоследствии.

В ответ на все эти наглые выпады т. Чичерин 9 августа отправил болгарскому правительству энергичную ноту протеста, в которой требовал полного удовлетворения за все безобразия. Болгарский министр иностранных дел Калфов в своем ответе доводами, не выдерживающими никакой критики, пытался оправдать линию поведения болгарского правительства и выступил с провокационным утверждением, что наша миссия якобы вмешивалась во внутренние дела Болгарии.

После всех этих событий наши отношения с болгарским правительством находятся на мертвой точке. Неудавшееся революционное восстание в сентябре 1923 г. против фашистского правительства Цанкова вызвало новый прилив бешеного террора и черной реакции, что еще более отодвинуло болгарско-советское сближение.

Греция.

Отношения между СССР и Грецией носили отрывочный характер. Обострение отношений последовало в 1922 г., когда Греция в качестве вассала Англии воевала против Турции и между прочим хозяйничала на Черном море, причиняя вред нашим судам. В июле 1922 г. наше правительство вынуждено было по этому поводу заявить протест Греции и державам.

После окончания греко-турецкой войны наши отношения с Грецией улучшились. Учитывая значение признания СССР Англией и Италией, Греция 8 марта 1924 г. признала СССР де юре.

Швейцария.

Наши „отношения“ с Швейцарией со времени высылки советского представительства т. Берзина в 1918 г. всецело исчерпываются острым конфликтом по поводу подлого убийства тов. Воровского на швейцарской территории при неслыханно-возмутительном попустительстве швейцарских властей (10 мая 1923 г.). В ноте от 16 мая тов. Чичерин, указывая на глубокое негодование, охватившее все слои населения СССР по поводу злодеяния, требует, чтобы швейцарским правительством были „точно соблюдены все те, вытекающие из международных отношений, обязанности, которые возникают в случае столь важных и наносящих ущерб целой стране преступлений“, и чтобы советскому правительству было дано полное и исчерпывающее удовлетворение. На эту ноту последовал возмутительнейший ответ швейцарского правительства, в котором оно не только оправдывает свое неслыханное поведение, но еще подкрепляет свое моральное соучастие в преступлении, заявляя в тоне сочувствия, что убийца Конради „хотел отомстить за жестокие мучения, причиненные в России его семье“. Указывая далее на национализацию имущества швейцарских граждан в России, правительство швейцарских капиталистов писало, что оно, дескать, „имеет право требовать от советского правительства возмещения за неслыханные акты насилия и грабежа“ и не обязано давать никому никаких других удовлетворений, кроме тех, которые „диктуются ему обязанностью наблюдать за беспристрастным применением действующих в стране законов“.

В ответ на этот гнусный документ советское правительство 20 июня вынесло постановление об объявлении бойкота Швейцарии.

„Беспристрастное применение законов“, возведенное в ноте швейцарского правительства, выразилось в том, что суд освободил убийцу, который на самом процессе заявил, что готов к дальнейшим убийствам советских представителей. (Лицемерная видимость „правосудия“ была соблюдена вынесением обвинительного

приговора меньше чем $\frac{2}{3}$ голосов, требуемых для применения наказания.) Это новое издевательство вызвало с нашей стороны обострение бойкота и высылку швейцарских граждан, кроме трудящихся и старожил.

В начале 1924 года под влиянием признания советского правительства Англией и Италией в швейцарских политических кругах замечается протрезвление, и в печати все чаще начинают раздаваться голоса за необходимость ликвидации конфликта с СССР.

Отвечая за запрос социал-демократа Губера в швейцарском национальном совете 19 июня, премьер Мотта выражает готовность возобновить сношения с СССР, когда будет прекращен бойкот. Далее премьер, признавая экономическую заинтересованность Швейцарии в сближении с СССР, заявил, что „честь и достоинство“ Швейцарии не позволяют ей сделать первый шаг.

Можно, однако, полагать, что швейцарский капитал, еще до войны заинтересованный в промышленности СССР и в русском хлебе, под давлением все растущего международного значения СССР вскоре выработает себе более реальные и практичные понятия о капиталистической „чести“ и капиталистическом „достоинстве“.

Т у р ц и я .

Новая Турция создавалась на развалинах старой в тяжелой борьбе с союзническим империализмом и продиктованным турецкому народу грабительским Севрским договором. Перед своим разгоном Антантой (28 января 1920 г.) константинопольский парламент принял так наз. „национальный обет“, возвестивший борьбу с насильниками за самостоятельную новую возрожденную Турцию.

С целью создать себе более благоприятную обстановку для собирания сил националисты, во главе которых стал талантливый генерал Мустафа-Кемаль-паша, избрали своим опорным пунктом Ангору, расположенную в центре Малой Азии, подальше от непосредственной досягаемости союзных империалистов, и здесь созвали Великое Национальное Собрание Турции,—учредительное собрание возрождающейся страны.

Эта обстановка возникновения новой Турции уже предопределяла ее взаимоотношения с Советской Россией. Турецкие националисты сразу поняли, что в лице советских республик они имеют союзника против общего врага — империализма Антанты. Еще 26 апреля 1920 г. Мустафа-Кемаль-паша от имени правительства Великого Национального Собрания Турции обратился к советскому правительству с письмом, в котором он предлагал установить единый фронт в борьбе против общих врагов Турции и советских республик. Одновременно в Москву прибыл для установления контакта прославившийся в войне с англичанами турецкий полководец Халил-паша.

В письме от 3 июня 1920 г. на имя Мустафы-Кемаля наркоминдел тов. Чичерин приветствует провозглашение полной независимости новой Турции в границах, охватывающих бесспорно-турецкие земли, и на основе права самоопределения национальных меньшинств. Советское правительство предложило немедленно установить дипломатические сношения между обеими странами и из'явило готовность взять на себя посредничество в переговорах по установлению границ между Турцией, с одной стороны, Арменией — у власти в Армении тогда были соглашатели дашнаки — и Персией, с другой стороны.

Так завязались отношения между советской федерацией и новой Турцией, ставшей на путь буржуазно-демократической ¹⁾ революции и борьбы за национальное освобождение от ига империалистических держав. Но для того, чтобы уяснить себе смысл дальнейшего развития этих отношений, нужно глубже вникнуть в их сущность.

Со стороны советских республик мы видим ясную выдержанную политику: полная поддержка борьбы новой Турции за оформление и закрепление своей независимости в борьбе с жадным империализмом так называемых великих держав. Такая политика диктуется нашей реальной заинтересованностью в освободительном движении всего Востока, направленном против общего врага угнетенных восточных народов и народов советских республик. Она диктуется всей советской внешней и внутренней политикой, построенной на началах действительного самоопределения народов.

Со стороны же Турции дело несколько сложнее. С одной стороны, турецкая дипломатия отдает себе ясный отчет в том, что Советский Союз — надежный друг Турции в ее борьбе с общим для нее и Советского Союза врагом. Но, с другой стороны, эта дипломатия, конечно, отражает характер турецкой революции. Эта, как уже указывалось, буржуазная революция нанесла решительный удар полуфеодальному укладу с его султанатом и вывела страну на путь капиталистического развития и создания национальной буржуазии. При чем это развитие намечается с помощью „мирного проникновения“ капитала империалистических держав, оказавшихся вынужденными перейти к более мягким методам расширения своих „сфер влияния“. Нарождающаяся турецкая буржуазия, как всякая буржуазия, боится большевизма; как всякая буржуазия, она не в состоянии разрешить национальный вопрос (армянский, напр.) и проявляет империалистические поползновения. Правда, буржуазия в экономически отсталой Турции пока еще не сложилась, как вполне оформленный класс, но не подлежит сомнению, что правящая турецкая народ-

¹⁾ Термин „демократический“ будет часто употребляться и в дальнейшем; следует иметь в виду, что, в отличие от стран развитого капитализма, в восточных отсталых полукapиталистических странах буржуазно-демократические формы являются прогрессивными.

ная партия, партия Кемалья, отражает и предвосхищает интересы нарождающейся буржуазии. И не удивительно, что в правящих политических кругах Турции имеется течение за компромисс с иностранным капиталом, по существу направленный против большевистского СССР. Представителями такого течения являются те реакционные бюрократические элементы, которые еще не порвали связей со старым режимом и почти открыто выступают против республиканского режима и новых веяний, из которых логически вытекает ориентация в сторону СССР (к ним между прочим относятся Али-Фуад-паша и Кязим-Карабекир-паша, о которых речь будет впереди, и б. премьер Реуф-бей). Все это необходимо учесть с тем, чтобы была понятнее та зигзагообразность в истории дальнейшего развития наших взаимоотношений с Турцией, к описанию которых мы и переходим.

Предложение тов. Чичерина от 3 июня 1920 г. насчет переговоров и посредничества между Турцией и Арменией было принято ангорским правительством. Вскоре в Москву прибыла турецкая делегация во главе с народным комиссаром иностранных дел Бекир-Сами-беем (в делегации также участвовал турецкий коммунист д-р Фуад-Сабит). Состоялась конференция, которая выработала проект советско-турецкого договора. Но все попытки советского правительства привести к турецко-армянскому соглашению не дали никаких результатов. Более того, Бекир-Сами по возвращении на родину пытался извратить позицию т. Чичерина в этом вопросе, покоившуюся на принципе самоопределения национальностей, и настроить общественное мнение Турции против СССР.

Между тем турки взялись за оружие, чтобы разрешить свой спор с Арменией. Войска Кязима-Карабекира-паши без труда опрокинули отряды дашнакского правительства, не имевшего корней в народе. Вторичное предложение посредничества со стороны советского правительства теперь уже было отвергнуто Турцией. Отклонили посредничество и дашнаки, которые все еще надеялись на помощь покровительницы — Антанты. Между тем поражение дашнаков привело к провозглашению советской власти в Армении. Тогда дашнаки, завершая свою предательскую политическую карьеру, предпочли заключить с турками кабальный договор, фактически признававший протекторат Турции над Арменией (Александропольский мир 2 декабря 1920 г.).

Этот договор не был признан правительствами РСФСР и Советской Арменией, и вопрос был урегулирован только впоследствии московским русско-турецким договором 16 марта 1921 г. Этот договор закрепляет дружбу между обеими странами, признает право восточных народов на самоопределение, признает турецкий „национальный обет“ от 28 января 1920 г., аннулирует режим капитуляций (особые привилегии для иностранцев) и все исключительные „права“ царской России в старой Турции, признает за Турцией Карс, Ардаган и Артвин, устанавливает автономию Батума с беспопынным транзитом турец-

ких товаров и предусматривает дальнейшее развитие дипломатических и торговых отношений между советскими республиками и Турцией. Что касается вопроса о проливах, то он передается на рассмотрение стран черноморского побережья.

Характерно отметить, что одновременно с переговорами в Москве ангорское правительство ведет переговоры в Лондоне, где оно делает попытку столкнуться с западным империализмом. Но империалисты все еще не хотят отказаться от Севрского договора, и попытка кончается неудачей.

Проведение в жизнь московского договора проходит не без трений. Несмотря на то, что этот договор по существу отменяет александропольский, турецкое правительство все еще настаивало на действительности последнего, пока не заключен новый договор с Арменией, и отказывалось выводить свои войска из александропольского района. Но в результате повторных требований советского правительства войска были эвакуированы. Далее ангорское правительство отказывалось от заключения договора с объединенной Кавказской федерацией советских республик, настаивая на сепаратных переговорах с каждой из республик. Однако после дипломатической переписки ангорское правительство соглашается на созыв конференции, и 13 октября 1921 г. при участии представителя СССР тов. Ганецкого в Карсе подписывается общий договор Турции с кавказскими советскими республиками.

Следует еще особо отметить натянутость отношений, создавшуюся в середине 1921 г. между советским и ангорским правительствами в связи с жестокой кампанией репрессий против турецких коммунистов. Эта кампания, помимо внутренне-политических причин, связанных с ростом турецкой буржуазии, о которых говорилось выше, без сомнения, имела и внешне политическую подкладку. Она была проявлением тех тенденций в турецких правящих кругах, которые, равняясь по капиталистическому Западу, хотят гонениями против „агентов Москвы“ — турецких коммунистов — продемонстрировать свою антисоветскую западническую ориентацию.

Советское правительство сочло нужным реагировать на эти тенденции. В нотах от 13 и 15 июня Наркоминдел указал ангорскому правительству, что кампания против турецких коммунистов, в частности снисходительное отношение турецких властей к виновникам убийства коммуниста Мустафы-Субхи и арест делегата на III конгрессе Коминтерна Фуада-Сабита (того самого, который еще недавно участвовал в турецкой официальной делегации), — все это производит тяжелое впечатление на трудящихся СССР и других стран и таким образом подрывает симпатии трудящихся к борьбе турецкого правительства с западным империализмом. В своем ответе ангорское правительство оправдывало арест Фуада-Сабита служебными проступками и сообщало о предании суду виновных в попустительстве при убийстве Мустафы-Субхи. Наконец, 29 сентября арестованные коммунисты были освобождены.

Следующий, 1922 год был отмечен, с одной стороны, подписанием украинно-турецкого договора (2 января), поддержкой советским правительством турецкого правительства в его борьбе с вассалом западного империализма — Грецией, а с другой стороны, открытием Лозаннской конференции, означающей новый более сложный этап в советско-турецких отношениях.

Ход и значение Лозаннской конференции изложены выше в особой главе. Здесь мы только подчеркнем ее основной смысл с точки зрения советско-турецких отношений. Со стороны крупных империалистических держав Лозаннский договор означает признание победы молодой Турции и отказ от Севрского договора, поставившего крест над турецкой независимостью. Но в то же время он означает начало эпохи „мирного проникновения“ иностранного капитала в Турцию, „приручения“ турецкого национализма и попытки вогнать клин между ним и Москвой и, более того, активно использовать его против СССР. Со стороны Турции Лозаннский договор не означает, конечно, отказа от дальнейшей борьбы с западным империализмом и от дружбы с врагом этого империализма — СССР. Но он означает стремление получить длительную передышку, привлечь иностранный капитал для восстановления и укрепления хозяйства, а косвенно и военной мощи Турции, и развить отечественный капитализм. Все это, конечно, вводит новые осложняющие моменты в турецко-советские отношения.

Отсюда — колебания и зигзаги в турецкой политике в 1923 г. и первой половине 1924 г. С одной стороны, мы видим дальнейшее расширение политических и экономических связей, а с другой — трения, а иногда конфликты по разным вопросам.

17 февраля 1923 г. в Смирне собрался турецкий экономический конгресс. Полпред РСФСР тов. Аралов и полномочный представитель Закавказья тов. Абилов были приглашены на конгресс, где в связи с их присутствием устраивались самые теплые демонстрации сочувствия Советской России, которые приобретали особый характер в виду того, что, кроме наших дипломатических представителей, других на конгрессе не было.

Далее следует отметить признание турецким правительством нашего атташе в Константинополе в качестве полуофициального представителя, прием в Константинополе репатриационной комиссии под председательством тов. Потемкина и заключение турецко-закавказской почтово-телеграфной конвенции.

Характер нашего отношения к Турции в отличие от отношения империалистических держав отчетливо проявился в связи с крупными демократическими реформами, проведенными в Турции в 1923—24 г., — провозглашением республики и уничтожением халифата. В приветственных телеграммах тт. Калинина и Чичерина на имя президента вновь объявленной республики Мустафы-Кемаль-паши и председателя совета комиссаров Исмета-паши выражались самые искренние поздравления по поводу демократизации государственного строя Турции и подчеркивались те интересы, которые

объединяют народы советских республик и турецкий народ. А когда было объявлено уничтожение халифата, можно было наблюдать такую поучительную картину: „социалистическое“ правительство Макдональда дружественно помогало своему ставленнику в Аравии шейху Гуссейну восстановить архи-реакционный институт халифата, а английская „демократическая“ печать, вдруг преисполнившись заботами о благоуспейнии Турции, выражала сожаление, что ангорское правительство, уничтожая халифат, ослабляет, мол, свою позицию в мусульманском мире. И только советская печать искренно приветствовала объективно-революционный, хотя недостаточно решительный шаг Турции по пути освобождения от оков средневековья.

Однако, параллельно со всем этим, в силу вышеуказанных причин мы видим и явления другого порядка. Так, напр., в 1923 г. переговоры о торговом договоре не только не дают положительных результатов, но одно время приводят к серьезному конфликту и запрещению ввоза наших товаров в Турцию. Конфликт возник на почве отказа турецкого правительства сделать логические выводы из факта существования нашей внешней торговли, в силу которой советское правительство выступает в качестве монополиста продавца и покупателя. Эта тактика турецкого правительства отчасти объясняется тем, что его преследуют призраки „капитуляций“ — этого старого проклятия турецкого народа; оно боится, как бы признание прав советских торговых представительств не послужило поводом для капиталистических правительств требовать особых привилегий для их граждан. Считаясь с этими особыми условиями на Востоке, советское правительство выразило готовность сделать Турции такие льготы, каких оно не делает западным державам. Это способствовало снятию упомянутого запрета турецкого правительства, и уже в конце 1923 г. в Турцию стали ввозиться наши хлеб и нефть, в которых там чувствуется острая нужда.

Однако и после урегулирования этого конфликта агитация против СССР со стороны некоторых кругов купечества и враждебных нам реакционных политических сфер не прекращалась, и к середине 1924 г. она выросла в форменную антисоветскую кампанию турецкой печати. Поводом для этой кампании послужили препятствия, яко бы чинимые нашим правительством турецким консулам и купцам. На деле же она была лишь проявлением тех осложняющих моментов в турецко-советских отношениях, о которых мы говорили выше. Помимо того, есть основания предполагать, что враждебная нам агитация подогревалась тенденциозным информированием турецкого общественного мнения со стороны турецкой колонии в Москве. В связи с этим интересно отметить следующий факт: американская „Чикаго Трибюн“ опубликовала доклады турецкого посла в Москве Мухтар-бея своему правительству, относящиеся к периоду германских событий осенью 1923 г., в которых посол рекомендовал, в случае осложнений на западной границе СССР, „предпринять прогулку по Кавказу“. Мухтар-бей опровергал приписываемые

ему доклады. Но если эта история остается невыясненной, то сама турецкая печать опубликовала разоблачения о турецких дипломатических представителях в СССР, которые пользовались своим положением для спекуляции и различных злоупотреблений, что, естественно, вызывало соответствующие меры со стороны советских властей.

Мы видим таким образом, что отношения молодой Турции к СССР теперь представляются в другом виде, чем в момент ее зарождения, когда она только вступала в вооруженную борьбу с западным империализмом. Дальнейшее развитие этих отношений зависит от того, останется ли турецкая дипломатия на единственно правильной позиции, что Турция и СССР — друзья и должны быть друзьями, так как у них общий враг — жадный, хищный западный империализм.

Персия.

Политика нашего правительства по отношению к Персии руководствовалась основным принципом всей восточной политики советской власти: окончательный разрыв с империалистическими традициями старой России, признание права угнетенных восточных народов на полную независимость и оказание им помощи в борьбе с западным империализмом. В одной из первых деклараций советского правительства в обращении к восточным народам говорилось:

„Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществами которых, свободой и родиной которых торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!.. Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии, и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы“.

Таковы основы советской политики по отношению к Персии. Что же касается персидской политики в отношении СССР, то о ней нельзя говорить, как о вполне самостоятельном факторе, так как Персия все время испытывает давление английского империализма. Последний, не брезгая никакими средствами — подкупом политических деятелей и печати, оказанием помощи реакционерам-феодалам, провоцированием внутренних восстаний, всячески борется с национально-освободительным демократическим движением в Персии. Сплошь и рядом английским империалистам путем угроз и интриг удается сваливать кабинеты персидских националистов и ставить у власти своих людей из персидской реакционной клики.

Неудивительно таким образом, что вся история развития советско-персидских отношений переплетается с внутренней борьбой в Персии между демократами-националистами и реакционерами-англофилами (сторонники Англии).

Первоначальные наши отношения с Персией носили сложный характер в виду образования в персидской провинции Гиляне революционного правительства Кучук-хана (4 июня 1920 г.). Правительство это возникло под влиянием российской революции на передовые элементы Персии, а в частности в связи с занятием Красным флотом персидской гавани Энзели с целью захватить укрывшийся там белогвардейский флот. Следствием этой операции было также занятие персидского города Решта после бегства оттуда английских войск. Но гилянское революционное правительство просуществовало недолго. В октябре 1920 г. центральный комитет Иранской коммунистической партии вынес резолюцию, что в Персии еще не созрели объективные условия для советского строя. Азейрбейджанские отряды, которые еще остались в Гиляне, были оттуда выведены.

Одновременно стали вестись переговоры с персидским правительством о разрешении спорных вопросов и урегулировании взаимоотношений. Обстановка складывается благоприятно в виду последовавшего в связи с победами российской революции подъема национального движения, направленного против англичан. Последние до конца 1920 г. были полными господами положения Персии, которую они фактически оккупировали в 1918 г. после ухода русского оккупационного корпуса генерала Баратова. Националисты во главе с военным министром Риза-ханом 21 февраля 1921 г. захватывают членов англофильского правительства Селпахда а и формируют правительство Сид-Зия-ад-Дин-Теба-Тебаи. Новый кабинет немедленно аннулировал кабальный договор с Англией от 1919 г. и возвестил широкие внутренние реформы. К этому времени и относится подписание русско-персидского договора в Москве (26 февраля 1921 г.), заложившего основу советско-персидской дружбе.

Основные пункты этого договора следующие: Советская Россия отказывается от всех денежных претензий, концессий и имуществ царского правительства на территории Персии, уступает Персии Учетно-ссудный банк, острова Ашур-Ада и местечко Фирюзе и возвращает Персии право иметь собственный флот на Каспийском море. Обе стороны предоставляют друг другу право транзита товаров через их территории в третьи страны. Договор далее предусматривает заключение торгового договора и консульской конвенции и увод советских войск из Персии, как только будут эвакуированы английские войска. Последнее условие было точно выполнено нами, так как энергичная политика советского правительства заставила англичан эвакуироваться из Персии, что означало также поражение английского империализма, которого он долго не забуд т... Через короткое время после заключения договора полномочный представитель Советской России т. Ртштейн прибывает в Тегеран, восторженно встречаемый персидской общественностью.

Однако враждебные влияния со стороны Англии и других капиталистических держав, а также внутренняя борьба в самой

Персии часто тормозят развитие советско-персидских отношений. Так, напр., в мае 1921 г. создался острый кризис в связи с делом Азриленко. Последний — служащий бакинского нефтекома, сбежал в Персию с крупной суммой казенных денег. Несмотря на требование т. Ротштейна о выдаче преступника, Азриленко открыто проживал в Тегеране. Дело приняло еще более серьезный оборот в связи с вмешательством английской миссии и французского поверенного в делах, как защитника польского подданного, каковым себя заявил Азриленко. Конфликт еще более обострился, когда впоследствии арестованный Азриленко сбежал из тюрьмы и укрылся во французском представительстве. Дело дошло до предъявления ультиматума тов. Ротштейном с угрозой разрыва дипломатических сношений. В результате персидское правительство удовлетворило наши основные требования.

Другие трения происходили в связи с обвинениями, предъявленными персидским правительством, что азербайджанские власти якобы поддерживают революционно-настроенные элементы в Персии (Эсханулла-хан, Кучук-хан). Но и эти конфликты были вскоре урегулированы, и отношения с Персией стали мало-по-малу налаживаться, хотя и не без перебоев.

15 июля 1922 г. в Москве открылась конференция по заключению торгового договора с Персией. Но тут мы натолкнулись на такие же трудности, как с Турцией. Персидские делегаты не хотели мириться с режимом монополии внешней торговли и связанным с ним признанием прав наших торговых представительств в Персии. Переговоры прерывались и возобновлялись, но безрезультатно. Однако торговые отношения все же завязывались. В Персии были открыты отделения Внешторга и Центросоюза, которым пришлось работать в чрезвычайно трудных условиях вследствие отсутствия торгового договора, конкуренции и интриг со стороны англичан и собственной непри приспособленности к местным условиям. В том же 1922 г. персидское купечество приняло участие в Нижегородской и Бакинской ярмарках, что значительно содействовало взаимному ознакомлению и выяснению взаимных потребностей. Затем в конце года (11 ноября) было организовано советско-германское торгово-транспортное общество для торговли с Персией, открывающее весьма широкие перспективы в связи с планом прямого сообщения Гамбург—Энзели через Мариинско-Волжскую систему при посредстве особых плоскодонных судов. План этот уже стал проводиться в жизнь в том же 1922 г. Далее следует отметить создание Российско-Восточной торговой палаты, одной из основных целей которой является изучение персидского рынка и всяческое содействие оживлению торговли с Персией.

Эта система отдельных конкретных мер для оживления товарооборота с Персией при отсутствии торгового договора получает дальнейшее распространение в следующем 1923 г. Заключаются соглашения о взаимно-льготных тарифах, учреждаются смешанные советско-персидские общества и Русско-Персидский

банк, который подрывает фактическую монополию английского Шахиншахского банка, всячески саботировавшего советско-персидскую торговлю; персидская кустарная промышленность участвует в нашей сельскохозяйственной выставке, а с другой стороны, наши тресты с успехом выступают на выставке в Тегеране. Председатель Нижегородского ярмарочного комитета т. Малышев прибывает в Тегеран для информирования персидского купечества о делах ярмарки и встречает весьма теплый прием, несмотря на бешеную агитацию англичан в Персии против ярмарки; подписывается почтово-телеграфная конвенция и проводится целый ряд других практических мер для облегчения экономических отношений с Персией.

Однако переговоры с перерывами в течение всего 1923 г. все же не привели к подписанию советско-персидского договора, который подвел бы наконец, прочную юридическую базу под уже достигнутые частичные экономические успехи и создал предпосылки для их развития в более широком масштабе. Этот факт объясняется все тем же давлением со стороны Англии, которая прекрасно учитывает положительное значение торгового договора между СССР и Персией для обеих этих стран и все его отрицательное значение для экспансии (распространения) английского империализма в Персии. История советско-персидских переговоров о торговом договоре поистине весьма поучительна под углом зрения переkreщивания путей нашей и английской дипломатии на Востоке.

11 июня 1923 г. после двух лет затяжных переговоров обе делегации, наконец, скрепляют своими подписями проект договора. Остается только формально утвердить этот акт. Но именно в связи с этим английские агенты и англофилы поднимают энергичную кампанию против национального кабинета Мостовфи-оль-Мемалека и через шаха заставляют его выйти в отставку. Новый кабинет Мушир-эд-Довле под всякими предлогами саботирует утверждение договора.

Только 3 июля 1924 г. советско-персидский торговый договор был подписан в Тегеране нашим полпредом тов. Шумяцким и персидским министром иностранных дел. Персидским премьером в это время был вожь националистов и реформатор Риза-хан (Серлар Сепак), а подписание произошло как раз в момент наибольшего обострения борьбы между демократическими элементами, ориентирующимися в сторону СССР, и реакционными—сторонниками, вернее—агентами Англии.

Подписание этого договора является важным этапом не только на пути укрепления наших экономических и политических связей с Персией, но и со всем Востоком. Мы уже видели, что между трудностями в переговорах о торговом договоре с Персией и Турцией имеется много общего, и благополучное их завершение в одном случае, естественно, ускоряет такой же исход в другом

случае. Аналогичные результаты будет иметь подписание договора и на наши отношения с Афганистаном.

Основные пункты советско-персидского договора следующие:

Равноправие обеих сторон. Отказ советского правительства от царской политики „капитуляции“ в Персии.

Торговому представительству СССР в Персии присваиваются привилегии дипломатических представительств. Руководитель торгового представительства и его заместитель приравниваются по положению к членам дипломатических миссий.

Торгпредство имеет право открывать отделения в городах Персии.

Обе стороны пользуются правом экспортного транзита. (Перевоз товаров через территорию другой стороны.)

СССР предоставляет Персии всякие преимущества, данные любому государству, за исключением тех, которые состоят с СССР в таможенном союзе. С другой стороны, Персия предоставляет СССР все преимущества, признаваемые за другими государствами, кроме соседних магометанских. (Это значит, что в торговом отношении Англии или другой империалистической стране не может быть предоставлено больше прав, чем СССР,—условие особой важности.)

Следует также отметить, что в договоре мы закрепили некоторые смягчения монополии внешней торговли, которые были введены еще 27 марта 1923 г. циркуляром Наркомвнешторга. Таков характер договора. Он может быть признан для нас весьма удовлетворительным. Но торговый договор—это только юридическая форма, которую нужно заполнить живым экономическим содержанием. С выработкой этой формы красная дипломатия отодвигается на задний план, и ее место занимают красная промышленность и красная торговля. На территории Персии последним приходится встретиться с первоклассным врагом—наиболее старыми, сдementированными вековыми навыками, богатейшим и разнообразнейшим опытом торговли и промышленностью капиталистов Англии, за спиной которых стоит английская империалистическая дипломатия со всеми ее ресурсами политического давления. (Зато на нашей стороне географические преимущества.) Орудиями борьбы в этой схватке советского социалистического хозяйства с английским капиталистическим являются доброкачественный, привлекательный на вкус перса и персианки, ситец или шерстяной материал, дешевый, следовательно, хорошо налаженный транспорт, дешевый, гибкий торговый аппарат и т. д. Здесь борьба между коммунизмом и капитализмом выливается в самую типичную экономическую вещественную форму. И если промышленность нашего пролетарского государства сделает серьезные успехи в этой борьбе, то она принесет делу коммунизма такую победу, которая может равняться с наиболее славными победами Красной армии на фронте гражданской войны и интервенции.

Ибо если мы одержим серьезные успехи на персидском рынке, мы не только расширим базу нашей социалистической промышлен-

ности, но дадим народам Востока наглядный урок, что мы не только разрушаем грабительское дело капиталистических стран на Востоке, но умеем создавать и давать отсталым колониальным и полуколониальным народам то положительное, что до сих пор давала им капиталистическая техника, умеем давать не как ложку меда в бочке колонизаторского дегтя, а как чистый продукт промышленности, находящейся в руках класса, одной из основных целей которого является освобождение угнетенных народов Востока.

А ф г а н и с т а н .

В наших отношениях с Афганистаном интриги английских империалистов дали себя чувствовать еще в большей степени, чем в Персии и Турции. Следует иметь в виду, что еще накануне войны Афганистан был разделен на „сферы влияния“ между царской Россией и Англией. Надеясь на то, что в результате войны и революции Россия временно выбывает из строя как великая держава, английские империалисты стали обращаться с Афганистаном так же, как с соседней Индией. Но история, в частности российская пролетарская революция, сыграла плохую шутку с английскими колонизаторами. Она заставила британского бульдога выпустить уже схваченный жирный кусок. Российская революция, провозгласившая лозунг освобождения колониальных народов от ига империалистов, оказала большое влияние на развитие национально-освободительного движения в Афганистане. В начале 1919 г. это движение вылилось в форму переворота, во время которого был убит эмир Хабибула-хан, пешка в руках англичан, и смнен Аманулла-ханом, сторонником возрождения отсталого, невежественного Афганистана и борьбы за национальную независимость. Одним из первых шагов нового эмира было об'явление войны английским оккупантам, закончившейся их позорным поражением и вынужденным признанием полной независимости Афганистана. Одновременно новый эмир отправляет особую миссию в Москву для установления контакта с советским правительством. В связи с приездом этой миссии в конце 1919 г. в Кабул выезжает уполномоченным советского правительства тов. Суриц.

Естественно, что английские империалисты не могли мириться с таким положением вещей. Группируя вокруг себя наиболее реакционные элементы среди афганцев, они, не брезгая никакими средствами, пытаются свалить нового эмира. Так, напр., в июне 1920 г. в Кабуле был раскрыт заговор против эмира с участием его родственников, за спиной которых стояли английские агенты. Это между прочим привело к разрыву англо-афганистанских переговоров в Майсоре.

Но, с другой стороны, были осложняющие элементы и в советско-афганских отношениях. Афганское правительство в это время поддерживало эмира бухарского, бежавшего в Афганистан во время бухарской революции в августе 1920 года. Впоследствии, как мы

увидим, афганские правящие круги поддерживали так называемое „басмаческое“ движение в Бухаре, рукводитель которого, Эвер-паша (в свое время вождь младотурок), носился с планами создания в Средней Азии крупного мусульманского государства из Турции, Хивы, Бухары, Туркестана, Афганистана, Персии и других мусульманских областей.

Однако, несмотря на трения в связи с поддержкой эмира бухарского, советско-афганские переговоры заканчиваются 13-го сентября 1920 г. подписанием в первоначальной форме договора в Кабуле.

Англичане предпринимают решительные шаги к срыву этого договора. В январе 1921 г. английский чрезвычайный уполномоченный предлагает афганскому правительству взамен за отказ от договора с Советской Россией соглашение, которое сулит беспоплатный транзит, материальную помощь и расширение дипломатического признания. Но, несмотря на эти интриги, проект договора от 13-го сентября 1920 г. в несколько измененном виде был подписан в Москве 18-го февраля 1921 г. и вскоре ратифицирован. На основании этого договора обе стороны, исходя из взаимного признания независимости, устанавливают обычные дипломатические и консульские отношения; обе стороны признают независимость Бухары и Хивы, независимо от существующей там формы правления; Советская Россия соглашается на свободный и беспоплатный транзит через свою территорию товаров для Афганистана и соглашается оказать последнему материальную помощь для развития его культуры и промышленности.

Такой договор открыл новую страницу в истории афганского народа, видевшего только попрание его самых элементарных прав империалистами. И, демонстрируя противоположные чувства по отношению к политике Англии и политике Советской России, меджлис (афганский парламент), обсуждая проекты договоров с этими странами, 11-го августа 1921 г. отверг английское предложение и двумя днями позже ратифицировал афгано-советский договор.

Бороться с влиянием Советской России в Афганистане после этого английской дипломатии становилось все труднее.

Хищнической дипломатии английского империализма не осталось ничего другого, как пойти на уступки и договором от 16-го октября 1921 г. признать полную независимость Афганистана и отказаться от упорной попытки контролировать его внешнюю политику. Это было позорным поражением английской дипломатии и блестящей победой восточной политики советского правительства.

Хотя следующий 1922 г. ознаменовался серьезными трениями с Афганистаном в связи с активной поддержкой со стороны последнего басмачей, этот период все же дал дальнейшее развитие советско-афганской дружбы. Энергичные протесты нашего прави-

тельства, а главным образом решительные успехи в деле ликвидации басмаческого движения, побудили афганские политические круги взять более трезвый курс. 25-го июля афганский эмир опубликовал воззвание к населению пограничной с Восточной Бухарой полосы, в котором призывал его к отказу от поддержки басмачей и возвращению к мирному труду. Между тем продолжающиеся английские интриги все более толкали афганское правительство на закрепление дружбы с Советской Россией. Так, например, во время празднеств в честь трехлетия афганской независимости, а потом и по поводу турецких побед, эмир демонстративно подчеркивал свое сочувствие Советской России, не скрывая нерасположения к Англии.

В 1923 году английское давление на Афганистан вылилось в резкие формы: английские карательные экспедиции с бесчеловечной жестокостью умирjali независимые племена, живущие в пограничной полосе между Индией и Афганистаном. Это, естественно, угрожало и самому Афганистану. Затем последовал майский ультиматум Керзона, как известно, требовавший отозвания т. Раскольникова из Кабула за то в сущности, что он стоял на страже независимости Афганистана. В декабре этого же года, пользуясь случаем убийства английского офицера в упомянутой пограничной полосе, Керзон, перед самым своим уходом, предъявил Афганистану целый ряд требований, в том числе — неофициально — разрыва дипломатических отношений с СССР. В случае их невыполнения Керзон угрожал войной. Но эта провокация сорвалась.

Эта политика английских империалистов, которая мало в чем изменилась при „рабочем“ правительстве Макдональда, как нельзя лучше дает понять афганскому народу, что путь к сохранению его самостоятельности лежит не по линии Кабул—Лондон, а по линии Кабул—Москва.

К и т а й.

Народы СССР и Китая объединяет целый ряд жизненных общих интересов. Границы обеих стран тянутся на 10 тысяч верст. Китайско-Восточная железная дорога, построенная на средства русского народа на китайской территории, имеет огромное значение для обеих стран: нам она значительно (на 511 верст) сокращает путь к Владивостоку и к Тихому океану и открывает путь в Китай; для Китая же эта дорога — путь на восток, к океану, и путь на запад, через Сибирь, на весь азиатско-европейский континент. Взаимная экономическая заинтересованность обеих стран уже в настоящее время довольно значительна, а в будущем она неизбежно будет быстро возрастать. Что же касается общих политических интересов и задач, то они поистине грандиозны. У СССР и Китая, охватывающих вместе территорию в $\frac{1}{4}$ земного шара с населением в $\frac{1}{3}$ всего человечества, — общий враг — империа-

лизм крупных капиталистических держав. Совместная борьба с этим врагом во имя освобождения китайского народа, равно как и всех колониальных и полуколониальных народов — вот основной принцип политики СССР в отношении Китая. Этот принцип лег в основу декларации советского правительства, адресованной Китаю 26-го июня 1919 г., в которой советское правительство торжественно объявляет решительный отказ Советской России от грабительской политики царской России по отношению к Китаю, и неуклонно проводился нашей красной дипломатией в последующие годы.

Но, несмотря на все это, наши отношения с Китаем развивались весьма медленно. Только в 1924 г. китайское правительство, наконец, решает принять дружески протянутую руку СССР. Каковы же причины такого хода событий? Первая из них — фактическая зависимость китайского правительства от империалистических держав, которые, не брезгая никакими средствами, из всех сил старались и стараются помешать сближению между их рабом — Китаем и СССР, носителем освобождения колониальных народов. Далее, развитие наших отношений с Китаем тормозилось вследствие его раздробленности, вечной борьбы между отдельными провинциями и разными военными и бюрократическими кланами в каждой провинции в отдельности. Известную роль также играл, как мы сейчас увидим, монгольский вопрос.

Отметим главные факты, характеризующие тот весьма зигзагообразный, но все же прогрессирующий ход развития наших дипломатических взаимоотношений с нашим соседом в Азии.

В результате неоднократных попыток Н. Ч. И. Д. к установлению контакта с Китаем китайский Верховный Военный Совет 6 мая 1920 года командирует в Советскую Россию специально военно-дипломатическую миссию с генералом Чжан-Сы-Лином во главе. Отношения как будто начинают налаживаться. 12—16 октября того же года вырабатывается соглашение об обмене представителями, но следует нажим со стороны держав, и 18 октября пекинское правительство через своего представителя в Пекине извещает т. Красина об отзыве Чжан-Сы-Лина. Почти одновременно (20-го октября) пекинское правительство за спиной СССР подписывает соглашение насчет дальнейшей эксплуатации Кит.-Вост. жел. дор. с Русско-Азиатским банком, в котором орудуют русские белогвардейцы — агенты Франции.

4-го февраля 1921 г. столицу Монголии Ургу захватывает финансируемый Японией бывший колчаковец барон Унгерн, который пытается превратить страну в базу для похода против Сов. России.

В июле советские войска, действующие в контакте с народно-революционной партией Монголии, приступают к ликвидации банд Унгерна, грабящих Монголию и предпринимающих нападения на территорию СССР. Это обстоятельство осложняет наши отношения с китайским правительством, не желающим

мириться с независимостью монгольского народа (подробнее о Монголии см. ниже).

Длительные переговоры насчет приезда т. Пайкеса в Пекин для урегулирования спорных вопросов завершаются только в конце 1921 г. 12 декабря т. Пайкес прибывает в Пекин, тепло приветствуемый китайской печатью и общественностью. Но китайское правительство, подверженное влиянию дипломатического корпуса в Пекине, не проявляет готовности к заключению соглашения с СССР ни в переговорах с т. Пайкесом, ни со сменившим его (12 августа) т. Иоффе.

Следующий, 1923 год дал ощутительные результаты. Заболевшего т. Иоффе сменил т. Карахан, прибытие которого в Пекин (6 августа) ознаменовалось восторженными демонстрациями со стороны организованных китайских рабочих, студенчества, профессуры и общественных деятелей. Эти демонстрации солидарности с СССР были симптомом усиливающегося национально-революционного движения в Китае и роста сознания, что только в союзе с СССР китайский народ может разбить цепи, в которые его заковали империалисты. Но в смысле укрепления дипломатических связей дело подвигалось довольно медленно. В Москве побывали делегации пекинского правительства, мукденского правителя Чжан-Цзо-Лина и демократического южно-китайского кантонского правительства Сун-Ят-Сена. С другой стороны, наши уполномоченные были допущены в Харбин, Шанхай, Чифу, Кантон и др. города. На правах взаимности нами были признаны китайские уполномоченные в Чите, Благовещенске, Хабаровске, Никольске-Уссурийском и Владивостоке.

Одновременно на почве двойственности китайского правительства и саботажа со стороны всемогущего дипломатического квартала в Пекине происходят конфликты.

Китайская администрация часто позволяет себе грубое нарушение прав СССР (задержка поездов Читинской дороги, игнорирование интересов СССР в вопросах, связанных с Китайско-Восточной ж. д., избиение русских граждан в Харбине и т. д.). В начале декабря т. Карахан, протестуя против этих выпадов, требует установления нормальных отношений, как предпосылки для переговоров.

Но в то же время 1923 г. отмечается ростом национального движения в Китае. В августе в связи с нападением так наз. „бандитов“ на иностранцев на Тяньцзинь-Пукоуской ж. д. державы предъявляют Китаю целый ряд требований, равносильных установлению формального иностранного контроля над Китаем (личженская нота). Это посягательство империалистов вызывает бурю негодования в китайской общественности и усиливает симпатии к СССР.

В конце года в Кантоне, в столице южного Китая, возглавляемого Сун-Ят-Сеном, происходит реорганизация правящей национально-революционной партии Гоминдан по линии демократизации

и вовлечения масс. В то же время Сун-Ят-Сен бросает смелый вызов порабощенным Китаю, приступая к установлению контроля над таможнями, захваченными „просветителями“ Китая. С другой стороны, в письме на имя т. Карахана он выражает восхищение достижениями российской революции и веру в победу китайского национального революционного движения, которое является предпосылкой мира и дружбы с СССР. Эти симпатии прогрессивных элементов китайского народа по отношению к СССР выступают с особой яркостью под впечатлением кончины Ленина. В Пекине и целом ряде крупных центров происходят внушительные траурные демонстрации; в Кантоне объявляется официальный траур, и глава правительства Сун-Ят-Сен организует грандиозные народные демонстрации, посвященные памяти великого вождя пролетариата и угнетенных народов.

Такие настроения китайской общественности не могли не повлиять на ход китайско-советских отношений, как бы правительство ни трусило перед крупными капиталистическими державами.

В середине марта 1924 г. после длительных переговоров между уполномоченным пекинского правительства Ван-Чен-Тингом и т. Караханом достигается соглашение по всем спорным вопросам на основании признания советского правительства де-юре и полного возобновления дипломатических отношений. Однако в последнюю минуту невидимая рука из дипломатического квартала срывает соглашение. Китайское правительство пятится назад, заявляя, что Ван-Чен-Тинг, мол, не имел достаточных полномочий. Наглое вмешательство империалистов вызывает бурю возмущения во всем Китае. Рабочие организации, студенты, профессура, прогрессивные политические деятели путем многочисленных демонстраций, митингов и обращений к правительству требуют подписания соглашения с СССР и горячо протестуют против трусости китайской дипломатии и наглого вмешательства империалистов. Проходит немного времени, и то же китайское правительство под давлением общественного мнения уже находит в себе достаточно смелости, чтобы сделать решительный шаг, не взирая на угрозы и шантаж дипломатического квартала. Правда, как будто не особенно доверяя своей собственной смелости, китайская дипломатия подготавливает этот шаг втихомолку, в строжайшей тайне от опекунов. Министр иностранных дел Веллингтон-Ку ведет переговоры с т. Караханом в самой конспиративной обстановке, даже лично не встречаясь с ним. Техническая подготовка соглашения ведется на частной квартире Веллингтона-Ку, и, наконец, к великому смущению и сюрпризу дипломатического квартала, вначале сорванное соглашение подписывается 31 мая в министерстве иностранных дел в самой официальной окончательной форме. Взмешанные „опекуны“ опять приводят в движение весь сложный аппарат давления на китайское правительство. Но напрасно. Договор о признании и соглашение насчет К.-В. ж. д

входят в силу. По этому поводу правительственная китайская газета „Пекин-Дейли-Ньюс“ в статье, озаглавленной „Счастливейшее событие“, писала:

„Долго лелеянное желание народов СССР и Китая — возобновление нормальных сношений — ныне совершившийся факт... Соглашение безоговорочно одобряется всем китайским народом, так как лучшего договора Китай никогда не подписывал ни с одной иностранной державой. Советское правительство вполне осуществило те высокие принципы, которые были возведены в декларациях в 1919 — 20 гг.... Соглашение открывает новую эру в отношениях между двумя наиболее великими странами Азии“.

Еще более живо реагирует на акт соглашения китайская общественность. 181 член китайского парламента в поздравительной телеграмме советскому правительству через тов. Карахана пишут:

„Мы, китайцы, добились цели, которая является победой над международным империализмом... Оба правительства (китайское и советское) будут идти рука об руку и заставят международную дипломатию открыть новую эру, считаясь с коренными изменениями, происшедшими во всем мире“. Таким же духом были проникнуты многочисленные поздравления представителей общественных организаций, посетивших тов. Карахана.

Значение акта 31 мая правильно оценили и более трезвые иностранные круги. Прогрессивная американская газета, издающаяся в Пекине — „Нордчайна Стар“ — писала:

„Горе тому дипломату, как желтому, так и белому, который попытается употребить бесплодные усилия, чтобы остановить ход истории... Желтый гигант, униженный, измученный, истерзанный, принял руку, протянутую ему красным гигантом, более бодрым и отважным, который встал на ноги после страшной борьбы последних лет. День 7 мая соблюдается Китаем, как день его унижения, так как в этот день Япония предъявила 21 требование; день 31 мая — день возрождения, так как в этот день Китай принял протянутую СССР руку. Врагам Китая осталась бессильная ярость. Китай вступил в соглашение со своим мощным соседом“

Белые и желтые дипломаты все же сделали смешную попытку приостановить ход истории. Америка, Франция и Япония, забыв взаимные счеты, все вместе протестовали против соглашения о Кит.-Вост. жел. дор., предъявив свои „права“ на нее; дипломатический корпус саботировал передачу тов. Карахану здания старого посольства; белогвардейцы, подстрекаемые теми же дипломатами, засели в здании российского консульства в Шанхае. Но что значат все эти булавочные уколы перед тем историческим фактом, что красный и желтый гиганты — $\frac{1}{3}$ всего человечества — объединились для борьбы с империализмом и что 300 миллионов индусов, еще сотни миллионов других угнетенных народов готовы поддержать этих гигантов в их гигантской беспощадной борьбе!

Монголия.

Воспользовавшись стремлением Монголии к независимости, царское правительство во время китайской революции в 1911 г. способствовало отделению Монголии от Китая и вскоре установило над ней свой протекторат. В 1919 г. китайцы, воспользовавшись ослаблением России, опять подчинили себе Монголию. В конце 1920 г. Монголия делается базой для операций бывшего колачкова барона Унгерна, который, прикрываясь лозунгом великой Монголии и эксплуатируя в своих интересах вражду между монголами и китайцами, на деле проводит план подчинения ее Японии и превращения в опорный пункт борьбы с Советской Россией. 4 февраля 1921 г. монгольская столица Урга была окончательно взята Унгерном. Передовые элементы Монголии вскоре раскусили истинные намерения японского агента Унгерна и стали стекаться на территорию Советской России, чтобы собрать там монгольскую народно-революционную армию. 8 июля 1921 г. эта армия вместе с войсками Дальне-Восточной республики и Советской России разбила Унгерна и заняла Ургу. Было образовано монгольское народно-революционное правительство, которое обратилось к Советскому правительству с просьбой не выводить своих войск до устранения внешней опасности и взять на себя посредничество в деле урегулирования отношений между Монголией и Китаем. Советское правительство сообщило о своем согласии удовлетворить эту просьбу. 5 ноября 1921 г. в Москве был подписан договор дружбы между Монголией и Советской Россией.

В следующем 1922 г. монгольской народно-революционной армией и русскими партизанами были изгнаны остатки русских белогвардейцев, засевших в западной Монголии и в Урянхае (край между Монголией и СССР). Это дало возможность новой власти в Монголии приступить к широким реформам в этой крайне отсталой стране. Малый Хурулдан (предпарламент) ограничил права князей, отказал в субсидии на поддержание культа мощей и приступил к насаждению просвещения. Но внутренние реакционные силы не могли мириться с этими реформами и с помощью извне стали устраивать заговоры против народно-революционной власти. Так, например, был раскрыт заговор, во главе которого стоял б. председатель правительства Бодо, за спиной которого стояли японские агенты и американский консул в пограничном китайском городе Калгане. В то же время китайское правительство делало неоднократные попытки вступить в сепаратные переговоры с Монголией за спиной СССР. Но эти попытки отклонялись монгольским народно-революционным правительством, которому выгодно посредничество СССР.

В том же (1922) году сформировалось народное правительство в Урянхае, которое в обращении от 5 марта извявило желание

оформить свои отношения с СССР. В своем ответе от 27 марта Н. К. И. Д. подтвердил свое обращение к урянхайскому (тану-тувинскому) народу от 14 сентября 1921 г. насчет полного отказа от насильнической колонизаторской политики царского правительства и признания независимости Урянхая. (Следует отметить, что вопрос о независимости Урянхая служит предметом трений между ними и Монголией, претендующей на подчинение ей этого края.)

В 1923 г. и впоследствии достигаются значительные успехи в деле установления экономических связей с Монголией и Урянхаем через посредство Центросоюза, закупающего монгольский скот и сырье в обмен на промышленные товары.

В связи с урегулированием наших отношений с Китаем монгольский вопрос осложняется, так как Китай не желает признать независимости Монголии, а, с другой стороны, мы не можем не сочувствовать стремлению монгольского народа к самоопределению. 8 июля 1924 г., в день трехлетия освобождения от ига Унгерна, Монголия была объявлена республикой. (Хутухта — духовный и в известном смысле политический глава Монголии — умер незадолго до этого.) Во время состоявшихся по этому поводу в Урге народных празднеств с участием частей монгольской народной армии и союза монгольской молодежи все ораторы подчеркивали огромную роль российской революции в деле освобождения монгольского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

IV. Почему мы побеждали и почему мы победим.

В октябре 1917 г. российский пролетариат бросил смелый вызов всему капиталистическому миру. „Иду на вы!“ прогремел его голос на весь мир.

„Проволочные заграждения“, „санитарный кордон“, интервенция, блокада, война — таков был ответ мировой буржуазии. Но вот не прошло еще семи лет, — ничтожно малый срок в исторической перспективе, — и „первоклассные“ империалистические державы одна за другой „признают“ единственную пролетарскую республику. Величайшая победа угнетенной части человечества во всей истории!

Каковы же основные причины этой победы и как будут они действовать в дальнейшем? Каковы перспективы дальнейшей борьбы Советского Социалистического Союза с капиталистическим окружением?

1. Российский пролетариат победил потому, что быстрый темп развития капитализма в России в последние десятилетия до войны революционизировал его и в борьбе с царизмом дал ему боевой закал.

2. Российский пролетариат победил потому, что он выступил в союзе с крестьянством, составляющим подавляющее большинство населения России. Восставший пролетариат дал крестьянству землю и увлек его за собой.

3. Крестьянский вопрос в России тесно связан с национальным, ибо Россия населена многими национальностями, большинство которых составляют крестьяне, сильно тяготеющие к своему национальному укладу. Российский пролетариат в борьбе с капиталистическим окружением взял правильную линию в национальном вопросе. Вместо старой великодержавной православной России — великой тюрьмы для национальных меньшинств, российский пролетариат дал последним вольную Российскую Советскую Федеративную Республику, а затем Союз Советских Социалистических Республик. Он им дал обновленное, освобожденное социалистическое отечество, которое стоит защищать, за которое стоит умирать.

В то же время новая революционная Россия решительно порвала с захватнической политикой царского империализма, провозгласила и—в отличие от лицемерной дипломатии буржуазии—действительно претворила в жизнь принцип самоопределения народов вплоть до отделения и образования самостоятельного государства (признание независимости Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии, отказ от грабительских договоров, в свое время навязанных царизмом Персии, Афганистану, Китаю и т. д.).

Все это привлекло на сторону Советской России симпатии широких масс народов Запада и Востока.

4. Победа ни в коем случае не была бы возможна, если бы во главе российского пролетариата не стояла такая и пылкая, железная, закаленная в боях, вооруженная истинным марксизмом партия, как большевистская РКП, с таким гениальным вождем, как Ленин. Именно РКП, именно Ленин повели пролетариат в решительный бой за захват власти и сделали возможным удержание ее, указывая правильные методы разрешения крестьянского, национального и других важнейших вопросов российской революции.

5. Победа также была бы невозможна, если бы на помощь российскому пролетариату не пришел пролетариат Запада. Это следует особенно подчеркнуть, так как многие недооценивают этого факта в виду того, что западный пролетариат не справился со своей буржуазией. Но, несмотря на то, что развитие социальной революции в странах капитализма шло не так, как того ждал и надеялся российский пролетариат, не подлежит сомнению, что российская революция не смогла бы победить без той помощи—пусть и не полной,—которую ей оказал пролетариат других стран.

Германская революция, пусть и не законченная, содействовала аннулированию кабального Брестского договора. Английские рабочие заставили английских империалистов эвакуировать свои войска из Архангельска и отказаться от вооруженной интервенции и блокады. Восстание французских матросов под Одессой принудило к этому же и французскую буржуазию. Революционная встряска на Западе в связи с польско-советской войной в 1920 г. помешала буржуазии бывших союзников воспользоваться нашим отступлением после похода на Варшаву и броситься на Советскую Россию. Далее, давление английского пролетариата во время английского ультиматума от 8 мая 1923 г. помешало Керзону спровоцировать разрыв, а быть может и войну с СССР.

Таких конкретных примеров можно привести очень много. Но дело не только в этих конкретных выступлениях пролетариата. Уже одна боязнь возмущения пролетариата парализовала и парализует постоянную готовность мировой буржуазии при первом удобном случае броситься на ненавистный Советский Союз.

6. Огромнейшую роль в деле победы российского пролетариата сыграла внутренняя борьба в лагере мировой буржуазии,

которая даже в период интервенции мешала ей выступить тесно сплоченным фронтом против Советской России.

Известную роль сыграла также боязнь возрождения старой империалистической России со стороны Англии, Японии и окраинных государств, получивших независимость только благодаря российской революции.

Вот почему победили.

Каковы же дальнейшие перспективы?

Причины, обусловившие победу СССР, продолжают действовать (с соответствующими изменениями, конечно, вызываемыми переменной обстановки) еще с большей силой.

1. К революционному закалу и опыту пролетариата СССР прибавился огромный опыт в деле управления и организации.

2. Окончание периода „военного коммунизма“, вызванного обстановкой войны на внешних и внутренних фронтах, и переход к новой экономической политике укрепляют союз между пролетариатом и крестьянством. Переход к устойчивой валюте, постепенное удешевление промышленных изделий в дополнение к отмене продразверстки, улучшение государственного аппарата, — все это еще более сближает крестьянство с пролетариатом.

3. Углубление национальной политики советской власти в сторону самого свободного развития национальных меньшинств (переход госаппарата, школы и армии на местный язык и т. д.), — все это еще более усиливает скрепы Советского Союза по национальной линии.

4. РКП, вопреки надеждам врагов на ее разложение под влиянием власти и нэп'а, еще более окрепла, приобрела навык управления государством во всех областях — экономической, политической, военной и культурной. Правда, партия понесла тяжелую утрату — смерть гениального вождя. Но 200 тысяч рабочих сейчас же откликнулись, чтобы заполнить брешь в правящей партии Советского Союза.

5. Помощь пролетариата капиталистических стран в общем и целом становится все более значительным фактором. Если наступление капитала, начавшееся в 1920—21 гг., и ослабило активность пролетариата, то в недрах его постепенно накапливается скрытая революционная энергия, которая вырвется на свободу как раз в связи с решительным моментом столкновения СССР с капиталистическим миром и которая найдет готовую организационную форму — коммунистические партии, имеющиеся во всех странах капитала, об'единенные в выросший за эти годы могучий инструмент борьбы — Коминтерн.

6. Борьба в лагере мировой буржуазии, льющая воду на мельницу СССР, все более и более обостряется. Она уже зашла так далеко, что в постоянной грызне между собой каждая из спорящих капиталистических держав стремится привлечь на свою сторону СССР. Эти тенденции пока только намечаются. В даль-

нейшем они неизбежно должны усиливаться и усилить международное значение СССР.

Таким образом мы видим, что все те факторы, из которых сложилась победа СССР, усилились и продолжают усиливаться. В то же время идет внутреннее хозяйственное восстановление СССР. Уже почти восстановлено в довоенном размере сельское хозяйство, и советский хлеб стал важным фактором на мировом хлебном рынке. Увеличивается экспорт леса, нефти и др. видов сырья. Восстанавливается промышленность. Повышается общий хозяйственный и культурный уровень и вместе с ним обороноспособность страны.

И, оглядываясь назад, трезво учитывая нынешнее соотношение сил с капиталистическим окружением, СССР может спокойно и с великими надеждами смотреть в будущее.

Уроки прошлого, уроки настоящего говорят:

Капиталистическому окружению не удастся задушить СССР. СССР прорвет капиталистическое окружение, как в свое время прорвал блокаду, и водрузит над миром красное знамя коммунизма.

ДОПОЛНЕНИЕ ¹⁾.

V. Общий англо-советский договор 8 августа 1924 г.

В невероятно тяжелых условиях приходилось работать нашей делегации на англо-советской конференции, открывшейся в Лондоне 14 апреля, вскоре после признания СССР Англией. „Рабочее“ правительство Макдональда упорно отстаивало домогательства держателей аннулированных русских бумаг и бывших владельцев национализированных предприятий. Но английские капиталисты и их печать не переставали вопить на всех перекрестках о том, что правительство слишком уступчиво, что права английских граждан на „священную собственность“ в опасности и что нужно прекратить „бесплодные переговоры с большевиками“ (подробнее об этой бешеной кампании см. главу „Англия“). Медленно и с перебоями шли переговоры. Но все же кое-как достигались соглашения по отдельным пунктам. Критический момент наступил 5 августа, когда после 20-часового заседания стало ясно, что английская делегация упорно занимает неприемлемую позицию в основном вопросе о формулировке пункта относительно удовлетворения б. собственников национализированных предприятий. Наступил разрыв. Английские реакционеры, все враги СССР во всем мире торжествовали. Но в этот момент на сцену выступил наш союзник — английский пролетариат. Представители левого крыла рабочей партии не могли допустить, чтобы Макдональд, на которого они смотрят, как на главу рабочего правительства, прервал переговоры с другим рабочим правительством только потому, что последнее, соглашаясь идти на уступки, отказывается удовлетворить уж чересчур разгоревшиеся аппетиты кучки капиталистов. Ленсбери, Уоллгед, Персель и другие левые лидеры поняли, что английский пролетариат не простит своему правительству такой политики. По их инициативе в здании парламента было в спешном порядке созвано заседание исполнительного комитета рабочей партии, на которое были при-

¹⁾ Как уже указывалось выше, настоящая книжка закончена в июле 1924 г. За время подготовки ее к печати произошло такое крупное событие, как подписание общего договора с Англией, и это делает необходимым внести соответствующее дополнение. Автор.

глашены для доклада тов. Раковский вместе с другими руководителями советской делегации (в истории дипломатии — случай исключительный). Тов. Раковский откровенно раз'яснил причину разрыва — вопрос о форме удовлетворения б. собственников и изложил точку зрения советской делегации. Исполком не мог не признать ее правильной. Тогда делегация левого крыла рабочей партии отправилась к Макдональду и решительно потребовала возобновления прерванных переговоров. Некоторые депутаты даже угрожали правительству сложить свои полномочия и повести избирательную кампанию против политики правительства за соглашение с СССР. Все это не могло не повлиять на Макдональда. На следующий же день конференция возобновила свои занятия, и 8 августа, к величайшему смущению всех врагов Советского Союза, был подписан „генеральный (общий) договор между Великобританией и СССР“. (Во многих буржуазных газетах даже получился такой конфуз: в том же номере были помещены написанные накануне лживые статьи по поводу разрыва и телеграфное сообщение о подписании договора.)

Каково же содержание и значение этого крупного акта в истории нашей красной дипломатии?

Статья 1-я определяет договор следующим образом:

„Настоящий договор составляет формальный общий договор, предусмотренный во вступлении к торговому соглашению между правительством его британского величества и правительством РСФСР, подписанному в Лондоне 16 марта 1921 г., и заменяет между Великобританией, включая и Северную Ирландию, и Союзом это соглашение“.

Таким образом договор сам по себе, как формальный общий договор с чисто-юридической стороны, представляет дальнейший этап в процессе расширения и упрочения дипломатических отношений между СССР и Англией.

Важнейшая часть договора — это глава 3 о претензиях и займе. Приводим ее наиболее существенные части:

„В соответствии с декларацией, приложенной к торговому соглашению от 16 марта 1921 г., правительство СССР заявляет, что в порядке из'ятия из декрета от 28 января 1918 г. (об анулировании долгов бывших императорского и временного правительств) оно удовлетворит на условиях, указанных в настоящем договоре, претензии британских держателей займов, выпущенных или принятых на себя или гарантированных бывшим императорским российским правительством или городскими самоуправлениями городов территории, ныне включенной в Союз, подлежащих оплате в иностранной (нерусской) валюте.

„Правительство его британского величества признает, что финансовое и экономическое положение Союза делает неосуществимым полное удовлетворение претензий, упоминаемых в предыдущем абзаце этой статьи“ (статья 6).

Таким образом мы видим, что вопрос о довоенных долгах разрешается компромиссом на основе взаимных уступок. Советское правительство на известных условиях (в первую очередь, как мы увидим ниже, при условии предоставления нам Англией займа) соглашается частично удовлетворить британских держателей довоенных займов. А с другой стороны, английское правительство признает, что такой шаг со стороны СССР не может быть истолкован, как отказ от декрета насчет аннулирования займов, а только как изъятие из декрета о национализации, сохраняющего свою полную юридическую силу. Это признание нашего революционного законодательства чрезвычайно важно с точки зрения международно-правовой. Далее английское правительство признает, что полное удовлетворение претензий держателей займов неосуществимо. Закрепление этого факта в договоре тоже имеет серьезное значение.

Вопрос о военных займах Англии царскому и временному правительствам, исчисляемых английским правительством (вместе с процентами) в 7½ миллиардов рублей, связывается в договоре с вопросом о наших контр-претензиях за интервенцию. Оба эти вопроса „оставляются для обсуждения в позднейший срок“ (ст. 7), т.-е. снимаются с порядка дня на неопределенное время, не препятствуя достижению соглашения по другим пунктам. Это, без сомнения, — шаг вперед.

Далее идет наиболее сложный вопрос — вопрос о национализированной частной собственности британских граждан, из-за которого произошел первоначальный разрыв переговоров. Этот вопрос также поставлен в договоре в зависимость от займа. Соответствующая статья договора гласит:

„Желая восстановить экономическое сотрудничество между обеими странами, правительства его брит. вел. и СССР соглашаются о следующем:

„Правительство Союза, в порядке изъятия из декретов, национализировавших промышленные предприятия и землю, вступит в переговоры с британскими подданными (включая юридич. лица) в отношении промышленных предприятий или концессий, которые были национализированы или аннулированы им, дабы урегулировать вопрос о справедливой компенсации по таким претензиям“ (ст. 10).

Для рассмотрения действительности таких претензий будет избрана комиссия из 3 представителей от СССР и 3 от Англии. Таким образом ничто не может быть решено без предварительного согласия советских представителей в комиссии, и вышеприведенная статья не связывает заранее СССР общим обязательством удовлетворить б. собственников, а только обязует вступить в переговоры. А что касается характера этих переговоров, то тов. Раковский в своей речи на пленуме

Моссовета 20 августа, по возвращении из Лондона после подписания договора, заявил:

„Мы будем иметь в виду только таких собственников, которые представляют для нас важность с точки зрения утилитарной (практической) или по соображениям социальной справедливости — таким собственникам мы пойдем навстречу“.

Все эти переговоры с бывшими собственниками и держателями русских бумаг в случае их положительного исхода должны найти свое завершение во втором договоре, предусматриваемом ст. 11 договора 8 августа. Но все упомянутые обязательства СССР, как уже указывалось, поставлены в зависимость от займа. Ст. 12 гласит, что после подписания второго договора английское правительство „будет рекомендовать парламенту поставить его в возможность гарантировать проценты и амортизацию погашения займа, имеющего быть выпущенным правительством СССР“. И далее особая статья (13) гласит: „Положения настоящей главы (о займе и претензиях) составляют единое неразделимое целое“. Это значит, что обязательства СССР договориться с б. собственниками и держателями довоенных займов имеют силу исключительно в случае получения советским правительством займа в Англии.

Каков политический смысл такой постановки вопроса для трудящихся масс СССР? Подписывая такой договор, мы как бы заявили английскому правительству: от нашего революционного законодательства мы не отказываемся. Декреты о национализации и аннулировании царских займов остаются в полной силе. Но в целях ускорения восстановления нашего хозяйства мы готовы идти на уступки. Мы готовы частично удовлетворить пострадавших английских капиталистов, если вы согласитесь гарантировать заем, который мы выпустим в Лондоне. (В таких условиях частные капиталисты дадут заем.) Или, выражаясь словами тов. Чичерина на том же заседании Моссовета: „Разрешение вопроса о царских долгах делается составной частью вопроса о получении нами займа; получаемые нами выгоды настолько превосходят ту жертву, которая приносится частичным взятием на себя некоторых старых обязательств, что в общем это соглашение чрезвычайно выгодно для нас“.

Какая огромная разница между постановкой того же вопроса в Лондоне в 1924 г. и в Генуе в 1922 году! Там, в Генуе, Англия требовала полного возмещения для быв. собственников и держателей займа, закабаления трудящихся масс советских республик на целые поколения и отказа от основных завоеваний Октябрьской революции. Но прошло всего два года, и Англия уже говорит на другом языке, на языке полного равноправия для нас, как для договаривающейся стороны, и уменьшает свои требования во много раз.

Тем же духом проникнут торговый договор, заключенный одновременно с общим договором и дополняющий его. Торго-

вый договор (подписан также 8 августа) признает нашу государственную монополию внешней торговли, неприкосновенность торгового представительства и распространяет на торговлю с СССР действие английского закона о правительственном поощрении внешней торговли путем кредита для экспортеров. Последнее открывает для нас широкие возможности в смысле получения долгосрочных товарных кредитов.

Для исчерпания основных моментов советско-английских договоров от 8 августа следует еще добавить соглашение о рыбной ловле. Вопрос о территориальных водах (прибрежная морская полоса, которая признается за прилежащим государством) рассматривается, как международный вопрос, и его окончательное решение отсрочено. Но в пределах той зоны, о которой говорилось в „известных“ нотах Керзона в мае 1923 г., выработан ряд соглашений, обеспечивающих интересы наших рыболовов и устраняющих возможность трений.

В общем нетрудно видеть, что советско-английский договор, несмотря на незаконченный характер пунктов о претензиях и займе, все же является значительным достижением советской дипломатии. И неудивительно, что подписание его вызвало ожесточенную кампанию со стороны врагов СССР в Англии, направленную к срыву ратификации договора парламентом. Особенно нападки вызвало согласие правительства Макдональда на гарантию советского займа.

Реакционная английская печать изо дня в день вопила о „капитуляции Англии перед большевизмом“ и требовала разрыва договора. Многие либеральные политики и их печатные органы, до сих пор относившиеся к СССР более или менее корректно, также присоединились к этой кампании. Особенно отличился в этом наш старый „друг“, великий либерал и миротворец—Ллойд-Джордж. Все это объясняется отчасти внутренне-политическими соображениями,—желанием нанести поражение так наз. рабочему правительству,—отчасти стремлением запугать советскую дипломатию и заставить ее идти на уступки при окончательных переговорах о претензиях.

Бешенство в буржуазном лагере еще более усиливалось в виду того, что, подписывая договор, правительство Макдональда поддавалось непосредственному давлению „улицы“, т.-е. рабочих масс. Но, с другой стороны, кампания врагов СССР вызвала энергичный отпор со стороны пролетариата. Кроме коммунистической партии, различные другие рабочие организации — профсоюзы, организации рабочей партии, англо-русский парламентский комитет (или, как это общество раньше называлось, „Руки прочь от России!“), а также многие видные рабочие деятели стали разоблачать интриги противников договора и мобилизовать политические силы для благополучного завершения дела урегулирования англо-советских отношений.

Чем бы ни кончилась эта борьба вокруг договора, факт его подписания сам по себе уже является победой советской дипло-

матии. Подписание общего договора между СССР и одной из наиболее сильных капиталистических держав — Англией — еще раз прозвучало во всем мире кличем: „СССР идет!“ Россия возвращается на мировую арену. Но это — уже не старая Россия и не „будущая“ „демократическая“ буржуазная Россия, которой напрасно ждал буржуазный мир, а настоящая Советская большевистская Россия, которая красноармейским штыком начертала на стене грозные буквы С. С. С. Р.... И не даром руководитель английской делегации Понсонби на последнем заседании англо-советской конференции предложил тов. Раковскому вопрос: не согласится ли СССР, в виде первого шага к вступлению в Лигу Наций, послать в Лигу своего „наблюдателя“ (по образцу Америки, очевидно). С точки зрения английского дипломата это должно было означать формальное приглашение СССР в благородную „семью народов“, олицетворяемую так наз. Лигой Наций.

На это тов. Раковский ответил, что СССР готов назначить „наблюдателя“, но не как первый шаг к вступлению в Лигу, ибо „друзья подлинного сообщества наций должны быть счастливы, что советское правительство остается вне Лиги“. Кроме того, назначение „наблюдателя“ зависит от двух условий: 1) придания ему дипломатического иммунитета и 2) разрешения конфликта со Швейцарией в связи с убийством Воровского.

Таким образом даже в „самой“ Лиге Наций может появиться представитель СССР — „наблюдатель“, который будет зорко следить за игрой священнодействующих в этом „храме мира“ „миротворцев“...

И как бы для того, чтобы еще раз напомнить буржуазному миру о том, что „СССР пришел“, тов. Раковский на том же заключительном заседании конференции огласил 5 деклараций, излагающих точку зрения и требования советского правительства в связи с основными международными проблемами Лиги Наций: сокращение вооружений, балканский вопрос, вопрос о проливах, бессарабский вопрос, восточно-галицийский вопрос и т. д. Пусть эти декларации не имеют непосредственных конкретных последствий. Но что при нынешнем международном удельном весе СССР они не пустой звук, а серьезный дипломатический акт, это лучше всего подтверждается тем воем, который был поднят в Румынии, Польше и др. странах по поводу „вмешательства Раковского во внутренние дела иностранных государств“. Гемии, которые сидят на захваченной земле, овладела естественная тревога, когда они почувствовали, что хозяин идет; те, которые под победные звуки при дележе Европы натворили немало темных дел и делишек, почувствовали, что надвигается ревизия...

Подписание англо-советского договора бросило яркий свет на ту сторону международной арены, где твердой, уверенной поступью к самому центру арены направляется великан — СССР.

Москва, август 1924 г.

~~10612~~
4 1/2

СОУНЬ ИМ. В. Г. Белинского

СОУНЪ ИМ. В. Г. Белинского

СОУНЬ им. В. Г. Белинского

100 000 1000
85 172 26 261
14954 3739
95..

СОУНЬ им. В. Г. Белинского

Ц. 50 к.

05к

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО